

ВОЛШЕБНАЯ АКАДЕМИЯ

ЛАРА ИНГВАР

На пути к трону
Академия пяти дорог

Annotation

Раньше я думала, что лишена магических способностей, однако, поступив в Военную академию, обнаружила у себя дар. И теперь я единственная женщина — маг воды во всей Империи. Но что принесло мне это знание?

Договорной брак с наследным принцем, хитросплетения дворцовых интриг, чужие тайны, тяжким грузом лежащие на сердце. Теперь я знаю, что ведьмы живы, что боги вовсе не преданы забвению, а наш мир, где сила решает все, куда сложнее, чем кажется на первый взгляд.

- [Лара Ингвар](#)
 - [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [ГЛАВА 7](#)
 - [ГЛАВА 8](#)
 - [ГЛАВА 9](#)
 - [ГЛАВА 10](#)
 - [ГЛАВА 11](#)
 - [ГЛАВА 12](#)
 - [ГЛАВА 13](#)
 - [ГЛАВА 14](#)
 - [ГЛАВА 15](#)
 - [ГЛАВА 16](#)
-

Лара Ингвар
НА ПУТИ К ТРОНУ

ГЛАВА 1

Я стану женой принца, стану женой принца Тавра, стану... Чтобы слова обрели смысл, приходилось повторять их себе снова и снова. Вчерашний сквир, лишённая магии аристократка, презираемая всеми, словно чумная, сегодня я — невеста самого желанного жениха империи. А все потому, что в моей крови есть магия, причем не простая, а редкая — магия водной стихии. Старый император узнал о моей силе только из-за предательства графа Роаха, единственного, в ком я была полностью уверена. Империя для него дороже любви. Хотя, быть может, я все выдумала. В конце концов восемнадцатилетнюю девушку легко ввести в заблуждение.

Когда я на подкашивающихся ногах вошла в дом, пришлось изрядно изловчиться, чтобы не попасть ни под один из летающих вокруг предметов мебели. Мама, заливая измятое письмо слезами, причитала: «Граф расторг помолвку! Что же теперь будет...», а отец пытался успокоить ее, поглаживая по волосам.

Я знала, что она уже потратила все деньги, что Роах дал моей семье в качестве выкупа за невесту, о том говорили обновленные интерьеры комнат и ее роскошное розовое платье. Одно из сотни, населяющих свободные закутки, которые мама превратила в гардеробные. Братья благоразумно сбежали, оставив нам с папой разбираться с взбалмошной родительницей. Прокрасться в свою комнату незаметно не получилось, мама меня заметила и жестом велела остановиться.

— Что ты сделала не так? — спросила скрипучим из-за истерики голосом. — Что случилось в замке?

Я не ответила. Не хотелось рассказывать, как доверилась графу и призналась, что я не жалкий сквир, а маг воды. И он, едва узнав об этом, притащил меня во дворец к старому императору, и уже Теренис решил мою судьбу, обвенчав со своим младшим сыном, единственным из оставшихся в живых. Естественно, помолвка с графом была аннулирована, о чем сейчас и сокрушались родители, мало что знающие о собственной дочери. Пожалуй, наша немногочисленная прислуга и то больше осведомлена.

— Вечером вы должны присутствовать во дворце, чтобы заключить мою помолвку с принцем Тавром, — заявила, отмахнувшись от вопросов.

Мама открыла рот, но тут же его захлопнула, внезапно став похожей на рыбу. Очень счастливую рыбу. Еще бы, исполнялась ее мечта — теперь она будет вхожа во дворец.

— Но как?

Покрасневший мамин нос начал возвращаться в свое нормальное состояние, а предметы, летающие из-за неконтролируемых вспышек магии, попадали на пол. Обученная, она могла бы стать потрясающим магом ветра — энергии в ней была прорва.

— Вот так. Принц без памяти в меня влюбился, — солгала я.

Конечно же дело было в магии крови, что текла по моим жилам, но, если мама об этом узнает, будет знать и вся империя, а мне пока не хотелось, чтобы меня воспринимали как-то по-другому. К магу воды все начнут искать подход, будут пытаться завоевать мое расположение, ведь во всей империи я третья, кто обладает подобными способностями, а по уровню силы, возможно, и вовсе первая.

Проигнорировав лавину радости и шквал вопросов, поплелась вверх и бессиленно упала на кровать. Не успела закрыть глаза, как деликатный стук в дверь вынудил меня подняться.

— Я могу войти?

Отец стоял на пороге и шагнул в комнату только после того, как я кивнула. Папа всегда отличался чувством такта и пониманием, что личное пространство — именно личное. Ну или ему просто было плевать на всех, кроме мамы.

— Мне можешь открыть правду, — уверил он.

Иссиня-черные волосы отца изрядно посеребрило немилосердное время. Я как-то не замечала этого раньше, и только сегодня заметила, как он постарел.

— Все так, как и сказала, — повторила свою ложь, но папу нелегко обмануть.

Это рядом с женой он превращался в увальня, потому что слишком ее любил. На самом деле Амариэль из клана Синего огня когда-то давно был талантливым магом, настоящим лидером и могучим воином.

— Красную пыль из королевской пыточной я узнаю где угодно, — угрюмо произнес папа. — Самому приходилось там бывать, когда казнили заговорщиков после битвы на Черном море.

Я взглянула на подол платья, измазанный чем-то ржаво-коричневым. Как же много крови пролилось в подвалах под дворцом, если пыль приобрела такой оттенок?! Меня действительно связали в пыточной, пока раздумывали, что со мной делать. Доверять ли отцу? Взглянула исподлобья.

— Ты ведь маг воды, Мари. — Не успела начать отрицать, он присел возле меня на кровать и схватился за голову. — Я так и знал. Знал уже давно... Моя бедная девочка...

Вопреки моим ожиданиям папа от этой новости не принялся вытанцовывать, напротив, выглядел очень расстроенным.

— Все же хорошо, папа, все хорошо. — Прикоснулась к отцу, погладила по волосам.

На душе стало тепло. Неужели отец меня все-таки любит?

— Магов воды убивают...

— Женщин — нет, — попыталась успокоить его.

Откуда он узнал? Я всегда считала, что секрет об уничтожении конкурентов на трон королевской семьей хранится лишь ее членами и кланом Ледяного ветра, тем самым, что истреблял магов «во благо» короне.

— И женщин тоже. Все, что нужно от женщины-мага воды, это рождение сына с ее способностями, лучше двух для гарантии. Королевская семья, — он сжал и разжал кулаки, глаза полыхнули огнем, — уничтожает свои собственные ветви.

Мой отец что-то знал, в его глазах я видела печать горьких воспоминаний.

— Пап, я никому не дам себя в обиду. И императорская семья подавится, если попробует меня проглотить.

Я хорохорилась и пыталась приободрить его, но безуспешно. Отец смотрел на меня с жалостью, все понимая, но не в силах ничего изменить.

— Насколько ты сильный маг?

Поверив, что папа не выдаст тайны, ответила:

— Настолько, что встретила с чак-чо.

Изумление было столь велико, что лицо родителя вмиг разгладилось и помолодело.

— Тогда у тебя есть шанс выжить. Главное, со свадьбой не торопиться.

— Я заключу с императором Кровавый договор, Теренис обещал дать год на учебу в военной академии.

Отца эта новость обрадовала. Он поднялся с кровати.

— Год до свадьбы... Это уже кое-что. Отдыхай, Маримар, а я должен подготовиться к встрече, хотя терпеть не могу эти помпезные сборища.

— Спасибо, папа.

Дверь тихонько скрипнула, затворяясь. Теперь еще один человек посвящен в мою тайну. Возможно, отец всегда знал о моих способностях, но предпочитал для дочери жизнь сквира — отсутствие перспектив и уважения. Он выбрал для меня неравный брак или жизнь содержанки. Неужели, по его мнению, моя сегодняшняя судьба настолько хуже?

* * *

Золото, блеск, изящные светящиеся гирлянды, созданные магами огня, плавающие в потоках воздуха цветы...

Я шла под руку с отцом, и он торжественно передал меня Тавру. Все рукоплескали, но многие придворные едва сдерживали возмущенные возгласы. Принц решил жениться на сквири?! Дамы шептались, прикидывая, чем же я смогла покорить Тавра, и не скрывали своей ненависти. Были и те, кто рассматривал мой живот, пытаясь найти признаки беременности.

Туфли неудобные, не давало дышать платье с пышной юбкой и корсетом — в нем талия была столь узкой, что ее можно обхватить мужскими ладонями. Если моя первая помолвка походила на рыночную сделку, то вторая была фарсом чистой воды. Настоящим театральным представлением.

Удивительно, когда только слуги успели нарядить зал и подготовить уйму различных блюд?

Мама плыла словно лебедь и выглядела такой счастливой, что мне подумалось: «Ну хоть кому-то этот цирк доставляет радость». Я выглядывала знакомых в толпе придворных. Увидела Фири, Киару, нескольких знакомых из академии. Роаха поблизости не было — летает где-нибудь вольной птицей.

Тавр мне улыбался, медовые глаза затягивали. Я с трудом отвела взгляд и тоже изобразила улыбку.

— Моя прекрасная невеста... — Принц поцеловал мои пальцы и нежно коснулся спины, да и все его прикосновения были невесомыми, незаметными и очень приятными.

Император хмурился, мучительно подбирая слова. Все же такой союз для многих считался полнейшим мезальянсом.

— Любовь, — произнес он первое слово, и весь зал замер. — Мы забываем, что значит любовь в нашем мире. Она мощнее любой стихии, из-за нее начинаются войны и воцаряется мир, благодаря ей на свет появляются самые сильные дети. Я рад, что мой сын нашел свою половину, и горд сообщить, что Маримар из клана Синего огня отныне связывает свою судьбу с Тавром, императорским наследником.

В зале не просто стихло, присутствующие замерли так, словно разом перестали дышать. В воцарившейся тишине было слышно, как упал на пол чей-то веер. Теренис не только объявил о помолвке своего сына со сквиром, он еще и сообщил, что этот сын, не владеющий магией воды, станет его наследником. Первой зааплодировала моя мама, к ней неуверенно присоединились остальные.

Оглянувшись на Тавра, увидела его лицо, полное смирения и спокойной гордости. Я достаточно проучилась в школе Танцующих леди, чтобы научиться распознавать маски. В душе принц ликовал, хлопал в ладоши, подпрыгивал как безумный и кричал «Она моя! Империя теперь моя», но снаружи был образцовым сыном, который, смахнув скупую мужскую слезу, сделал шаг вперед, обнял старого отца и сказал:

— Я оправдаю твои ожидания, папа.

А затем взял меня за руку и вывел в центр зала на первый танец жениха и невесты. Подобное обычно происходило на церемонии бракосочетания, и то, что этот танец мы исполняли сейчас, говорило о серьезности намерений Тавра. Я двигалась как деревянная и, если бы не умение принца вести партнершу, трижды бы оступилась на

неудобных каблуках. Моя страница подписанного договора была бережно спрятана в кармашке под юбкой. Император хотел поставить подписи после объявления помолвки, но я настояла. Завтра вечером, после того как я приеду из академии, состоится мое первое занятие магией воды.

— Ничего не бойся. — Принц, теперь уже наследный, кружил меня в танце. — Я смогу защитить тебя от злых языков.

— Это не то, чего я боюсь, — ответила с улыбкой.

Мне было не привыкать к нападкам аристократов. И причислять себя к ним так и не научилась.

— Тебе приготовят покои рядом с моими, между ними есть потайная дверь, так что... — склонившись к моему уху, прошептал Тавр.

— Мы еще не женаты, ваше высочество, — напомнила с усмешкой.

— Мы помолвлены, после помолвки добрачные отношения не возбраняются. — И он многозначительно заглянул в вырез платья.

— Я вас не люблю. И не лягу в постель с мужчиной, к которому не испытываю никаких чувств.

Меня возмущала его притворность. Вероятно, решил, что сегодня для него открыты все двери. Меня же только выпустили из королевской пыточной, след от кинжала все еще горел на коже, прикрытый изящной повязкой из красного шелка.

Принц рассмеялся, его смех рассыпался сотней колокольчиков.

— Первый раз слышу, чтобы кто-то желал любви в договорном браке! Но ты дорога мне, Мари. И я сделаю все, чтобы ты меня полюбила. — Обнял меня крепче и погладил по спине, целомудренно, но все же нарушая правила этикета.

— Вы бы могли сейчас сказать, что влюбились в меня с первого взгляда...

— Зачем лгать? Ты прекрасна, восхитительна, обаятельна и смела, но для того, чтобы полюбить, одного взгляда мало.

— Это правда, его недостаточно, чтобы влюбиться, хоть вы и самый красивый мужчина, которого я когда-либо видела.

— Рад, что ты это признаешь. Но красота — не всегда дар. Люди считают, раз я так красив, наверняка гнилой внутри. И смотрят на лицо вместо того, чтобы услышать и понять.

Я вздрогнула, ведь и сама так думала. Безупречное лицо принца пугало, наводило на мысли о чем-то ненастоящем. Фигура была слишком точеной, даже кисти казались вылепленными скульптором. У Роаха пальцы мозолистые, жесткие, а у Тавра — шелковистые. Неужели у слоновой кости, золота и янтаря может быть душа?

— Ты тоже так считаешь... — Мужские губы исказила горькая усмешка. — Может быть, хотя бы моя жена сможет увидеть меня настоящего?

Танец окончился, отец забрал меня у Тавра, а принц пригласил мою мать. Та от восторга улыбалась и краснела, но я не видела в ней того же трепета, как перед Роахом.

— Маримар, почему ты сохранила в тайне то, кем являешься? — Папа спросил так тихо, что я удивилась, как вообще смогла услышать в грохоте музыки.

Отец изменился, едва мы вошли в тронный зал. Амариэль Черный — так его окрестили после битвы — выпрямился в полный рост, расправил плечи. Каким образом сильный маг, военачальник все эти годы прятался в моем папе, подкаблучнике и тихоне?

— Потому что вижу настоящие лица людей, когда они воспринимают меня как сквира, — произнесла со злостью.

Он пожал плечами.

— Я знал, что ты маг воды, с трехлетнего возраста. Но считал, что будет лучше, если этот дар никогда тебя не потревожит.

Я остановилась как вкопанная, фигуры танца сбились, мама зашипела на папу, и тот снова начал двигаться в такт музыке, увлекая меня за собой.

— И предпочел отдать меня в школу Танцующих леди? Я прошла через столько унижений... Я могла бы быть обвенчанной с Теренисом-младшим, как и планировалось, могла бы стать настоящей леди, а не Танцующей, — слова срывались с языка одно за другим, всю ночь вертевшиеся в голове вопросы требовали ответа.

Однако отец оставался невозмутим.

— Зато это была жизнь. Ты росла, изменялась, боролась. Ты стала сильной, а в королевской семье твою личность уничтожили бы. — Он не выглядел виноватым, наоборот, уверенным в своих действиях, у меня же голова шла кругом. — Говорю тебе все это, чтобы ты была

втройне осторожна. Я подготовлю для тебя план побега, если станет опасно. Мари, что бы ты ни думала, я тебя люблю.

От его слов сердце радостно сжалось. Но бежать я не собиралась, тем более что Кровавый договор эту возможность исключает. «До смерти императора», — промелькнула мысль, но я тут же ее отмела. Теренис-старший стар, но слишком упрям, чтобы покинуть этот мир.

Музыка вдруг оборвалась, второй раз за вечер в бальном зале воцарилась тишина. Танцующие смотрели на двери, будто в них только что вошло сказочное чудовище.

— Играйте, — раздался властный голос, который я бы узнала из тысячи.

Роах... Его приказной тон заставил музыкантов заиграть, вот только от их нервозности темп ускорился, и мы с отцом еле успевали выполнять фигуры, впрочем, как и остальные придворные. Едва мелодия стихла, зал наполнился множеством тихих шепотков, полных опасения и предвкушения: «Что он здесь делает? Неужели разразится скандал? Да чем эта девчонка их берет?» Однако Роах прошел сквозь толпу, даже не взглянув в мою сторону, и направился к императору. Наклонился и что-то сказал, скрыв свои слова воздушным покровом. Теренис сначала нахмурился, потом рассмеялся. Следующую его фразу смогла прочитать по губам: «Значит, я все сделал правильно». Что шептал граф, осталось загадкой.

Я не отлипала от отца — в неловких ситуациях хочется, чтобы кто-то взрослый и мудрый закрыл от всех невзгод. Лучше сразиться с десятком врагов, чем наблюдать, как Роах и Тавр сверлят друг друга взглядами, а придворные ловят каждый их жест, чтобы потом обсудить и посмаковать подробности.

Уходя, граф обернулся и со свойственной для него прямолинейностью напомнил, глядя мне в глаза:

— Маримар, надеюсь, вы не забыли, что завтра в академии начинается второй семестр. Ровно в восемь утра вы должны быть на тренировке.

Я кивнула, по привычке вытянувшись по стойке «смирно». В пышном платье с кринолином это выглядело нелепо, и губы графа дрогнули в усмешке. Но она тут же потухла, и граф, мягко воспарив над землей, покинул зал.

Была бы я дома, сослалась бы на плохое самочувствие и отправилась спать, но здесь меня никто не отпустит, поэтому пришлось танцевать и приторно улыбаться, невзирая на косые взгляды. Тавр, заметив, что я устала, отбился от окруживших его воздыхательниц, которые едва ли не рыдали, не скрывая эмоций, и повел меня наверх по тем же коридорам, по которым я шла с Киарой несколько недель назад. А меня преследовало ощущение, будто с тех пор прошла целая жизнь.

— Запоминаешь, Мари? — спросил, потому что я усердно таращилась в пол.

Принц деликатно предложил мне взять его за руку, я протянула ладонь, коснулась теплой кожи. Старалась не смотреть на него, потому что боялась превратиться в одну из тех дурочек, что шастают за ним следом подобно собачонкам.

— Простите за то, что ударила вас по носу, — извинилась я.

Когда принц этим утром прокрался в мою камеру, нервное перенапряжение дало о себе знать, и я с размаху впечаталась лбом в его нос, в результате чего на совершенной переносице появилось красное пятнышко. Хорошо, что не сломала. Нельзя ломать что-то настолько красивое.

— Я не в обиде. Это было весьма неожиданно. Ты очень устала. Хочешь, помогу тебе снять напряжение? — Тавр остановился и глянул на меня своими янтарными очами.

Дернувшись, попыталась вытащить руку — мягкое касание принца было обманом, его пальцы держали запястье стальной хваткой.

— Нет, спасибо, — рыкнула, а Тавр продолжал смотреть на меня. От его взгляда я теряла волю, превращалась в улыбающееся желе. Пришлось ущипнуть себя, чтобы очнуться. — Если вы хотите, чтобы наши отношения куда-то двигались, больше не пытайтесь меня гипнотизировать.

На самом деле я уже размышляла, как вырубить принца, решив, что он меня не отпустит. Но Тавр отвел взгляд и отпустил меня сам.

— Я не хотел тебя пугать. И действительно мог бы помочь снять напряжение. Массаж головы для этого очень подходит. Вот твоя комната.

Мне показали на светлую дверь, расписанную белыми птицами. Комната принца была дальше по коридору, это я поняла по золотой

росписи на створке.

— Доброй ночи, Тавр. — Присела в реверансе.

— Доброй ночи, моя прекрасная невеста. Я тоже пойду спать.

Он улыбнулся, и сердце болезненно сжалось. Не бывает таких красивых людей. Просто не бывает.

Затворив дверь, я еще какое-то время стояла на месте, оглядывая чужую комнату: огромную кровать из светлого дерева, алый ковер работы восточных мастеров, дверцу, ведущую в ванную, и шкаф, которым замаскирован проход в спальню принца.

Уныло посмотрела на шнурок, висевший над кроватью, и решила никого не вызывать, чтобы помогли справиться с нарядом. С трудом стянула платье, которое так и осталось на полу кучей шелка и кружев. Больше никогда не соглашусь надеть что-либо, что шил не Фиримар. Чтобы поскорей уснуть, сделала дыхательную гимнастику, но лишь спустя час провалилась в беспокойную дремоту. Проснулась от собственного крика. Сон был непонятным, мутным, полным тревожных видений и теней. Взглянув на часы, обнаружила, что лишь половина пятого утра. Вокруг царила кромешная темень, рассвет даже не думал заниматься. Значит, появлюсь в академии раньше.

Заглянула в шкаф. В нем не было ни одной моей вещи. Все новое, сшитое как на заказ, но не мое. Подобрал самое простое и удобное платье, спустилась вниз, миновала храпевших охранников. Стану императрицей — буду за такое увольнять с позором.

Рыська спала в конюшне. Среди пятнадцати похожих лошадей едва смогла опознать ее по чуть более длинному носу и вечно недовольной морде. Теперь понятно, откуда попала ко мне кобыла.

— Просыпайся, красавица, — прошептала и погладила ее.

Лошадь посмотрела на меня, как на злейшего врага, но милостиво вышла из загона и смирно ждала, пока на нее наденут сбрую и седло. Конюхи тоже спали без задних ног.

Дворец я покинула беспрепятственно — многочисленная охрана выпустила меня не глядя, не посчитав себя обязанными выказывать уважение сквиру. Что ж, я запомню.

Мне здесь определенно не нравилось, куда уютней казалась комнатка в академии. Но разве я смогу уговорить Терениса отпустить себя так близко к Роаху? И дело не в возможных моих чувствах к магу ветра. Старый император его боялся, это было заметно по жестам,

взгляду, по тому, как он держался с графом. А я — живой допуск к трону.

До разминки с Эльдаром успела забежать в свою спальню, переодеться в спортивный костюм. Цветы, которые всегда стояли в комнате, завяли и облетели. Забыла выбросить их перед отъездом. Как всегда первой оказалась и в столовой, и в спортивном зале. После холода на улице — столицу и территорию академии за время каникул основательно занесло снегом — спортивный зал показался даже слишком теплым. Сняв обувь, принялась бегать по кругу, в надежде, что это поможет избавиться от дурных мыслей. Была ли в моем контракте с императором хоть какая-то лазейка? Я ее не находила, сколько бы ни размышляла. Текст составлен грамотно, ни сбежать, ни передумать я не могла. Сейчас мне очень пригодился бы совет кого-нибудь более опытного, мудрого, но будь я проклята, если еще когда-нибудь доверюсь графу.

— Ваше высочество, будете так носиться, не останется сил на настоящую тренировку! — услышала насмешливый голос.

А новости быстро разносятся!

Тренер привычно забрался повыше на маты и восседал на них, словно лысый орел в гнезде. Рядом с ним лежал большой мешок, наполненный какими-то железяками.

Я замедлила шаг, подошла к Эльдару.

— Чем мы сегодня займемся?

Тот, сощурив свои лисьи глазки, достал из торбы тяжелый металлический замок.

— Считаю, у нас сегодня факультатив. Большинство студентов отсутствуют, многие еще не вернулись с каникул, кое-кто отсыпается после долгой дороги. Забирайся сюда, Маримар. Будем учиться взлому!

Мои глаза округлились. Кто бы мог подумать, что нечто подобное будут преподавать в академии Пяти дорог — самом престижном учебном заведении империи! И почему Роах вчера приказал мне появиться здесь, если знал, что основная часть учащихся еще не вернулась после каникул?

Мы устроились на матах, скрестив ноги, и Эльдар принялся с упоением и в подробностях описывать мне каждую из отмычек.

— При необходимости некоторые замки можно открыть даже булавкой или женской шпилькой, но предпочтительней действовать правильным инструментом. — Он хохотнул и ткнул меня в бок.

Я шутки не поняла, но улыбнулась. Оказалось, что взлом — дело тонкое, требующее интуиции и большого искусства. Под конец урока Эльдар попробовал научить меня выкручивать запястье, чтобы выпутаться из веревок в случае, если свяжут руки, но я с воплями убежала, когда он попытался сместить мне сустав на большом пальце.

— Трусиха! — крикнули мне вслед.

А я уже со всех ног неслась на завтрак. Оказавшись в пустом зале — не было ни персонала, ни запахов еды, — я было расстроилась, но затем нос к носу столкнулась с сонным Ану.

— Маримар! — воскликнул он и расцвел в улыбке.

Я обняла друга, он от такого теплого приветствия совсем растаял.

— Как ты провел каникулы? Как Наир?

— Из-за него-то я никуда и не поехал. Сейчас самое время для дрессировки. — Ану, с каждым днем все сильнее терявший свой восточный акцент, довольно улыбнулся. — Наир растет и крепнет.

Вспомнив, какого размера уже достиг питомец мага огня, я вздрогнула.

— Сегодня опять ничего не приготовили! — расстроился Ану. — Но мама прислала большую посылку с едой, а еще есть свежие яйца. Пойдем позавтракаем, — предложил он, и я незамедлительно согласилась.

Вечно меня Ану к себе яйцами заманивает.

В комнате мага драконом уже не воняло, но стены и пол хранили следы когтей. Ану споро пожарил яичницу, оторвал по ломтю свежего хлеба. Необыкновенный по вкусу сыр и орехи тоже нашлись в его закромах, а кофе маг мог приготовить, просто взяв турку в руки.

— Ты как живая печка, — усмехнулась, видя, как легко он управляется с магией.

Не все на такое способны, некоторые и вовсе — подожгут хворостину, а потом минут пять отдышаться не могут, или кровь носом начинает идти.

— Мне всегда казалось удивительным, что кто-то может не справляться с ней. — Ану сделал небольшой глоток из узкой чашки. После снега и холода на улице его жилище воспринималось

настоящим оазисом. И ведь все тепло шло от Ану, верхние комнаты, как правило, почти не отапливались. — Мы с Тавром недавно говорили на эту тему. — Заметив мой удивленный взгляд, Ану пояснил: — Принц помогает мне обучать Наира, мы много общаемся. Он удивительно много знает о драконах и магических созданиях. Даже вымерших.

— Тогда для тебя не секрет, что мы должны пожениться... — сказала с облегчением, потому что не знала, как подать новость другу.

Юноша поперхнулся горячим чаем.

— Ка-а-ак? — От волнения в его голосе прорезался акцент. — А Роах?

Я закинула в рот горстку орехов, пожала плечами. Орехи у Ану были изумительными, особенно свежий миндаль исполинских размеров. Купить такой невозможно, я читала, что его разрешалось есть только повелителям далеких восточных земель. Оставалось догадываться, как мама Ану смогла раздобыть лакомство.

— Роах мне больше не жених. Все договоренности аннулированы.

— Но почему?

— Тавр влюбился в меня без памяти и увел.

Сказала и сама себе не поверила. Принц, влюбленный в сквира, звучало глупо. Принц, получивший билет к трону, — куда понятней. И когда я стала таким циником?

— Но я тоже... тогда могу, — быстро и бессвязно пробормотал Ану и взял меня за руку — он же не знал, что я связана Кровавым договором.

— Нет, Ану, не можешь, — оборвала я горячего восточного парня и мягко высвободила кисть. — У принцев невест не похищают.

— Но мы можем сбежать...

— У меня есть обязательства, Ану, — покачала головой, — и у тебя есть обязательства.

Юноша меня понял. Долг должен идти впереди чувств. Даже если бы я не была связана договором и сбежала, что бы это нам дало? В погоню бросилась бы половина королевства, мы не смогли бы скрыться. Мы оба слишком юны и неопытны. Мне повезло, я осознавала свою слабость, а Ану считал себя практически всемогущим.

Я поднялась с мягкого ковра, отряхнула крошки с платья. У меня действительно есть обязательства. Сейчас нужно зайти в кабинет Роаха, чтобы получить новое расписание. Не хочется видеть ректора. Или хочется?

А ну собирался проводить меня, но я отказалась. Одна войду в кабинет графа и посмотрю в его холодные глаза. Может быть, даже спрошу, как он спит по ночам.

Уверенность таяла, пока я шла по пустым коридорам академии. Обычно наполненные спешащими студентами, сейчас они выглядели странно, я, кажется, впервые обратила внимание на узкие арочные окна, на толщину стен. Академия могла бы быть крепостью, выстоять в случае нападения у нее было значительно больше шансов, чем у королевского дворца, ажурного и легкого, но абсолютно не приспособленного для обороны.

Перед носом возник кабинет Роаха. Там ли он? Без стука рванула дверь на себя, тихо вошла в кабинет, в котором сегодня не летали никакие бумаги.

— Мне нужно получить расписание на новый семестр, — произнесла, страшась, что дрожь в голосе выдаст мое волнение.

— Возьми со стола.

Голос еще холоднее, чем обычно. Вот мерзавец, даже не извинился! А я втайне надеялась. Собрав волю в кулак, посмотрела на графа и замерла. Холодные голубые глаза покраснели, в них сквозили усталость и такая боль, что я невольно поинтересовалась:

— Что случилось?

— Возьмите свое расписание, Маримар. И оставьте меня.

Он говорил безучастно, но выражение лица было иным: «Прости Мари, я ничего не смог сделать». Эти метаморфозы смущали, его жесты и слова не подходили друг другу.

— Что случилось, Роах? Вы выглядите так, словно вас железом жгли.

— Я сказал, вон, — повысил голос граф.

Схватив конверт, на котором было выведено мое имя, выбежала из кабинета. Не зная, куда податься, спустилась по лестнице и забралась на теплый подоконник. На первом этаже академии неподалеку от обеденного зала и кухни находилось жерло печи, от которой шли трубы отопления к каждому крылу здания.

Занятий в этом семестре у меня будет вдвое больше, чем в предыдущем. Появились потоковые лекции с графом, студенты разных специальностей теперь должны присутствовать на занятиях друг друга, чтобы выработать универсальность действий. Однако все мои пары заканчивались в четыре часа, после чего следовало вернуться во дворец, чтобы начать изучение магии воды, а потом отыгрывать роль невесты принца.

К расписанию оказался прикреплен сложенный вчетверо листок, заполненный аккуратным почерком графа. Я подумала, что это пояснение к расписанию, но в процессе изучения записки ладони вспотели, дыхание участилось.

Маримар, я не могу описать, как горько мне от того, что произошло. Не знаю, сможешь ли ты когда-нибудь простить меня, но в свое оправдание скажу: я не в полной мере владею собой. Я всеми силами пытался скрыть то, кем ты являешься. И я предупреждал об опасности излишнего доверия между нами. Сейчас я ищу выходы, лазейки и найду их. Будь осторожна с Тавром. Теренис-младший сбежал — он странствует с морскими кочевниками, ты единственный маг воды в империи. Твоя ценность в глазах императора возросла еще сильнее.

После прочтения уничтожь этот листок в целях безопасности.

Твой Р.

Я не смогла сразу оторваться от чтения, проглядывала строчки снова и снова. Почему Роах не в полной мере владеет своей волей? Может ли быть, что их с Теренисом связывает Кровавый договор или нечто подобное?

Как же я была глупа и наивна! Император не столь безрассуден, чтобы позволить сильному магу быть связанным с ним лишь словом, благодарностью или чувством долга, — граф один стоил тысячи солдат, его имя уже стало легендой. Да он при желании с легкостью мог бы устроить военный переворот!

Я мелко, чтобы было невозможно склеить, разорвала листок и, разделив на несколько частей, выбросила скомканные обрывки. Однако даже понимание того, что предательство граф осуществил не по своей воле, не помогло избавиться от обиды. Как никогда мне нужен был друг. Больше всего хотелось бы встретиться с Романом, чтобы он лукаво улыбнулся и пообещал, что все будет хорошо. Но Роман будет добираться из Черного замка еще несколько дней. Один, потому что Теренис-младший сбежал. В буквальном смысле принц сбежал от ответственности.

Я неодобрительно фыркнула, лениво протирающая лестницу служанка принялась тереть втрое усерднее. Меня здесь все знали в лицо, теперь наверняка в курсе, что я еще и в императрицы мечу.

Зато стало ясно, что граф сообщил императору во время нашей с Тавром помолвки: Теренис сбежал. Ходит под парусом, наслаждаясь морским ветром и брызгами в лицо. Вдали от столицы, от дворца и правил. Его решение можно понять, но не принять. Побег — не выход.

Я вышла на заснеженную улицу, взглянула на серое небо, равномерно темное, будто полное печальной решимости. По пустынной дорожке в моем направлении ехал верхом одинокий всадник. Тавра легко узнать издали, ведь даже когда я не видела его лица, он приковывал к себе взгляд. Золото его волос было скрыто под темно-алым капюшоном, конь шел медленно и уверенно. Я замерла, глядя на то, как принц приближается ко мне.

— Здравствуй, Мари. — Янтарь его глаз согревал даже в этот холодный день.

— Здравствуйте, ваше высочество.

Склонилась в реверансе. Тавр нежно улыбнулся, всем своим видом показывая, что рад меня видеть. Я же в его присутствии чувствовала себя слишком... человеческой.

— Ты уже освободилась? — Взгляд скользнул по моей фигуре и остановился на лице.

Тавр смотрел мне в глаза. Его взор не горел, как у Ану, не замораживал изнутри, как взгляд Роаха. Медовые глаза гипнотизировали, обещали что-то запретное, завораживали. В них хотелось смотреть вечно.

— Освободилась.

— Поедешь со мной?

— Куда?

— Секрет. — Он ухмыльнулся по-мальчишески, как мог бы Роман, и эта ухмылка еще долго всплывала в воображении, стоило мне закрыть глаза.

Тавр что-то задумал, и ответ «нет» в его планы не входил.

— Это не опасно?

— Может быть, немножко.

— Мне понравится?

— Уверен, что да.

До первого занятия с императором оставалось еще несколько часов. Тавр терпеливо ждал моего согласия. Странно, всю жизнь никто не спрашивал моего мнения. Ни о чем. Только отдавали приказы. Не веря, что Тавр действительно предоставляет мне выбор, мягко поинтересовалась:

— А если откажусь?

— Я расстроюсь.

Он ждал моего ответа, был уверен в согласии и в том, что я не пожелаю его расстроить. Можно было отказать просто из принципа, но он разбудил любопытство. Эх, и черт с ним!

— Не расстраивайтесь, — попросила я.

ГЛАВА 2

Спустя полчаса езды по заснеженным улицам города мы приблизились к его окраине. Богатые районы сменились торговыми кварталами, затем ремесленными. Мы проехали мимо домов зажиточных горожан без способностей к магии, мимо застройки для людей победнее и выехали к знакомым мне трущобам. Путешествие по неблагополучным местам? Фыркнула. А я-то надеялась, Тавр действительно придумал нечто интересное.

— Ты ведь не знаешь, куда мы идем. Отчего я вижу разочарование на твоём лице? — поинтересовался будущий супруг.

— Вы решили показать мне нищих и бездомных и рассказать, как поможете им, когда станете королем?

Прозвучало резко. Слишком большое отвращение вызывали во мне жители трущоб. Работы в империи хватало, только ленивый влачил жалкое существование в этих кварталах.

— Отнюдь, Мари. Конечно, я помогаю сиротам, людям, лишившимся крова. Но не стану поощрять бездельников, скатившихся на дно жизни.

— Вы не идеалист, — хмыкнула с удивлением.

У Тавра не было иллюзий, а я свои растеряла на занятиях с тренером Лево. Он часто заставлял нас посещать подобные кварталы. Большинство живших здесь людей выглядели так, будто не хотели жить по-другому. Они не работали, ленились приводить в порядок и даже отапливать дома. Здесь жили любители азартных игр, шлюхи, бандиты. Детей захохотала империя, как правило, забирала, обучала, давала работу, но их частенько влекло обратно. Я бы вообще разрушила трущобы, а тунеядцев отправила работать на горные рудники, где всегда не хватало рук.

— Как и ты. — Тавр выглядел довольным. — Мы с тобой, Мари, не обязаны никого гладить по голове. Наша забота — покой на границах и внутри страны. А цель этого путешествия — посетить ведьм.

Принц говорил будничным тоном, а я так удивилась, что едва не выпала из седла, когда Рыська споткнулась. Меж тем мы

приближались к трехэтажному дому, добротному, со свежей штукатуркой. Из трубы уютно вился дымок, подстриженные вечнозеленые кусты вокруг выделяли это место, словно розу на фоне навозной кучи.

— Но я думала, все ведьмы были уничтожены.

Позорные страницы в истории империи. Ведьм сжигали на кострах, убивали, травили, изгоняли. Их книги сжигали, наставников преследовали, их колдовское искусство давно утеряно. Или это мне так сказали?

— Далеко не все, дорогая Мари, — с хитрой усмешкой произнес Тавр. — Когда мне было четырнадцать, я нашел родственников матери и скрыл от преследования. Здесь.

Почему он мне это рассказывает? Подставляет себя, говоря о том, что укрывает ведьм, — за это даже самого знатного вельможу ждет виселица! И то, что это родственники матери. Значит, и вторая жена императора была ведьмой? Поговаривали, что мать Тавра была потрясающе красива, а Теренис женился на ней, несмотря на ее невысокое происхождение. Но чтобы та оказалась настоящей ведьмой?..

Не то чтобы мне не льстила откровенность принца, но я в каждом его действии и слове ожидала подвоха. Подойдя к калитке, почувствовала, как по спине побежали мурашки, дышать стало тяжело, ладони вспотели — все внутри вопило, призывая бежать отсюда. Еще минута, и я бы рванула наутек. Принц невозмутимо сделал несколько пассов, и мерзкие ощущения, захлестывающие меня с головой еще несколько секунд назад, тут же пропали.

— Это чтобы любопытные проходили мимо, — пояснил Тавр, он выглядел полным предвкушения, медовые глаза сияли.

Я отвела взгляд от режущей взор красоты. Едва мы вошли в дом, Тавр громко воскликнул:

— Пришел любимый дядя!

В холл выбежали четыре светловолосые девчушки разных возрастов и облепили его со всех сторон, ластясь к нему и наперебой крича:

— Дядя Тавр! Дядя Тавр!

Глаза у них были как у принца. Я замерла, стараясь быть незаметной, пока одна из девочек, малышка лет пяти, не обратила на

меня внимание.

— Эта тетя не такая, как мы. Что она здесь делает?

Я присела, всеми силами изображая дружелюбие.

— Я Маримар. Невеста вашего дяди.

Девочка подошла, невозмутимо обняла мое лицо маленькими ладошками.

— Веди себя хорошо, — сказала она и вернулась к Тавру, который жестом фокусника извлек из складок плаща разноцветные леденцы.

К нам вышла женщина с золотистыми, как у принца, волосами, в которых играли седые пряди. Про таких говорят — со следами былой красоты. Она смерила меня быстрым недовольным взглядом.

— Девочки, накрывайте на стол. Думаю, наши гости голодны. Тавр... — И она приложила его руку к своему лбу.

Я смотрела круглыми глазами, запоминая каждый жест, каждое слово. Настоящие ведьмы! В столице! Живут в домике в злочном квартале. А ведь план принца был гениален — их никто не станет искать здесь специально. Конная полиция захолустье не патрулирует, боевые маги сюда не захаживают.

Принц поцеловал ладонь хозяйки. Их немой разговор меня смущал, казалось, Тавр просит у нее разрешения. И женщина, поколебавшись, неохотно его дала. Она так отличалась от встречаемых мной стихийных магов, от обычных людей, что стало ясно: если родственницы принца надолго окажутся за пределами безопасного дома, им грозит гибель.

— Я Горана, сестра матери Тавра. — Она смотрела на меня настороженно, не доверяя.

Что ж, я тоже ей не верила. Ощущения от магии этого места разительно отличались от всего, с чем мне приходилось сталкиваться ранее.

— Маримар, — склонилась я в неглубоком поклоне, не зная, как обращаться с ведьмами.

Брови женщины удивленно поползли вверх, ее явно смутило мое имя.

— Я привел сюда Маримар, — четко выговорил Тавр, — потому что скоро мы станем единой плотью и кровью. И я хочу, чтобы она знала обо мне все.

Хозяйка продолжала смотреть настороженно, но предложила пройти в гостиную. С кухни доносились обрывки разговоров девочек, старшей было около четырнадцати, неудивительно, что на стол они накрывали медленно, постоянно что-то роняя. Тавр окружил нас непроницаемым коконом магии ветра, чтобы дети нас не подслушали.

Мне хотелось задать множество вопросов, но я сдерживалась. Иногда молчание позволяет добыть гораздо больше информации. К моему удивлению, принц протянул руку и мягко сжал мои пальцы. В его жесте сквозила забота. Приятная, но незаслуженная.

— Ты могла бы учить Маримар нашему искусству? — спросил он у тети.

Горана покачала головой.

— Ты же знаешь, мы не передаем знания за пределы семьи. Мы и так нарушили правила клана, обучив магии тебя, несмотря на пол. — Она смотрела на племянника исподлобья, не желая его злить.

— Если бы не я, наш клан прекратил бы свое существование, как и все остальные, — в медовом голосе вдруг прозвучала сталь.

— Я помню об этом Тавр, но...

— Я восстановил нашу семью! Нашел мать девочек в борделе, выкупил. После ее смерти забочусь о них и о тебе, ищу оставшихся ведьм по всей империи, рискуя собой, — цедил он сквозь зубы. — А если со мной что-то случится, позаботиться о вас станет некому.

Горана продолжала смотреть на него сияющими глазами, но сдаваться не собиралась.

— Клан выживал даже после уничтожения Черного леса только потому, что мы неукоснительно соблюдали правила. А среди них главное — мы не делимся магией и своими знаниями с чужаками.

— Ты ненавидишь стихийных магов, тетя, но ведешь себя так же, как они. Не боишься, что магия начнет покидать и наш клан?

Горана от его слов вздрогнула, я же ничего не понимала. Да, знала, что семьи аристократов слабеют, но не думала, что это явление повсеместно.

— Назови причину, Тавр, — строго сказала ведьма. — Зачем ты привел эту девушку и хочешь, чтобы я учила ее?

Мне тоже было любопытно, зачем принц притащил меня сюда. Он подался вперед, словно загипнотизированный ее словами. Было видно,

что женщина как-то воздействует на него своей магией, вынуждая сказать правду.

— Я хочу, чтобы она любила меня. Чтобы делила со мной тайны. Я так устал от одиночества.

Женщину ответ удовлетворил.

— Вот не знала, что ты такой романтик. Так и быть, я буду заниматься с твоей невестой. Но если у нас ничего не выйдет, ты больше не вернешься к этому вопросу, — примирительно произнесла Горана и добавила: — А если она выдаст меня и малышей, прокляну и ее и тебя, не посмотрев на то, что ты кровь от крови моей.

— Спасибо. — Тавр поцеловал тетушке руку и с улыбкой уставился на меня.

Я отвела взгляд в сторону.

Что только что произошло?

В голове звучало предсказание ведьмы с Черных островов: «Один влюблен, другой лишь желает, третий интриги плетет, замышляет». Я думала, в меня влюблен граф, но теперь в этом сомневалась. Тавр доверил мне не только свою безопасность, но и безопасность родных. И эти слова, которые помимо его воли вырвались из уст: «Я так устал от одиночества». В них были боль и печаль.

— Мы все приготовили! — закричала старшая из девочек и, безмерно гордая собой, пригласила нас к столу.

Даже здесь Тавр ел как аристократ, отправляя в рот маленькие кусочки пищи и тщательно пережевывая. Мне же угощение в горло не лезло. В голове роилось множество мыслей, а знание о ведьмах только добавило проблем. Больше всего хотелось просто сбежать, но император позаботился о том, чтобы побег был невозможен.

Что мы имеем?

В столице живет клан ведьм, чьи знания столь опасны, что стихийные маги во главе с королевской семьей уничтожали их столетиями. Тавр каким-то образом овладел этими знаниями. Возможно ли, что его убийственная привлекательность как-то связана с тем, что он ведьмак?

— Девочки, а вы тоже умеете колдовать? — спросила малышей, на что самая маленькая усмехнулась.

— А то! Мы помогали бабушке в установке защиты вокруг дома, мама умела создавать иллюзии, а я...

Болтушка мигом замолкла, встретившись взглядом с Гораной. Та смотрела исподлобья раздраженно, гневно. «Она здесь чужая, молчи», — красноречиво говорили ее глаза.

— А будущее предсказывать кто-нибудь из вас умеет? — поинтересовалась как ни в чем не бывало.

— Этот дар утерян почти всеми. Лишь племя Шарам с Черных островов еще владеет такой магией. Они и выжили лишь потому, что император так и не смог их найти. Они всегда были на шаг впереди, — произнесла Горана с усмешкой, отвлекаясь от поедания мясного рагу.

Я же вновь задумалась о предсказательнице со своего дня рождения. Та как раз была ведьмой с Черных островов, и пришла она добровольно.

— Стану императрицей — отменю эту глупую травлю, — пробурчала.

Больно было видеть, что девочки вынуждены расти в доме, практически не покидая его, постоянно оглядываясь в страхе. Свидетельством тому была их болезненно бледная кожа и то, как они вздрагивали от каждого шороха.

Горана впервые посмотрела на меня с интересом.

— И как ты это сделаешь? Нас до сих пор преследует клан Снежных охотников, королевские берсерки. А самый опасный — клан Ледяного ветра. Ты знала, что до того, как начать уничтожать магов воды, его представители убивали ведьм? Столетиями. Они нашу магию буквально носом чувят, как псы — лис, — проговорила она с грустью и бессильной злостью.

— Тавр введет закон, запрещающий убивать ведьм.

— Не владея магией принуждения? Только тот, кто обладает Голосом может приказывать берсеркам и клану Ледяного ветра. А Роах... Он сделает все, чтобы уничтожить нас. Это у него в крови.

— Роах не такое уж чудовище, — вступилась я.

— Откуда ты знаешь? — глаза Гораны сузились.

Тавр громко и предостерегающе чиркнул вилкой об тарелку.

— Он ректор академии, где я учусь.

Видимо, Роах для ведьм — большая тема. Кому только граф не перешел дорогу за свою жизнь.

— Академия, Роах, магия ведьм, Тавр... Берешь от жизни все, Маримар? — съязвила тетка принца.

Я вдруг почувствовала, как начали гореть губы, словно поцелуи графа оставили на них алеющий отпечаток, однако невозмутимо отправила жаркое в рот и продолжила:

— По мере возможности. Сквирры должны быть лучшими во всем, только так они могут выжить в мире магов-стихийников.

Что я маг воды, знают пятеро: Роах, Тавр, Роман, старик Сигурд и император. Ну и шестой — мой отец. Слишком много, чтобы сохранить секрет в тайне. Не сомневалась, что скоро он станет достоянием общественности, но еще какое-то время я должна быть для всех просто Маримар. Тем более пока ничего не умею.

— Может, тебе и впрямь удастся принять нашу магию, — вздохнула Горана. — Ты знаешь, откуда маги черпают свою силу?

Я покачала головой. Всегда интересовал этот вопрос, но никто не мог внятно на него ответить. Говорили про дар крови, про семейную гордость. Вот только частенько кровь превращалась в воду — дар терялся.

Девочки заулыбались, чувствуя свое превосходство, зная что-то такое, чего не знала такая большая, по их мнению, тетя.

— Маги земли — из сострадания, любви и радости, — размеренным тоном заговорила Горана. — Маги огня — из затаившегося гнева, что сжигает их изнутри и требует выхода. Маги воздуха — из желания обрести свободу. Именно эти качества позволяют им управлять стихией.

Многое вдруг встало на свои места. Затаившийся гнев — сколько же этого гнева в Ану! А Роах, разве можно представить себе более несвободного человека, чем он? Удивительно, он может летать как птица, но не способен сбросить с себя оковы, которыми скован императорской семьей. Тавр, впрочем, тоже весьма силен — и тоже несвободен быть тем, кто он есть. Ведьмак в королевской семье, вечно ходящий по лезвию ножа.

— А маги воды? Из чего они черпают свои силы? — подалась я вперед.

— А маги воды, — усмехнулась Горана, — как и ведьмы, берут силы из ощущения отчаяния и бессилия.

Источники нашей магии схожи, только маги-стихийники забыли о них, изучая заклинания и правильные стойки для пассов руками. Отчаяние... Нет. Я никогда не отчаивалась. А вот чувство бессилия

мне очень знакомо. «Неполноценная», «бедное дитя», «мерзкий выродок» — эти эпитеты я слышала с младенчества. А потом Танцующие леди, приходящие в школу старики, и постоянный страх, что, если не успею поступить, меня продадут одному из них. И никакой возможности защититься и скрыться.

Я вздрогнула.

— Да, из тебя может получиться хорошая ведьма, — удовлетворенно улыбнулась Горана.

Я все еще не нравилась ей, но теперь что-то изменилось, медовые глаза заискрились. Она приняла для себя какое-то решение.

* * *

Мы вернулись во дворец. Перед тем как покинуть трущобы, сказала Тавру:

— Спасибо, что познакомил со своей семьей. Но не обязательно учить меня магии ведьм.

Пожалуй, в то, что я когда-либо ее освою, год назад я поверила бы еще меньше, чем в то, что окажусь магом воды. Слишком сказочными казались умения ведьм, слишком удивительным, что они не были связаны ни с одной стихией.

— Я хочу, чтобы мы стали похожи, Мари. Пожалуйста, не сердись, — мягко проговорил Тавр. — Мы свяжем наши жизни навсегда, и я не хочу иметь от тебя секретов.

Принц помог мне спуститься с лошади, мягко поддерживая за талию. В этом не было необходимости, но тем не менее приятно. Встав на дорожку и оказавшись с ним вровень, я заглянула в его нечеловеческие глаза.

— Я не сержусь. — Вся злость на Тавра разом прошла, он ведь действительно не сделал ничего плохого.

Мы пошли по коридорам, бдительная охрана стояла навтыжку. Ага, знаю я, как вы дрыхнете по утрам без задних ног. И вообще не нужны в таком количестве. Правильнее было бы поставить такую же защиту, как в домике ведьм: вырастить пару кустов бошника, и никакие враги не страшны.

Навстречу нам плыла тройца придворных дам. Если бы взглядом можно было убивать, я бы уже свалилась мертвой.

— Ваше высочество, — присели они в реверансах перед Тавром.

— Лидия, Амалия, Тамэр. — Он коротко кивнул им.

— Мы хотели поинтересоваться, не составите ли вы нам компанию в лабиринте, — засверкали дамы глазками.

Лидия была высокой блондинкой, Тамэр — аппетитной низенькой шатенкой, Амалия явно имела восточные корни. Плавность и грация ее движений завораживали.

— Вынужден отказаться.

Тавр с испугом глянул в мою сторону, уверенный, что поведение девушек затронет мои чувства. Тройца выжидающе смотрела на меня. Раньше я просто прошла бы мимо. Годы в школе Танцующих леди научили меня не обращать внимания на подобные ситуации. Но я нахожусь во дворце в качестве будущей императрицы, значит, обязана указать девицам на их место. Хочу я или нет, но мне придется крепко встать на ноги и занять такое положение, чтобы ни одна дама не осмелилась заговаривать с моим будущим мужем, словно меня нет рядом.

— Вы, как понимаю, фрейлины?

Девушки подтвердили, не понимая еще, что я от них хочу. Они находились в статусе фрейлин, хотя последняя жена императора почила более пятнадцати лет назад. Над тем, что когорта фрейлин успешно пополнялась и без ее присутствия, смеялось все королевство, и никто не обманывался, какие обязанности на самом деле выполняли девицы.

— А я будущая императрица.

Амалия оказалась самой умной и прогнулась в поклоне.

— Чем могу служить?

Тамэр не поняла, к чему я клоню, а Лидия решила сопротивляться, ее красивый носик сморщился, будто унюхал что-то дурно пахнущее.

— Амалия, оповести остальных девушек, что впредь за несоблюдение элементарных правил поведения они будут отлучены от дворца. Например, надо здороваться с будущей императрицей. И ваша прямая обязанность, скрашивать мой досуг, а принца, об этом я также прошу помнить. Лидия, Тамэр — если я еще раз замечу проявление

неуважения ко мне, то позабочусь, чтобы вас как можно скорее выдали замуж. Причем за первого, кто попросит, будь то восточный кочевник или уроженец Черных островов.

Вот теперь меня поняли все трое, вежливо поклонились и поспешили убраться с глаз долой. Принц глядел на меня так, будто в первый раз увидел.

— Сколько еще в тебе секретов, моя дорогая невеста?

— Я все же аристократка, Тавр. А теперь извини, меня его величество ожидает.

Мои шаги в отличие от цокота придворных дам были тихи.

* * *

— Проходи, милое дитя.

Император, расслабленно сидящий в мягком кресле, сегодня играл роль эдакого доброго дедушки. Он поглаживал отросшую бороду обманчиво слабой рукой, глаза лучились мудростью и спокойствием.

В этом зале я еще не была. Многочисленные ручьи искусственного происхождения пересекали пол, словно вены. Вода лилась сверху по стенам, наполняла небольшие прудики. Дышалось здесь очень легко.

— Какое прекрасное место! — воскликнула я, озираясь.

Восторг был непритворным, мне действительно понравилось. Хотелось прикоснуться к полу из зеленого мрамора, провести пальцами по золотым прожилкам, окунуть руку в холодную чистую воду.

— Это тренировочная для обладателей способностей к водной магии. Ты наверняка видела аналогичные тренировочные залы.

Проницательные глаза выжидающе замерли на моем лице. Значит, император в курсе, что меня тренировали для сражений со стихийными магами. Или догадывался. Я пожала плечами — нет смысла рассказывать ему очевидное.

— С чего начнем? — спросила Терениса.

— С основ. — Старик тяжело поднялся со своего места, выпрямился. — Повторяй за мной и запоминай, я на такую акробатику не долго еще буду способен.

Я старалась повторять его позы, но это оказалось не так легко, как ожидала. Теренис словно перетекал из одного положения в другое, каждое движение было текучим, подобно речной воде. Я повторяла, чувствуя, что с каждой минутой мышцы напрягаются все сильнее, наливаются свинцом и болью. Если мое молодое тренированное тело так страдает, что должен испытывать император? Он же выглядел вполне умиротворенным.

Прошел час, а мы в полном молчании репетировали одну и ту же связку движений.

— Зачем мы это делаем? Что должно произойти? — спросила я, вконец уставшая от бесконечных повторений. Эльдар такие упражнения мог бы использовать для наказания провинившихся студентов.

— Если запомнила, закрой глаза и повторяй. Не прекращай, пока не разрешу. Или наш урок прекратится.

Прикрыв веки, продолжала двигаться. Вот же условия поставил старый хрыч! Кожей чувствовала, как он за мной следит. Старик уже опустил в кресло и, судя по звукам, прихлебывал какой-то напиток.

Несмотря на то что ощущение было весьма дискомфортным, я постаралась сосредоточиться на движениях. Шаг, руки взлетают вверх, меняют направление и уходят в сторону. Замереть, присев, встать на одну ногу. Зеркально повторить упражнение. Главное, не понимала, для чего я это делаю... С другой стороны, не мог же Теренис просто надо мной подшутить? Император не похож на юмориста. Или он специально показал это никчемное упражнение, чтобы ничему меня не научить? Чувствую себя как идиотка, выгляжу наверняка так же. Как говорит Эльдар, если что-то выглядит как навоз, пахнет так, то не надо пробовать на вкус — перед тобой навоз. Хихикнула, чем вызвала недовольное покашливание монаршей особы. Да повторяю я, повторяю.

Как же я устала! Спустя пару часов из головы вылетели все мысли, кроме двух: «Теренис — старый маразматик» и «Я устала», но упрямство не давало прекратить тренировку. По прошествии еще какого-то времени испарились и эти. В темноте перестало существовать время, перестало существовать мое «Я». Остались только бесконечная боль в мышцах и желание не сдаваться.

Властное «Закончили!» не сразу дошло до моего сознания. Не знаю, сколько раз император приказывал мне открыть глаза, прежде чем я смогла сделать это. Оглядев зал, я сначала подумала, что не могу сфокусировать зрение. Но редкие аплодисменты императора свидетельствовали, что я не ошиблась в том, что видела. Вода с пола и стен висела в воздухе, преобразовавшись в сотни капель. Какие-то из них скорее напоминали большие водные шарики, какие-то были крошечными брызгами.

— Это я сделала? — ошарашенно спросила Терениса.

— Ты, Мари.

Он глядел на меня, словно на говорящую козу или собаку. Удивленно, с недоверием и щепоткой недовольства. Будто ожидая подвоха. Я же не удержалась и принялась шлепать по самым большим шарам, с удовольствием наблюдая, как они меняют форму, чтобы потом снова стать идеально круглыми. Вот бы добавить в них красители, чтобы стали красными, зелеными, синими... Красота!

— Увидимся завтра. Думаю, за неделю ты сможешь освоить все эти безобидные фокусы, и мы перейдем к кое-чему посложнее.

— Магия крови? — отвлеклась я от созерцания капель.

Магия крови была самой разрушительной силой среди стихийников. Сильный маг воды мог заставить истечь человека кровью за считанные минуты.

— Не забегай вперед, — немного резко сказал Теренис и покинул комнату, прикоснувшись к панели за креслом.

Так... значит, у нас тут и тайные ходы имеются. Интересно...

Не успела я покинуть комнату, как все волшебные водные пузыри шлепнулись на пол с оглушительным звуком, будто бы за дверью ожил водопад. Недолговечная магия оказалась.

По дороге в спальню я опять заблудилась. Положение спасла Амалия, с которой я вновь столкнулась в коридоре. Она прекрасно знала, где находятся покои принца, и, краснея и запинаясь, проводила меня к ним. Видимо, опасаясь, что я заревную, специально сделала несколько неверных поворотов.

Уже на полпути я почувствовала, что желудок начинает сводить от голода. И какого! Будто несколько дней не ела. Когда мы подошли к моей спальне, я не на шутку разволновалась. Где во дворце достать еду? Сию секунду, немедленно. Как назло, Амалия поспешно

откланялась и сбежала. Вздохнув о своей печальной и голодной судьбе — не кормят будущую императрицу, я отворила дверь.

На круглом столике у окна был накрыт прекрасный ужин. Здесь было все: жареные перепелки, домашние колбаски, паштеты, фрукты и сладости. Ну и довольно улыбающийся Тавр.

— Надеюсь, ты не против. Подумал, что после занятий будешь очень голодна.

Медовые глаза следили за каждым моим движением.

— Вы угадали. Приятного аппетита. — И без лишних слов набросилась на еду.

А принц посмеивался, кривя красивые губы. Наблюдая за тем, как я пытаюсь разом проглотить перепела, он сказал:

— Знаю, знаю — магия забирает много сил. А от этого хочется есть. Правда, ешь ты...

— Отвратительно, — закончила я, все же расправившись с птицей.

Красиво есть умею, когда это необходимо, но все же в детстве больше времени я проводила на кухне среди прислуги, где не особенно беспокоились об этикете.

Принц присоединился к трапезе, я же, проглотив свою порцию и запив ее гранатовым соком, блаженно откинулась назад.

— Тебе нравится эта комната?

— Нет, — призналась честно, чем расстроила сотрапезника, — мне вообще не нравится жить во дворце. Хотя, думаю, привыкну.

Белые стены, восточный ковер, простор... Красивая комната, но стойкое ощущение — не для меня. Тавр слушал внимательно, участливо. Как у него получалось смотреть так, будто я единственная в мире интересующая его персона? Наконец он признался:

— В этой комнате жила моя мама. Если тебе здесь не нравится, подберем другую, но я бы не хотел, чтобы ты здесь что-то меняла, — в голосе его прозвучала старая, ставшая уже привычной боль.

Я потянулась через круглый столик, взяла его за руку. Жалостливая я, что поделать. Рука Тавра, теплая, с красивыми длинными пальцами, сжала мою ладошку.

— Я обещал сделать тебе массаж головы. Это поможет снять напряжение.

Отказаться не успела. Тавр поднялся, встал за спиной и положил ладони мне на виски, глядя их круговыми движениями. Мягкие, уверенные, они не только снимали накопившееся напряжение, но и несли в себе покой. Пяти секунд хватило, чтобы я провалилась в блаженное забытие, закрыв глаза.

— Это тоже магия ведьм? — спросила, балансируя на грани сна и реальности, первый раз в жизни так расслабившись.

— Можно и так сказать. Я пытаюсь слушать твое тело, понимать жесты. Например, я знаю, что у тебя болит спина, а руки сводит от усталости. Но ты никогда в этом не признаешься.

— Поэтому вы всегда так на меня смотрите?

Как же хорошо... Руки принца опустились ниже, теперь он касался моих плеч, ненароком задевая ключицы.

— Как?

— Будто только я имею значение, — сама поразилась своей откровенности.

— А только ты и имеешь значение.

Теплое дыхание обдало шею. Тавр поцеловал ее осторожно, потом еще раз. Сердцебиение участилось. Надо прекращать этот массаж, но как же хорошо...

Прикосновение Тавра к груди отрезвило. Если не остановиться сейчас, кто знает, как далеко я смогу зайти. Собрав волю в кулак, распахнула глаза, вскочила со стула. Развернувшись лицом к принцу, уперлась взглядом в расшитый камзол, ведь успел переодеться, пока я с императором гимнастическими упражнениями занималась.

— Мари, зови меня на «ты». Всегда.

Согласно кивнула.

— Доброй ночи, Тавр.

— Доброй ночи, Мари.

Он поклонился, попытался поймать мой взгляд, но я, отведя глаза, выпроводила принца из своей спальни. Как только осталась одна, ясность понемногу возвращалась в мое сознание. Недолго смогу избегать добрых отношений, если Тавр будет так настойчив. Надо всеми силами постараться сократить общение с ним или найти противоядие от его убийственной привлекательности. Приняв контрастный душ — технологии во дворце были изумительны, я забралась в постель и мгновенно уснула. На этот раз без сновидений.

ГЛАВА 3

— Ну что, императрица, начнем тренировку? — в тоне Эльдара звучала усмешка.

Его откровенно забавлял мой нынешний статус и то, что он мог спокойно шлепнуть меня по мягкому месту или даже пнуть «для ускорения», стоило немного замедлиться на круге. От таких действий тренера глаза немногочисленных присутствующих ползли на лоб, а Эльдару было хоть бы хны. Он знал, что я спущу ему с рук подобное обращение. Не просто спущу — буду радоваться, потому что знаю: поблажки и прогресс — вещи несовместимые.

Академия начинала потихоньку оживать. Первыми подтягивались маги огня, потому как знали, Ниньо прогулов не прощает. Благодаря им на тренировке у Эльдара нас было восемь. Ану присоединился к утреннему занятию, не иначе, как утомившись от постоянного одиночества. Дракон хороший питомец, но с ним не поговорить. А Роман и Укр еще не вернулись с каникул.

Мы, по мнению Эльдара, обязаны были в кратчайшее время сбросить накопленный за каникулы жирок и прийти в «не такую паршивую, как сейчас» форму. Студент военной академии должен быть ловок, быстр и являть собой физическое совершенство. Поэтому все занятие мы как угорелые бегали, уворачивались от летящих в нас предметов, подпрыгивали и боролись голыми руками, а в моем случае и ногами, в спаррингах. Урок с открыванием замков, видимо, был разработан специально для меня. И я догадывалась, кто хотел подарить мне умение вскрывать закрытые двери.

На середине тренировки раздался робкий стук в дверь.

— Заходи! Я сегодня добрый, — крикнул Эльдар, а сам прицелился, чтобы швырнуть в вошедшего небольшой, но очень тяжелый мячик.

Тренер всегда жестоко шутил над опоздавшими. Дверь отворилась, мячик был брошен. Алексис увернулась от летящего в нее предмета в последний момент, но лишь потому, что Эльдар ожидал, что войдет кто-нибудь повыше.

Она ошарашенными глазами смотрела на нас, а тренер залился смехом:

— Смотрю, у нас новая студентка! Марш на поле, красавица!

Алексис поравнялась со мной, заняла грушу рядом и принялась молотить ее ногами. Получалось у нее не очень, так что Эльдар, недовольно фыркнув, отправился на выручку.

— Понаберут в середине года, а мне потом возись. Смотри, личинка. Да-да, в этом зале ты не леди, не женщина. Привыкай.

Эльдар схватил ее за ногу, чтобы показать, как наносить удар. Алексис от его прикосновения вздрогнула и залилась краской. Ее-то в отличие от меня растили как леди, и прикосновения мужчин к лодыжкам она расценивала как нарушение всех правил приличия.

— Меня вообще-то Алексис зовут, — робко поправила кузина.

— Тут, чтобы тебя по имени называли, дорасти надо, — жестоко парировал тренер.

Алексис такого приема не ожидала, но, сжав зубы, так что желваки заходили на скулах, принялась лупить по груше, явно представляя перед собой Эльдара. Узнаю родную кровь.

— Ух, какие мы энергичные! — довольно улыбнулся тренер, и принялся орать на парней, которые загляделись на новую девушку в академии и забыли, что вообще тут делают.

После тренировки, вспотевшие и уставшие, мы переоделись и поплелись на урок к Ниньо.

— Как ты это выдерживаешь? — спросила Алексис. Она изодрала руки в кровь и теперь дула на них, чтобы унять жар. — Поведение этого мерзавца просто неприемлемое!

Парни, идущие мимо, лыбились. Они находились в абсолютной эйфории, наверняка уже решая между собой, кому достанется «новенькая».

— Эльдар классный и исключений не делает. Поверь, он не хуже остальных. Где тебя поселили? — спросила я резко, чтобы сменить тему. Зря Алексис взъелась на тренера.

Мы шли по коридору, свет в него лился из полукруглых окон, выходящих на запад. Алексис во все глаза глядела вокруг, счастливая и гордая от осознания, что смогла поступить в академию. Я же радовалась тому, что теперь не единственная студентка факультета тайной службы.

— Прямо в домике ректора. Буду делить комнату с еще одной девчонкой.

Внутри шевельнулось какое-то неприятное чувство. Эти комнаты в домике ректора еще неделю назад были моими.

— Роах такой классный! — честно призналась Алексис, а глаза ее заискрились: — Я даже немного расстроилась, когда узнала, что тебя принц увел.

Пожала плечами. Говорить на эту тему не хотелось. Пусть Алексис мне родственница, и девчонка она хорошая, мы не подруги.

Ректор академии вылетел навстречу, забывая касаться ногами земли. Легок на помине. Вид у него был какой-то потерянный и отстраненный. До тех пор, пока он в буквальном смысле не налетел на нас. Аристократичные ноздри раздулись, голубые глаза сверкнули. Выглядел граф так, будто что-то неприятное унюхал.

— Маримар, в мой кабинет, живо, — строго выпалил он и сорвался с места.

Челюсть Алексис медленно опустилась.

— Что это вообще сейчас было? — Образ графа, которого она знала, не вязался с тем, что увидела сейчас.

— Понятия не имею. — Я легкомысленно пожала плечами, стараясь не выдать волнения. — Встретимся на уроке Ниньо. Скажи, что меня вызвал ректор, иначе она потом с меня три шкуры спустит.

Указав кухне направление, двинулась в кабинет Роаха. К Алексис тут же подошли два парня. Надо будет ее предупредить, чтобы была с ними поосторожней. Студентки военной академии обычно не оканчивали академию из-за того, что выскакивали замуж. И у меня будет та же причина. Задумавшись, я не заметила, как поднялась на второй этаж и оказалась у дверей ректорского кабинета.

Роах стоял, опираясь на стол, и смотрел впереди себя. Увидев меня, он снова начал нюхать воздух, дыша шумно, как пес.

— Вы простудились?

— Издеваешься? — задал он свой излюбленный вопрос.

Граф медленно отошел от стола. Нас разделяло несколько шагов. Небо резко потемнело, закружили снежные вихри.

— Ну, вы дышите тяжело. Насморк? — искренне озаботилась я.

Молодец, Маримар, поговори с ректором о состоянии его носовых пазух.

— От тебя пахнет Тавром. Твои волосы пахнут им. — В одно мгновение он преодолел разделяющее нас расстояние. — Это выше моих сил.

Роах обнял меня, да так, что кости затрещали. Какой же он холодный. Ледяной. Тепло начало покидать меня, а граф трогал мои волосы, терся об них лицом, словно пытаюсь оставить на них свой запах. Мне бы провалиться в этот спасительный холод, раствориться в прикосновениях его больших рук, но что-то говорило мне, что это неправильно. Верность... Он сам виновен в том, что теперь я верна другому.

— Отпустите, — пробормотала не своим голосом.

Роах опешил, но объятия разжал. Я сделала шаг назад.

— Зачем вы меня вызвали?

Самое страшное в объятиях Ледяного Короля было то, что из них не хотелось освобождаться. Сколько еще общего я найду в графе и персонаже любимой детской сказки?

— Прости, котенок. Увидел тебя и обезумел. Это риск, но я должен узнать, как ты живешь, что чувствуешь.

— Ничего не чувствую, — сказала и поняла, что это правда, слишком много всего произошло за последнее время.

Граф предложил присесть. Обнаружив на его идеально чистом столе пять чашек, наполненных льдом, я улыбнулась. Роах меж тем, кажется, немного оттаял, его кожа более не была бела как снег. Граф ждал еще каких-то слов, но, поняв, что от меня их не дожидаться, поинтересовался:

— Ты сопротивляешься чарам Тавра?

— Все-таки его красота — следствие магии? — ответила вопросом на вопрос и вздохнула — была бы красота принца вызвана магическими ухищрениями, мне было бы гораздо проще.

— У меня нет доказательств. Если бы ты могла их найти...

— Плетете интриги, граф?

— Не больше, чем все остальные, котенок мой.

— Я не ваш котенок, — отрезала и увидела гримасу боли на его лице. Часть меня испытала какое-то злое удовольствие, а часть — боль и желание взять свои слова обратно. — Вы сами отдали меня Тавру.

— И нет секунды, когда бы я об этом не сожалел. — Льдистоголубые глаза графа потемнели, как небо над нашими головами, он

явно обиделся. — Маримар, думай своей головой и выбирай стороны грамотно, но знай, я всегда буду на твоей стороне и сделаю так, чтобы ты выжила. — Слова дались Роаху нелегко. Значило ли это, что он останется моим... другом, даже если я выберу Тавра? — Дай мне свои кольца.

Он имел в виду те магические кольца, что подарил мне на день рождения. Одно активировало заряд огненной магии, другое помогало исцелить рану, третье могло указать Роаху мое местоположение. Все три кольца можно было использовать только по одному разу, потом им требовалась перезарядка. Я их уже использовала и не совсем понимала, почему продолжала их носить.

Вложила кольца в раскрытую ладонь Роаха, теперь она была теплой. Два он убрал во внутренний карман мундира, одно задержал в руке, и оно вдруг взлетело и закрутилось с невероятной скоростью, потемневший голубой камень снова засверкал. Граф бережно надел это кольцо на мой указательный палец. На безымянном сияло помолвочное кольцо, которое надел мне Тавр, но сверкание бриллианта в нем не могло сравниться со светом, исходящим от кольца графа.

— Почему оно такое яркое?

— Понятия не имею, — честно ответил Роах и широко улыбнулся.

Раздался стук в дверь, и я испуганно выдернула ладонь из теплой руки.

— Войдите, — тон ректора вновь стал холодным.

Я поднялась и столкнулась нос к носу с высокой красивой северянкой. Ее волосы были белы как снег, а глаза походили на два сапфира.

— Снежа, познакомься с Маримар. Вы на одном факультете.

Девушка смерила меня оценивающим взглядом, коротко кивнула, не показав ни единой эмоции, произнесла:

— Приятно познакомиться. — Голос у нее оказался низким и мелодичным.

Затем она шагнула к столу, улыбнулась тепло, словно знала графа всю жизнь. Внезапно мне расхотелось уходить. О чем Роах будет беседовать с этой красавицей? Но тот кивнул, указывая мне на дверь. На его столе уже были разложены бумаги.

— Итак, поговорим о твоём расписании... — услышала я слова за закрывающейся дверью.

На уроке Ниньо никак не могла сосредоточиться, все мысленно возвращалась к красавице-северянке по имени Снежа. К тому, что граф сейчас разговаривает с ней наедине.

— Ваше высочество, — выдернул меня из раздумий голос Ниньо, в котором сквозила усмешка, — снизойдите до простых смертных и ответьте на вопрос. Какова вероятность поражения, если маг огня бьет со ста метров по движущейся цели.

— Стопроцентная, — произнесла уверенно, помня тот злополучный день, когда Ниньо меня чуть заживо не спалила.

— Это у меня она стопроцентная, — усмешка из голоса никуда не пропала, — а у среднестатистического боевого мага пятьдесят шесть процентов. Садитесь, Маримар, и впредь слушайте меня внимательно.

Я плюхнулась на стул. Хорошо, хоть средний балл не снизила, с Ниньо станется. Она не просто так считалась самым строгим преподавателем в академии. Бедная Алексис всю строчила конспект, на ее лбу проступила испарина. Я же уже поняла, что простой зубрежки недостаточно, чтобы сдать экзамен у Ниньо, надо было понимать магию огня.

Вдруг я осознала: Ниньо намеренно доводит нас до состояния, когда мы начинаем ее тихо ненавидеть, когда гнев, затаенный гнев пылает внутри, а вместе с ним внутри магов огня вспыхивает пламя. Поэтому и маги на ее факультете сильнейшие — она словно ведьма заставляет их отыскать источник собственной силы. Я смотрела на Ниньо, сухую, острую, как клинок, и удивительно маленькую женщину, и задавалась вопросом: знает ли она, что делает? Училась ли этому приему у ведьм или сама как-то поняла?

— Завтра поработаем над созданием совместных огненных заклинаний. В списке найдете свои имена и задания. Отсутствующим сегодня передайте, что с них доклад на тридцать страниц о парных заклинаниях или минус десять баллов на экзамене. Выбирать им.

Мы с Алексис получили задание на двоих. Кузина должна была генерировать магию в предмет, а я впоследствии его использовать.

— Она всегда такая «душка»? — поинтересовалась Алексис по пути в столовую.

— Сегодня она добрая.

В обеденном зале шум царил колоссальный, всем не терпелось рассказать о каникулах. От звука знакомого голоса губы сами собой растянулись в улыбке... Роман!

— Выхожу я на поляну, ночь на дворе, луна полная, а там ну точь-в-точь нимфа из древних легенд. Волосы длинные, золотистые, фигура — взгляд не оторвать. Ну я не растерялся, смело иду вперед, говорю: «Я Роман, позвольте узнать ваше имя, красавица». А она бегом от меня в лес...

— И что?

— Что-что... Следом побежал. Я тогда был весьма нетрезв, выпил литра два сидра. — Сидящие вокруг него парни придвинулись еще ближе. Роман был балагуром, но врал редко и не ради удовольствия. — Так вот, оказываюсь я в лесу, а красотки и след простыл! А вместо нее смотрит на меня золотистая олениха!

Парни прыснули со смеху. Низенький вихрастый третьекурсник хлопнул рассказчика по плечу.

— Роман, это называется — перепил! Там нигде рядом единороги не скакали? Или, быть может, драконы пролетали?

Роман ничуть не обиделся.

— Хотите верьте, хотите нет! Я потом местных поспрашивал. Эта лесная дева, как они ее называют, обитает там, сколько они себя помнят, они ей даже алтарь соорудили.

Парни продолжали смеяться, пока не заметили нас. Ко мне-то они привыкли и не стеснялись отпускать сальные шуточки, а вот Алексис была новым лицом, к тому же леди.

— Роман! — воскликнула я и побежала обниматься с другом.

Рыжий подхватил меня на руки и закружил — несмотря на свою худобу, парень был жилистый и очень сильный.

— Как я рад тебя видеть! Меня уже ошарашили новостью, что ты теперь почти императрица. Алексис? И ты здесь! — Роман обнял кузину, залившуюся краской от такой фамильярности.

Парни завистливо оценивали расклад. Они-то наверняка строили хитроумные планы, как с ней познакомиться, а Роман, оказывается, и тут был на шаг впереди остальных. А все потому, что с женщинами обращаться он умел, то, что рос в окружении трех сестер, наложило на него неизгладимый отпечаток.

— Вы же понимаете, что мы не можем не отметить появление в академии еще одной девушки, — возвестил он.

— Двух, — поправила, — в академии появились две девушки. — Я как-то сразу успокоилась, будто и не было этих дней тоски и одиночества.

— Хвала духам стихий! — Роман возвел руки к небесам. — Отдых для глаз после полугода созерцания кривых небритых рож.

Парни обиделись, в основном они тщательно следили за состоянием растительности на своих лицах, а в глазах приятеля как всегда играли озорные лисята.

— И где у нас теперь женское общежитие?

Алексис ответила, и Роман, изрядно обрадованный фактом, что девушки снова живут в домике ректора, принялся рассуждать:

— Роах сегодня приглашен во дворец на какой-то прием, а это значит...

Я поняла, к чему клонит друг, он был докой в организации различных посиделок.

— Значит, что мы сможем устроить небольшое празднество, — смекнула кузина на радость окруживших нас магов.

В душе шевельнулось неприятное чувство, будто я участвую в представлении, где актеров сменили, но сценарий прежний. И заменили меня, сделав простым зрителем. Даже Роман, мой друг, человек, которому я доверяла самые сокровенные тайны, легко нашел мне замену в лице Алексис, устраивая эту вечеринку. А Роах, скорее всего, заменит меня на красавицу Снежу. Что ж, отправлюсь во дворец участвовать в другой постановке...

Удаляясь под звук голосов студентов, принявшихся обсуждать предстоящую вечеринку, побрела по коридору, не позволяя так некстати проснувшимся во мне эмоциям взять верх. Громкий звук шагов заставил меня обернуться. Ко мне со всех ног бежал Роман.

— Ты чего ушла? — нагнал меня со словами.

— Подумала, я вам не нужна на празднике.

— Да я все затеял только ради тебя! — Он поравнялся со мной и явно заметил, что глаза мои подозрительно блестели от непролитых слез, поэтому тут же принялся тараторить: — Сегодня утром столкнулся с Сигурдом. Представляешь, у него с возрастом развилось нечто вроде дара предвидения. Он мне вскользь сказал, что его старые

кости чувствуют беду в отношении тебя. Раз Роах едет во дворец, значит, там затевается заварушка, и тебе бы лучше ее избежать. Да и я буду рядом, если что, смогу тебя защитить.

— Но как меня отпустят на посиделки с друзьями в академии? —
Понизила голос: — Я теперь занимаюсь с Теренисом магией воды.

— Скажи Тавру, что хочешь пойти. Он тебя отмажет. — Роман махнул рукой, я покачала головой.

— С чего бы?..

— Он не захочет, чтобы вы с Роахом были в одном помещении дольше положенного.

— Почему ты так решил?

Роман вздохнул и принялся растолковывать мне как глупому ребенку:

— Маримар, я, конечно, твой друг... Но я все-таки мужчина и других мужиков понимаю очень хорошо. Ревность — великая вещь. Увидишь, Тавр тебя отмажет, да еще бочонок вина на вечеринку с собой даст.

— Уверен?

— Как то, что солнце садится на западе, а ты маг воды.

— Роман, ш-ш-ш! — Испуганно поднесла палец к его губам.

Роман этот палец зачем-то засунул себе в нос, рассмеялся на мое «Фу!» и довольный собой пошел дальше травить байки про девушек-олений.

Если бы я оглянулась, если бы не побежала в конюшню, забыв обо всем на свете, заметила бы недобрый прищур огненно-зеленых глаз.

ГЛАВА 4

Во дворец я вошла, размышляя, смогу ли когда-нибудь считать это место домом. Теренис отменил занятие, сославшись на плохое самочувствие. Старик действительно был бледен, а около него сновали маги земли. Император дал мне ключ от тайного отдела библиотеки, велел наведаться туда и изучить несколько книг.

Обитатели дворцы и многочисленная охрана еще не решили, как ко мне относиться. Фрейлины приседали в реверансах, придворные подобострастно улыбались, стража вытягивалась по стойке смирно, но я кожей чувствовала ненавидящие взгляды. Один Фиримар радостно расцеловал мои руки и заверил, что выполнит любое пожелание будущей императрицы.

Когда я рассказала принцу о готовящихся посиделках, он действительно выпроводил меня из дворца, едва не подталкивая в спину. Тавр красиво вещал что-то про «единение с народом», важность студенческого братства — так сильно не хотел, чтобы я виделась с графом. Он уговорил меня взять экипаж и хотел приставить охрану, но я отказалась. Единственное, в чем ошибся Роман, — Тавр дал мне с собой не один бочонок вина, а три.

Пьянка, старая добрая пьянка в академии в домике ректора. Когда я явилась с двумя слугами, несущими бочки с вином, парни разразились громкими аплодисментами. Если бы не искусство магов воздуха в создании звуконепроницаемых пологов, нашу вечеринку обнаружили бы тут же.

К моменту моего возвращения Алексис уже была навеселе, несколько магов передавали ее на руки друг другу, и каждый норовил осыпать комплиментами. Кузина хохотала и бросала в воздух светящиеся искры с кончиков пальцев. Снежа тоже оказалась весьма общительной и открытой для северянки. Вино она не пила и цепким взглядом следила за гостями, но в целом отлично ладила со всеми.

Подойдя к ней, протянула руку.

— Маримар.

Девушка ее пожала и представилась:

— Снежа. — Потом наклонилась ко мне ближе и тихо добавила: — Хочу сразу поставить точки над «и» — подружками мы с тобой не будем, твое присутствие рядом с Роахом меня не радует. Строй свою личную жизнь, как хочешь, я не буду чинить тебе козни или вредить как-либо. Но начнешь липнуть к Роаху, наживешь в моем лице врага. И тебе это не понравится.

С этими словами красавица-северянка как ни в чем не бывало отпустила мою руку и принялась во всеуслышание нахваливать меня, смеясь звонким колокольчиком и сияя, как солнечный одуванчик. Я ошеломленно застыла на месте. Слова девушки мне не понравились, но как на них реагировать, не знала. Подраться? Представила: будущая императрица цапается с новой студенткой академии из-за ректора. Забыть и притвориться, что этого разговора не было? С другой стороны, Роах не призовая корова на ярмарке, чтобы так о нем говорить. Снежа же всю развлекалась, выписывая в воздухе ледяные узоры. Она словно принесла частичку севера в наш западный край. Я никогда не видела такой магии.

От размышлений меня отвлек залихватский свист. Некоторые студенты умели играть на музыкальных инструментах и теперь показывали уровень владения теми, что можно было перенести на полянку перед домиком ректора.

Никого не останавливал холод и лежащий вокруг снег. Старшекурсники разместили вокруг поляны летающие костры, маги воздуха защитили нас от снежных хлопьев воздушным куполом. Не зря в военной академии нас учат комбинировать разные виды стихийной магии. И здорово, что использовать это можно не только для войны, но и в бытовых целях, например, чтобы закатить отличную вечеринку. Маги земли приподняли грунт, создав своеобразную сцену, и трое парней заиграли простую веселую мелодию. Ритм ее походил на те, что звучали на городских ярмарках и в тавернах: струнные, барабаны и дудочки создавали музыку, от которой ноги просились в пляс.

Меня подхватил и закружил в танце рыжий вихрь, в котором я узнала Романа. Потом он передал меня другому магу огня, а сам ввел в круг Алексис. Девушек для такого количества парней не хватало, но ребята все равно были рады, что мужская компания хоть как-то разбавилась. Следующие руки, что выдернули меня из толпы,

принадлежали Ану. Мне не надо было видеть, чтобы понять — это он. Маг был еще горячее, чем обычно. Ану надел летний вариант формы академии, но казалось, ему все равно жарко.

— Выглядишь так, будто вот-вот соришь! — легкомысленно хихикнула я.

— Надеюсь, что не сегодня, — улыбнулся он во все тридцать два зуба, но зеленые с золотыми искрами глаза оставались грустными.

— Что-то произошло? — спросила друга, перекрикивая шум музыки.

— Да, Маримар, нам надо поговорить.

Ану протянул мне чашку с подогретой медовухой. После своего дня рождения я не особенно жаловала алкоголь, но напиток не был крепким и так замечательно пах специями, что отказаться не смогла. Ану повел меня в сторону озера, подальше от музыки и шума. Ночь была холодной и безветренной, над водой показался тонкий серп луны. Я пила медовуху и смотрела вокруг, наслаждаясь видом озера и величественного здания академии вдали.

— Итак, горячий парень, что ты мне хотел сказать? — спросила намеренно беспечно, уж очень не нравился мне его какой-то недобрый взгляд.

— Я уезжаю, Мари. Наир слишком быстро вырос, даже просторы королевского бора уже малы для него.

— Не руби с плеча. — Его решение показалось спонтанным и необдуманым. — Ты можешь получить здесь бесценные знания.

— Все, что хотел, я узнал, — с усмешкой в голосе заявил Ану.

— Мы только в начале пути, еще так много неизведанного... Даже такой талантливый студент, как ты, может узнать больше.

Голова вдруг закружилась, перед глазами все поплыло. Показалось, что к кромке воды скользнула темная тень и, огромная и мощная, бесшумно поплыла по озеру. Приглядевшись, поняла, что не показалось. Тенью оказался Наир. Он действительно вырос! Животное выгнуло шею, и сияющие глаза уставились на меня с узнаванием. Значит, не сожрет. Мысли ползли медленно, будто я была пьяна. Но один бокал медовухи не мог так подействовать!

— Ты знаешь, я давно задаюсь вопросом, почему Роах, а потом Тавр так стремились на тебе жениться. Да, ты красива. Ты изумительна, умна, у тебя доброе сердце. — От волнения в голосе

парня слышался сильный акцент тиурь. Только было хотела поблагодарить за комплимент, как Ану продолжил: — Но этого недостаточно, чтобы стать женой принца. — Он расхаживал вдоль берега, лихорадочно блестя глазами. — И тогда я предположил — магия. В твоей крови определенно должна быть магия. И сегодня, когда я невольно стал свидетелем вашего с Романом разговора, мои догадки подтвердились. Ты маг воды, Мари.

Я почувствовала, как земля уходит из-под ног и кружится голова. И дело было не во внезапной осведомленности Ану.

— Что ты мне подмешал? — спросила хрипло.

— То, что простого мага убило бы, но тебя только вгонит в сон.

Одурманенный разум с трудом пытался понять план действий Ану.

— Ты хочешь меня похитить, сделать своей женой?

— Именно. Наши дети будут владеть магией воды, и тогда мы по праву заменим королевскую династию.

Глаза Ану горели, он жаждал власти более всего на свете. И как я раньше не замечала в нем этого фанатизма? Подойдя ближе, он осторожно подхватил меня на руки. Больше не было сил сопротивляться яду, и я повалилась в огненные объятия.

— Не волнуйся. Я буду хорошим мужем, — нежно глядя меня по волосам, сказал Ану.

Подозвал Наира, сел на его спину, устроив мое безвольное тело впереди себя и фиксируя какими-то веревками.

— Меня... будут искать, — пробормотала, с трудом разлепив глаза.

— Не будут, Мари. Мертвых не ищут. У меня было не очень много времени на разработку плана, но кое-что я успел.

Он издал странный звук, похожий на свист, и Наир, громко хлопая крыльями о поверхность воды, пошел на взлет. На фоне этого звука я разобрала грохот сильнейшего взрыва и, раскрыв глаза, увидела столб пламени на месте, где стоял домик ректора и веселились студенты. Попыталась закричать, но не смогла. Это было похоже на кошмар, за исключением того, что от кошмара обычно просыпаются.

— Проснись, красавица, — разбудил меня мелодичный голос.

Я распахнула глаза и испуганно огляделась. На меня с материнской улыбкой смотрела высокая стройная женщина с такими же большими, как у Ану, только темно-кариими глазами. Одета она была в свободное темно-сиреневое платье, расшитое золотыми цветами. Не каждая аристократка столицы могла позволить себе такую вышивку даже на носовом платке.

— Где я? — Голос звучал хрипло, все тело саднило, ему нелегко дались перелеты на драконе.

— Ты дома, дочь моя. — Хозяйка обвела рукой комнату, в которой мы находились.

Мрамор и золото, резные потолки и арки, балконы, усаженные живописными цветами и карликовыми оливковыми и апельсиновыми деревьями. Не хуже королевского дворца. А я думала, восточные кочевники Живут в палатках и доят коз. Набрав воздуха в грудь, приподнялась на усыпанной шелковыми подушками кушетке и выпалила:

— Меня зовут Маримар, я принадлежу клану Синего огня и являюсь невестой наследного принца Тавра. Удержание меня в плену навлечет на вас гнев императора Терениса.

Мать Ану лишь ослепительней улыбнулась. Она выглядела, будто ей немногим за тридцать, однако глаза выдавали возраст. Глаза всегда выдают возраст женщины.

— Я знаю, кто ты, дитя. И знаю, кем ты не являешься. Убери позорное окончание «-мар» из своего имени, стань мне дочерью и прими сына моего в сердце свое, стань ему послушной и верной женой.

Воспоминание о том, что сделал Ану, обожгло. Алексис, Роман, еще десять человек — все мертвы. В таком взрыве никто не мог уцелеть. И все ради чего? Призрачной возможности завладеть тронном? Ладони нервно сжались в кулаки. С ужасом обнаружила, что кольца с моих пальцев пропали. Значит, я не смогу позвать Роаха.

— Мне нужно увидеться с Ану. Где он? — старалась говорить максимально спокойно.

Женщина, видимо, ожидала несколько иной реакции, и ей явно понравился мой нейтральный тон.

— Ану разговаривает с отцом. Пока они беседуют, позволю показать тебе дворец. Потом мы поужинаем, а Ану присоединиться к нам за трапезой.

Зубы у женщины были такие же крупные, как у сына, клыки выдавались вперед, казалось, она их подточила до остроты. Села, ощутив сильное головокружение, но все же смогла подняться на ноги. Лучше осмотреть дворец. Зная территорию, будет проще сбежать. Мысли навязчиво возвращались к последнему поступку Ану. Как он мог запросто убить всех? Тех, кто был к нему добр, тех, кто помогал, кто называл его другом...

— Как вас зовут? — спросила хозяйку.

Она накинула на волосы фиолетовый платок и протянула мне такой же синего цвета.

— Има.

Я достаточно знала язык тиурь, чтобы понять: это значит «мать». Скорее всего, она сообщила мне не настоящее имя, а свой статус как матери одного из наследников Востока. Накрыв мои волосы платком, она повела меня по коридорам.

Мы, судя по всему, находились в женской части дворца. Высокие одутловатые мужчины, сторожившие каждый вход и опускавшие глаза при появлении женщин, определенно евнухи. После знакомства с Ану я немного изучила историю Востока, однако и не подозревала, что край настолько богат. Видимо, пора переписать учебники. В них даже не упоминалось, что роспись на потолках выполняется чистейшим золотом, что многие стены во дворце обиты пластинами из слоновой кости, а сам он построен из мрамора и оникса и по размерам не уступает дворцу императора. Восток богат, вот только знает ли об этом Теренис? Да и Ану в своей поношенной одежде, вечно без копейки в карманах не создавал впечатления богатого восточного принца.

Красивые женщины, попадавшиеся нам на пути, подобострастно кланялись Име, по их нервным движениям я поняла, что ее боятся.

— Кто это?

— Другие жены, — безэмоционально ответила она, ведя меня по светлым коридорам, показывая цветущие зимние сады.

После холода столицы теплый климат поражали. Отсутствие окон позволяло видеть соседнее здание из темно-серого камня. Оно было

более приземистым, более земным и, судя по всему, именно оно и являлось местом обитания правящей верхушки.

— Восточные земли полны драгоценных камней, золота и металла. Знала ли ты, что почти все железо и руду империи добывают здесь?

Кивнула. Знала я и о месторождениях на Севере, но климат там слишком суров, чтобы вести добычу постоянно. Стану императрицей — исправлю положение, хотя, судя по текущим событиям, я скорее восточной принцессой стану...

— Восток владел всем миром, Восток всегда был его центром. Даже солнце поднимается на востоке. К сожалению, внутренние распри ослабили повелителей наших земель, и до Ану не было достаточно сильного и мудрого мага, чтобы объединить их.

— Вы думаете, похищать меня было мудро? — хмыкнула зло.

Не люблю фанатизм, фанатики — самые опасные люди, а Има любила Ану до безумия.

— Единственную женщину-мага воды в империи? Очень мудро. Имея тебя и дракона, Ану объединит земли Востока, и завоевание Запада станет лишь делом времени.

Глаза Имы ярко блестели. Я конечно, не оправдывала Ану, но с такой мамашей не удивительно, что он вырос в то, во что вырос. Культ Кровавой богини, которому мать Ану поклонялась, поощрял войну ради войны, насилие ради насилия. Приверженные ему женщины были воинами, обученными убивать и пытаться. Обычно даже халиф, коим являлся отец Ану, не смел им указывать. Вступивший в храм Кровавой богини попадал под ее защиту, но и цена за это была велика. Какова именно, в книгах не писалось, упоминалось лишь, что последователями культа становились только в самых отчаянных ситуациях.

После того как мы окончили прогулку по женскому дворцу и Има радостно описала мне какая чудесная меня в нем ждет жизнь, что в голове я перевела на «рожай, пока не сохнешь», поинтересовалась:

— Мы пойдем в настоящее здание дворца?

— Чем тебя не устраивает это? Женщины не занимаются политикой. — Большие глаза сузились, улыбка стала несколько натянутой.

— В тех краях, откуда я, — занимаются. И я настаиваю на том, чтобы увидеть Ану.

Има оставила мои слова без ответа. То, что я собиралась сделать с ее ненаглядным сыночком, лучше не озвучивать. Для начала хотела узнать у Ану, как он решился на это, неужели погоня за властью стоит стольких смертей? Потом как следует отметить красавчика. А затем в планах было сделать все для того, чтобы вырваться из прекрасной клетки. Помощи ждать неоткуда. Тавр, скорее всего, сейчас занимается организацией моих похорон или грызется с Роахом по поводу виновных в моей смерти. Даже если они каким-то чудом поймут, что именно со мной стряслось, сколько времени уйдет на то, чтобы добраться до восточных земель? Сейчас, как и всегда, я должна сама себя спасти.

Плакать буду потом. Буду оплакивать Романа, Алексис и Снежу, буду горевать о тех, что погибли в юности потому, что маг огня с силой элементаля не мог усмирить свою жажду власти.

Има, заметив нечто в моих глазах, хмыкнула, дважды хлопнула в ладоши, и бледные служанки, согнувшись в три погибели, оказались возле меня.

— Оденьте нашу гостью как подобает тиша принца. Сегодня он возляжет с ней и, благословят боги, зачнет наследника, владеющего магией крови.

Это было произнесено на языке тиурь, но я достаточно его знала, чтобы понять каждое слово. Вот черт... Бежать придется сегодня.

ГЛАВА 5

Была бы вилка — ткнула бы ей Ану в глаз. Но нет, тут все едят руками, аристократично складывая кусочки в рот. Тавру бы понравилось.

Ану, сидевший рядом со мной, преобразился, словно стал выше, а в жестах появилась королевская расслабленность. Шелковый тюрбан на голове свидетельствовал, что отец назначил его наследником в обход братьев. Куда ни плюнь, всюду наследные принцы.

Има светилась от радости и гордости. Я же сидела, поджав ноги, безразлично глядя на ломившийся от угощений стол, и размышляла над возможным планом побега. Выпрыгнуть в окно, перебежать двор и скрыться в городе? Но что делать дальше? Я сильно отличаюсь от местного населения. Люди здесь смуглые, высокие и темноглазые, мои синие радужки и белая кожа словно опознавательный знак в толпе местных. Да и Ану верхом на драконе легко меня отыщет, еще и покрасуется среди подданных. Его тут вроде как полубогом уже считают. Драконов полно, но они больше похожи на летающих ящериц, таких огромных, как Наир, не видел никто и никогда.

— Отчего твои прекрасные глаза столь грустны? — спросил Ану.

Теперь-то я понимала, что эти слова были избитым клише. Плевать он хотел на выражение моих глаз. Ану участливо взял меня за правую руку, за что ему прилетело по лицу с левой. Голова его дернулась, удар у меня поставлен.

— Потому, что ты, придурок неблагодарный, вчера убил двадцать человек.

Я хотела сдержаться, честно. Сдерживалась, когда меня наряжали в восточные тряпки, сдерживалась, когда Ану вошел в комнату, вызвав бурю восторга со стороны окружающих нас женщин, и с королевским достоинством опустился около меня и с улыбкой кивнул матери. Ох, я сдерживалась, но даже моему благоразумию есть предел. Мало его Роах бил. Воспоминание о графе царапнуло сердце. «Один влюблен, другой лишь желает, третий интриги плетет, замышляет». Судя по всему, меня окружают одни интриганы.

Окружавшие нас женщины, другие жены отца Ану, заверещали, бросились к принцу. Одна из них, владеющая магией земли, начала лечить наливающийся синяк. Има глянула, не потрудившись скрыть гнев, однако мгновением позже его сменила улыбка.

— Узнаю себя в тот день, когда повелитель только взял меня в жены. Он до сих пор с гордостью носит шрамы, оставленные моими клинками.

Злобная женщина, умеющая управляться с оружием... Просто мечта, а не свекровь!

Ану смотрел на меня со смесью злости и радости, но в его зеленых глазах проскальзывало еще какое-то выражение, будто он представлял, как я выгляжу без одежды.

— Ты родишь мне сильных сыновей.

Придурок. Вот придурок.

— Оставьте нас все! — приказала я и женщины, словно марионетки на волшебных веревочках, покинули комнату.

Има попыталась противостоять, но все же последовала за ними. Черт, ну конечно. Я же маг воды. И могу просто приказать отпустить меня. Или заставить халифа скакать на одной ноге, облизать мне ботинки, а своего бывшего друга — выпрыгнуть из окна.

Ану демонстрация силы не впечатлила.

— Я думал, ты еще не владеешь магией. Но тем лучше для нас.

Он приблизился ко мне, я вскочила и отпрянула.

— Нет и никогда не будет никаких нас.

— Но я тебя похитил, значит, ты моя. Чего ты хочешь? Украшений? Красивую одежду? Я дам тебе все.

Неужели он думал, что все это хоть что-то для меня значит? Ану не знал меня, да и никогда не пытался узнать. Я была для него хорошенькой девочкой с синими глазами, а потом стала проводником к магии воды. Я была для него таким же допуском к трону, как для Тавра.

— Отпусти меня, Ану, — приказала, используя магию голоса.

Парень покачал головой.

— У меня есть кожа чак-чо. Твоя магия против меня бессильна.

— Предусмотрительно. Но в рукопашном бою тебе меня не одолеть.

Он почти не посещал тренировки, считая их ненужной тратой времени, а я считалась одной из лучших на курсе Эльдара. Встала в стойку, подготовившись на понятном языке разъяснить парню, куда ему стоит идти со своими мечтами о сыновьях. Ану снял тюрбан и встал напротив. Я двигалась на максимальной скорости, стремясь как следует изукрасить смазливую мордашку, но каким-то чудом противник оказывался быстрее. В воздухе перехватил мой кулак, практически нежным движением заломил руку за спину и повалил на ковер. Я барахталась, как перевернутая на спину черепаха, но не могла противостоять Ану, который, казалось, не прикладывал никаких усилий, чтобы удерживать меня.

— Ты всегда поддавался, — выдохнула, ощущая тяжесть его костлявого тела.

Ану наклонился ко мне. Зеленое пламя его глаз пожирало. Он поцеловал меня жадно, со злостью, забирая дыхание, наполняя легкие огнем. Моя сила отталкивала пламя, не давала обжечь плоть. Сейчас Ану был не тем парнем, которого я знала. Эта сила, это голодное пламя внутри него было опасно, оно искало выход, хотело выжигать без остатка.

— Я поддавался тебе, играя роль. Ты же многое знаешь о том, как притворяться кем-то другим, Мари... Я позволял Роаху насмеяться над собой. Позволял Укру думать, что он мне ровня, а Тавру — считать, что я достаточно глуп. Я сын халифа, Мари, элементаль огня и повелитель драконов. Дам тебе отдохнуть до завтра, хоть мать и хочет, чтобы я скрепил наш союз сегодня. — Про себя подумала, что так деликатно изнасилование еще никто не называл. Ану меж тем продолжал: — Ты можешь быть моей тиша и любимой, а можешь стать моей рабыней. Решать тебе.

Завершив речь на пониженных тонах, как и подобает злодею, Ану поднялся и покинул комнату. Я лежала на спине, задыхаясь, губы горели и болели, магия внутри бурлила, рвалась наружу.

Небо заволокло темными тучами, на землю пролился дождь, что так редко видят жители Востока. Я встала, выглянула на улицу. Женщины и дети играли под дождем, танцевали, ловили на ладони крупные капли, радуясь им как чуду.

Что ж, хотите чудес — будут вам чудеса. Черта с два я позволю Ану делать со мной, что ему вздумается. Повелитель драконов...

Придурок и эгоист.

Я — маг воды, сильнейший во всей империи, я — студентка военной академии, одна из лучших по успеваемости. И пусть я не умею осознанно пользоваться своей магией, но способна вызывать ее эмоциями.

Сосредоточиться на терзавших меня мыслях было несложно. Вся боль, что я прятала в дальний уголок сознания, вышла на поверхность, стоило ослабить контроль.

Неполноценность, тысяча насмешек, отводимые в сторону взгляды. А потом школа Танцующих леди и страх, бесконечный страх, что я не успею и меня отдадут мужчине без права на свободу, без надежды на уважение, не говоря уж о любви. А потом академия... и первая влюбленность в парня, который меня похитил. Копнем глубже... Предательство человека, которому я доверила свою жизнь и почти отдала сердце. Чувства к Тавру, в которых смешивались восхищение прекрасным лицом, желание, стыд и память о пыли в королевской пыточной. Смерть моих друзей... Я представила лицо Романа, стоящего в шаге от бессмертия, Алексис... Ох... У меня был вагон проблем, и с каждой обдуманной дождь усиливался, превращаясь в настоящую бурю. По лицу текли слезы, и дождь уже не радовал высыпающих на улицу, теперь он пугал их и заставлял прятаться в дома. Молнии били в землю, в воздухе усилился запах озона. Стражники побросали свои посты.

Так-то лучше. Я вылезла в окно, легко спустилась по обвивающим белые колонны дворца лианам и пошла по внутреннему двору, а на кожу мою лились слезы небес. Меня никто не остановил, отворить ворота в город при отсутствии стражи оказалось пустяковым делом. Обернувшись, окинула взглядом два дворца, стоявших напротив друг друга. Изящный женский и приземистый мужской. Между ними располагались сады, причудливые растения с жадностью поглощали воду. Люди попрятались под крыши, в окне серого здания мелькнуло лицо Ану — узнала его по тюрбану со светящимся изумрудом, который он с гордостью носил на черноволосой голове. Средний палец был единственным жестом, который хоть как-то отображал мои чувства к младшему сыну халифа.

Я вспомнила то единственное упражнение, которое успела разучить с Теренисом, и взмахнула руками. В этот раз мне не

понадобились часы тренировки, чтобы вода послушалась моей воли. Ручьи, лужи — вся жидкость, что еще жадно не вобрала в себя земля, взмыла вверх, чтобы обрушиться на мужской дворец единым потоком, заливаясь в открытые окна, уничтожая своей мощью резные террасы, снося статуи.

Ану так вообще смыло в неопределенном направлении. Злорадно рассмеявшись, я рванула в город. Мою душу больше не терзало любопытство, не хотелось изучать традиции таинственного Востока. Мне просто хотелось вернуться домой.

Я шла по улицам города, безлюдного, серого от воды, и боролась с головокружением. Чахлые оливковые деревья и высокие пальмы составляли почти всю растительность. Дома были небольшими, они тесно жались друг к другу, образуя узкие улицы. Я дышала влажным воздухом и понимала — море находится на юге, минут через десять ходьбы окажусь у его берегов. Оно звало, словно песня, манило окунуться в свои темные глубины, но я боялась, что не смогу выбраться из его сладостных объятий.

Голод сковывал желудок, перед глазами плясали белые пятна. Вспомнились слова Тавра, что магия отнимает много сил. Я чувствовала себя полностью опустошенной и осознавала, что сил не хватит даже на магию голоса.

Дождь прекратился, и люди понемногу выходили на улицы. Смуглые, высокие, одетые в простые одежды светлых цветов, они обращали на меня внимание. Погоня — лишь вопрос времени.

Я шла не бесцельно, с кристальной ясностью в голове появился план. Нужно найти красный шпиль с развевающимся флагом. Место, где меня не только накормят, но и дадут защиту в случае необходимости. Кровавая богиня требует многого за свою помощь, но не отказывает в убежище. Наконец я заметила нечто похожее на копье Кровавой богини. В книге говорилось, что его наконечник всегда светится алым, словно кровь врагов. Я двигалась к этому шпилю, кожей чувствуя: за мной идут. Стражник, появившийся из переулка, успел крикнуть «Я нашел ее» до того, как я выключила его одним быстрым ударом по шее. Топот конских подков, свистящие звуки, издаваемые наездниками, подгонявшими лошадей, и далекий рев дракона заставили все мое существо молча вопить от страха, и я рванула сломя голову, молясь духам стихий и всем известным и

неизвестным богам, чтобы красный шпиль оказался тем, о чем подумала.

Они почти настигли меня, когда показалась дорожка к храму, вымощенная алым кирпичом. Я бежала по ней, не оглядываясь. Пусть я тренированная ученица военной академии и бегаю быстро, но человеку не под силу обогнать лошадь. А длинноногие черногривые кони Востока считались самыми быстрыми во всей империи.

Звук крыльев Наира раздался за спиной.

— Не делай этого! — заорал Ану.

Я же бежала к храму, чтобы пасть на колени пред темно-алыми воротами. Я распласталась перед статуей многорукой богини и взмолилась:

— Убежища!

Каменная статуя внезапно ожила и кивнула, что едва не вызвало вопль. Четыре пары рук двинулись в предостерегающем жесте и замерли. Дрожа, я оглянулась.

Кони, на которых сидели мужчины, перетаптывались у невидимой глазу линии и не могли переступить дорожку, ведущую на территорию храма. Ану верхом на драконе гневно сверкал глазами, тоже не в силах пересечь ничего, казалось бы, не значащую линию и низенький заборчик из серого камня.

Ворота храма распахнулись, ко мне вышла высокая седовласая женщина. Острые черты ее лица навевали мысли о тяжелой, полной борьбы жизни. Сероватая кожа говорила о том, что женщина или ее родственники принадлежали племени гуллах. Эти женщины-воины, предания о которых сохранились в легендах, жили на землях Востока до того, как туда прибыли маги.

— Кровавая богиня предоставляет тебе убежище, дитя.

Она протянула мне руку, кожа ее оказалась холодной и сухой. Я поднялась, с опаской заглянула в серые глаза.

— Она моя! — воскликнул Ану, дракон гневно изрыгнул пламя, перенимая настроение хозяина. — Я ввел ее в шатры свои, назвал ее своей женой.

— Слова не имеют значения, если не подкреплены действиями, — спокойный голос женщины резал словно сталь, — а Кровавая богиня не дала бы ей приют, не будь она девственницей и не бери ты ее против воли и без позволения семьи.

Я почувствовала, как краска заливает меня до ушей, но резко тряхнула головой, не позволяя чувству стыдливости помешать мыслить.

— Кто ты, дитя? — спросила женщина, поворачиваясь спиной к отряду вооруженных мужчин и Ану, будто те не имели для нее никакого значения, да они и не имели, поскольку не могли ступить на землю храма.

Мы вошли в здание, и я почувствовала, как сердце уходит в пятки. Не бежала ли я из одной западни, чтобы угодить в другую?

Внутри оказалось прохладно и темно. С полукруглых сводов равномерно капала вода, скапливаясь в небольшие ручейки, которые стекали по полу из красного мрамора, так что казалось, будто по нему струится кровь.

— Меня зовут Маримар, — ответила, оглядываясь и ожидая подвоха.

Большой зал, в который мы попали, был лишен мебели, только в центре высился резной фонтан с изображением старухи в длинном плаще с капюшоном. Вода так и плескалась в нем, переливалась через край и уходила в углубление в полу.

— Меня зовут Бат. Но я спрашивала не твое имя, а кто ты.

Она вела меня дальше. Мимо нас двигались другие служительницы храма в серых одеждах, все как одна худые и высокие, чем-то похожие на Иму.

— Я студентка военной академии.

Бат снова покачала головой. Она не выглядела сердитой, но смотрела на меня как на несмышленища, который заявляет, что небо зеленое.

— Это не ответ на мой вопрос. Кто ты?

— Невеста принца Тавра.

Бат начала терять терпение.

— И это не ответ. Имя тебе дано, твоя принадлежность месту, роду или человеку меня не интересует. Скажи, кто ты?

Я задумалась, мысленно перебирая все возможные ответы, пока меня не осенило. Я поняла, какого ответа ждет Бат. Она спрашивала, что из себя представляет моя сущность, что не определялось ни происхождением, ни магией, текущей в моей крови.

— Пока я никто.

— Сообразительная девочка, — одобрительно произнесла служительница храма. — Мы все лишь сосуды для божественной милости. Сейчас тебе нужно поесть и отдохнуть. Магия воды отнимает много сил.

Я так поразилась ее словам, что споткнулась. Громкое эхо раздалось в хитросплетениях коридоров.

— Откуда вы знаете?

— Статуя Кровавой богини не оживает ради кого попало. Да и подобный дождь не характерен для наших земель.

Она проводила меня в светлую комнату, мне даже зажмуриться пришлось, прежде чем глаза привыкли к яркому освещению после полутьмы, в которой утопал молитвенный зал. Свет лился в арочные окна и наполнял пространство, казалось, здесь будет светло даже ночью. Девочки и девушки разных возрастов готовили еду, вышивали, разговаривали, смеялись. Все они были черноволосы и темноглазы, но отличались столь изящным строением, что я решила — они связаны родственными узами.

— Это Маримар. Накормите ее и помогите переодеться. Маримар должница нашей богини, сегодня они обсудят долг.

Бат покинула комнату, оставив меня в недоумении, — понятно, что долг за кров придется отработать, но чтобы так скоро? И что значит «обсудят долг»? Попробовала расспросить девушек, но они загадочно улыбались и говорили, что пойму все сама и это большая честь для чужеземки — быть приглашенной в висячие сады Кровавой богини.

При таком стрессе аппетит должен бы был пропасть, но в животе заурчало, как только расторопные девушки поставили передо мной мясное рагу. Проглотила его за несколько минут и запила холодным кислым молоком. Меня клонило в сон, но я упорно сопротивлялась, не желая засыпать в незнакомом месте.

— Вы сестры? — спросила у одной из девушек, окинув взглядом остальных.

— Да. И ты нам сестра, раз пришла в храм богини, — ответила одна из них, с серьезными глазами в обрамлении пушистых черных ресниц.

Она вернулась к пяльцам с вышитыми шелковыми нитями цветами и смешным золотистым львом с плоской мордой. Несмотря на

наивность рисунка, вышивка была очень искусной.

— Я имею в виду, вас связывают родственные узы? Один отец или мать? Вы двоюродные сестры?

— Мы все родились при храме, — ответила другая. — Наши семьи служат богине более десяти поколений, поэтому, возможно, мы кажемся тебе похожими.

— Но я думала, что служители Кровавой богини не женятся и не заводят детей.

Девушки переглянулись и рассмеялись, будто услышав какой-то вздор.

— Богиня не запрещает нам становиться матерями, и хоть мужчины не вхожи на территорию храма, многие из них тоже молятся ей и помогают нам.

— Но история Имы... — вспомнила, что говорил Ану о своей матери.

Девушки переглянулись, в их глазах вспыхнул гнев.

— Она позволила халифу похитить себя. Если женщина хочет сбежать от мужчины, она сбегает, как это сделала ты. Но ей понравился вкус власти, поэтому она осталась.

Я не очень понимала их логику, поэтому позволила себе уточнить:

— Значит, если бы Ану... осуществил права супруга, я бы не смогла попросить убежища и выглядела в ваших глазах предательницей?

Девушки согласно закивали. То есть если бы меня изнасиловали, по их мнению, я была бы виновата сама. Какая чудесная религия.

— Никто из нас не стремится к власти. Мы созидаем и уничтожаем, воюем, рожаем детей. Только богиня заключает браки, и только она выбирает королей. Има нарушила оба правила, подобравшись к халифу и родив ему сына.

Откинувшись спиной на стену. Я была сыта, в голове — звенящая пустота и абсолютное спокойствие. Так бывает, когда понимаешь, что вляпался по самые уши, а спасения, кроме как от самого себя, ждать не приходится. Разум лениво обрисовывал мое положение на текущий момент.

Итак. Я нахожусь на территории восточных земель империи, что уже само по себе не очень хорошо. Знаю только язык тиурь. К женщинам тут относятся как к красивым вещам, ходить без

сопровождения мужей или братьев они могут, только если принадлежат к культуре Кровавой богини. К которому и я, кстати, успела присоединиться.

Ану постарается до меня добраться. Он очень гордый человек, а я по его гордыне буквально потопталась, когда сбежала. Шанс, что меня станут искать родные, невелик: меня считают мертвой, пожранной огнем вместе с друзьями. От воспоминания о них сердце снова предательски сжалось, но усилием воли я заставила себя не думать. Сейчас я в единственном безопасном для меня месте, нога мужчины не может ступить на территорию садов храма, но я должна буду заплатить за эту безопасность мифическому существу.

Девушки принесли мне ароматный чай, пахнущий степными травами и горький красный мед. Они стали вдруг странно молчаливы, глаза их наполнились темнотой. Не придавая значения изменившемуся поведению, сунула в рот ложку меда и вдруг подумала: ведь меня считают мертвой, и, коли меня похоронят, то со мной вместе похоронят и все мои клятвы. Мне не обязательно возвращаться ко двору, стану свободна от всех обязательств, смогу начать новую жизнь...

«Ты можешь стать свободна», — раздался глубокий женский голос в моей голове. Не мой внутренний голос.

Я заморгала и уставилась на чашку в руках. Так... Либо я схожу с ума, либо девушки мне подсунули вовсе не чай... «Либо ты разговариваешь с богом», — прозвучало с усмешкой.

Отставив в сторону чашку, я опасливо опустилась на каменный пол. Если в чай подмешали наркотик, запросто могу решить, что умею летать или проходить сквозь стены, и сломаю себе шею. Два отравления за один день... Интересно, моих способностей хватит, чтобы полностью переработать все вещества, которыми меня успели напичкать? Осторожно отползая в угол, окинула комнату безумными глазами. Стены будто растаяли, а в воздухе разнесся аромат: так пахнут море и дождь, так пахнут плодородная почва, травы и цветы. Через секунду вокруг меня вырос парк, с женских статуй плащом ниспадали вьющиеся растения, будто окутывая их нагие тела в изящные одежды. Одно из изваяний сошло со своего постамента, взглянуло на меня алым пламенем глаз. Двигалась статуя с трудом, словно сбрасывала с себя многовековое оцепенение.

— Чем меня опоили? — вежливо поинтересовалась я у стоявшей передо мной фигуры.

Молодец, Маримар. Поговори со своими галлюцинациями.

— Ничем. — Губы на стылом лице не шевельнулись. — Моя суть, что позволяет говорить с последователями, находится в красном меде. Немногие помнят о таком способе говорить с богами.

Жители столицы отнюдь не религиозны, ходят в храм максимум четыре раза в год, обращаясь к духам стихий, но в богов не верят очень давно. Мне вдруг захотелось извиниться за непочтительность, но потом вспомнила, что брежу, значит, в извинениях нет необходимости. Однако решила уточнить, мало ли, вдруг обозналась.

— Кровавая богиня?

Губы статуи исказились в улыбке, несколько других изваяний повернули ко мне головы и тоже усмехнулись.

— Богиня. Но не только крови. Жаль, что лишь самая жестокая моя ипостась сохранилась в памяти людей.

За спиной ее выросли еще руки, в некоторых было оружие.

— В любом случае, если ты Кровавая богиня, у меня к тебе должок.

Хотелось как можно скорее прекратить беседу, потому что сады начинали мне нравиться. Еще немного, и соглашусь отдать все на свете, лишь бы остаться здесь.

— Ты нетерпелива, дитя. Но нетерпение — удел молодых. Я ничего не потребую от тебя, напротив, кое-что дам. Но сначала ты должна понять, кто я. И зачем мне нужна ты.

Другие статуи вдруг развернулись ко мне. Они изображали разных женщин, высоких и низких, полных и таких худых, что ключицы выступали наружу, молоденьких девушек и сморщенных старух, как та, что стояла в центре храмового фонтана. Их глаза были черными, карими, зелеными и золотистыми... Все разные, но все были ею.

— Я та сила, что пробуждает семя к жизни, что помогает зачать дитя. Я смерть и я же жизнь, я разложение и возрождение, магия земли, огня и воды, я воздух, которым ты дышишь, свет и тьма, наслаждение и боль. Есть множество способов прийти ко мне. Ты пошла путем воина, всю жизнь сопротивляясь тяготам жизни. Уже давно я наблюдаю за тем, как маги уничтожают друг друга, стремясь

сохранять власть. Я видела, как убили почти всех моих ведьм, носителей древней силы. Наблюдала, как уничтожали магических существ, как исчезли драконы, и единороги нырнули в изнаночный мир. И больше я не могу стоять в стороне и поэтому вмешаюсь. Ты — единственный достаточно сильный маг, который может услышать меня и который захочет меня слушать.

Мне захотелось пошутить, что со спасением ведьм она минимум лет на сто опоздала, но вовремя прикусила язык. Впрочем, смысл речи богини казался резонным. Магия слабела давно. В истории сохранилось множество событий, в которых участвовали множество воинов с силой Роаха, Романа или Ану. Истории о магах воды, которые были способны седлать волны и перемещаться с места на место, или о том, что сапожники и трубочисты владели магией на том уровне, на который сегодня способны единицы. До недавнего времени я не интересовалась легендами и воспоминаниями стариков, считая, что ослабление магии является несомненным преимуществом для меня. Но сейчас задумалась.

— Мне несомненно приятно... богиня, но нельзя ли подробнее описать, что от меня требуется?

Статуя поморщилась, моя непочтительность ей явно не льстила. В свое оправдание могла лишь напомнить, что не каждый день общаюсь с богами.

— Я не в праве что-то от тебя требовать. Просто попрошу слушать меня, когда ты вернешься в водоворот своей жизни. Я уже иду с тобой рука об руку, это я даровала тебе твои способности. Слушай меня и обращай ко мне, и тогда я верну в этот мир магию.

На языке вертелось множество вопросов — почему я и кому мне верить, но задала иной, вспомнив ее первые слова, раздавшиеся в голове.

— А как насчет моей свободы?

— Ты хочешь отказаться от всего и сбежать?

В голосе звучало понимание. Она бы приняла любое мое решение. Сбежать от ответственности, как Теренис-младший... Если я так сделаю, в стране вполне может начаться междоусобная война. В первый же вечер во время бала я слышала, что многие аристократы не поддержали решения императора отдать престол сыну, и только их страх перед старым магом воды не позволял выступить с протестом.

Тавр удержится на троне, только если будет иметь в рукаве крупный козырь вроде меня.

— Не сбегу, — ответила со вздохом.

Статуя подошла ко мне с изяществом, которого не ожидаешь от куска камня, и взяла за правое запястье теплой рукой. Показалось важным уточнить, что я не в восторге от идеи божественного служения, но богиня и так все поняла.

— Ты никогда в меня не верила, не молилась, даже не знала обо мне. Но я в тебя верю. Не дай погибнуть ни одному из элементалей.

Запястье нестерпимо обожгло, я закричала от боли и открыла глаза. Я все еще полулежала на полу, тело занемело, и о случившемся напоминала только резь в запястье. Поднесла его к лицу. На нежной коже алел цветок с пятью острыми разноцветными лепестками. Зачарованная рисунком, я не сразу обратила внимание, что в обеденную комнату вошла Бат.

— Я пришла, чтобы переложить тебя на кушетку, но вижу, ты уже очнулась, — голос ее звучал возмутительно спокойно.

Служительница улыбнулась, глядя на распустившийся на руке цветок. Я произошедшее не считала поводом для улыбок.

— Что за чертовщина произошла? — Стоило бы вежливее говорить с теми, кто дал мне кров, но на сегодня все мои ресурсы были исчерпаны, хотелось просто свернуться клубочком в безопасном месте и немного поспать.

— Ты снискала благодать Богини. Какой она явилась тебе?

Бат помогла мне подняться — я и не заметила, что все мышцы свело от неподвижного сидения на полу. Рассказала о своем сне, попутно поинтересовавшись, не служительницы ли храма нанесли на кожу рисунок, — я лишь недавно смирилась с мыслью о существовании элементалей и ведьм, боги в картину мира пока не вписывались. Женщина рассмеялась, закатала рукав и показала небольшой клинок на своем запястье.

— Этот символ остается неизменным уже двадцать лет. Он означает, что у богов есть на тебя планы. — Она прикоснулась к знаку, как к драгоценности, затем взгляд острых глаз вернулся ко мне. — Предлагаю тебе погостить у нас некоторое время, восстановить силы. При первом удобном случае мы выведем тебя за пределы храма и посадим на корабль, идущий на запад.

Предложение Бат показалось разумным, и я его приняла, однако попросила больше не подсовывать мне неизвестные продукты. А то кто знает, сегодня боги, завтра единороги привидятся, послезавтра Роах в исподнем в ромашки.

ГЛАВА 6

Небольшой отряд разбил лагерь у стен храма. Ану прилетал верхом на драконе по три раза на дню и требовал переговоров, на что Бат вежливо велела ему убираться восвояси, напоминая, что последовательницы культа Кровавой богини неприкосновенны. О том, что я отказалась от культа и от всех связанных с ним ритуалов, умалчивалось. По ее же приказу меня особо не беспокоили, позволяя спать сколько хочу, есть сколько влезет и посещать тренировки по собственному желанию. Тренировки здесь были скорее философией, ничего общего с занятиями у Эльдара. Девушки занимались гимнастикой, метко метали кинжалы и двигались с бесшумностью тени.

Первый день я опасалась и вздрагивала от каждого шороха, на второй поняла, что опасность в храме мне не грозит, и стала передвигаться свободней, изучая обширную территорию — сады, бассейны, множество комнат и подземных галерей. К третьему дню пребывания в храме все мои мысли и желания сосредоточились на возвращении домой. Возможности для этого пока не представлялось. Отряд за стенами храма рос, все письма просматривались, каждая входящая и выходящая женщина допрашивалась. Подобное положение дел никого не устраивало, и вот уже после ужина я расслышала в коридоре шепот на языке тиурь.

— Благословлена она или нет, но так жить просто невозможно. Я себя как в тюрьме чувствую.

— Не думает же настоятельница из-за нее идти против халифа?

— Ану такой красавец, я бы не раздумывая пошла к нему в жены. Да хоть второй или третьей. А ей он ведь тиша стать предлагает...

При моем появлении из-за угла разговоры смолкли, девушки потупили глазки и поспешно ретировались. Дело плохо. Недолго меня будут терпеть.

Я направилась на поиски Бат, стараясь не попадаться на глаза. Риск велик, но покинуть храм нужно сегодня, в крайнем случае завтра. Служительница нашлась у фонтана, в центре которого возвышалась статуя старухи, теперь-то я знала, что это изображение одного из ликов

богини. Бат разговаривала с какой-то женщиной из тех, что больше не обнажают клинки, но помогают храму и отправляют учиться искусству битвы своих дочерей. Я хотела дождаться, пока они закончат беседу, но Бат подозвала меня и представила свою собеседницу:

— Знакомься, Маримар, это Кайя. Ее дочь живет и обучается при храме. Когда-нибудь она может стать великим воином. — Женщина, чью дочь я украдкой видела во время обедов и ужинов, кивнула. Бат продолжила: — Мы охраняем Маримар от незаконных притязаний младшего халифа. Как видите, все под контролем. Мы не вступаем в войну, но держим оборону.

Кайя была не первой матерью, пришедшей в храм узнать, как дела у дочери. Никому не нравилось наше осадное положение. Как оказалось, быть воином Кровавой богини считалось престижным, девушки удачно выходили замуж, отслужив год или два. К тому же мужья не смели их обижать, памятуя о могущественной покровительнице. Независимость и сила всегда прельщали, однако сила — это еще и ответственность, а об этом матери девочек зачастую забывали.

— Приятно познакомиться.

Я была готова услышать гневную тираду в свой адрес, но ее не последовало. Женщина, улыбнувшись так, что на полных щеках появились ямочки, произнесла:

— И мне приятно. Я простой кондитер и в политике не смыслю. Но раз Бат говорит, что надо тебя защищать, значит, надо. — Она принялась тереть подол зеленого платья, а затем посмотрела на меня добрыми светло-карими глазами. — Моя младшенькая почти одного с тобой возраста, куда такое дитя замуж? Вы должны книжки читать да шоколадки кушать, — с этими словами она достала из необъятной сумки небольшую коробочку и протянула мне. Я приняла подарок под одобрительным взглядом Бат. — У меня часто после работы остается лишний шоколад. Мои девочки уже и просить перестали, наелись. Может быть, ты любишь?

— Спасибо! — С радостью приняла подарок, уже предвкушая, как объежусь сладкого.

Женщина попрощалась, заверив Бат, что не имеет никаких претензий, и покинула храм. Двигалась она с поспешностью, присущей деловым людям. Дверь отворилась, впуская полуденный

зной, я мельком увидела Ану и, не удержавшись, снова показала ему неприличный жест. Этот самовлюбленный мерзавец лишь улыбнулся в ответ ровными острыми зубами, уверенный в своей победе в нашем противостоянии.

— Ты хотела о чем-то поговорить, дитя, — кашлянула Бат, привлекая внимание.

— Я думаю, мне нужно сегодня убраться отсюда.

Служительница слегка поморщилась, ей не нравилось, как я разговариваю. Умом я ее понимала: леди так не говорят, будущие императрицы тем более. Но не виновата же я, что учили меня не гувернантки и не выпускницы пансиона благородных девиц, а грубые мужчины вроде тренера Лево да Эльдара. Дала себе обещание следить за языком.

— Чем вызвано твое решение? — в голосе прозвучало недовольство.

Бат дала мне кров и готова была оберегать столь долго, насколько было возможно. Вероятно, я ей казалась неблагодарной, коли стремилась покинуть храм так скоро. Но я чувствовала, оставаться здесь небезопасно. Как ей объяснить? Вдруг метка зачесалась, и на ум пришел правильный ответ:

— Богиня велит мне уехать обратно на Запад.

Больше вопросов Бат не задавала, только кивнула, принимая мои слова на веру, и приступила к разработке плана побега.

* * *

Полуденный зной сменился прохладой. Солнце на Востоке садится очень быстро: еще полчаса назад оно висело в небе, немилосердно раскаляя почву, и вдруг поспешно скатилось за горизонт.

Маленький трюк, который мы разработали с Бат, был прост: во дворе стояли шесть девушек, одетых в одинаковые темные плащи. Я была седьмой, и на мне болтался такой же. Лодка, на которой я должна была покинуть гавань, причалена на набережной. Едва солнце опустится к горизонту и заалет, мы должны будем одновременно выбежать из храма. Растерявшиеся стражники начнут хватать всех

подряд, а поймать натренированных последовательниц культа Кровавой богини не так-то просто. В это время я отделюсь от группы, сверну в переулок и заберусь на крышу — Бат показала, на какую именно. Я должна буду передвигаться по крышам в направлении моря, тогда меня не смогут поймать. Стоит добраться до лодки, меня переправят на торговое судно, и доплыть до столицы я смогу в грузовой части корабля вместе со специями и моим любимым шоколадом. Через пять дней пути при хорошей погоде буду на месте.

Одинаковые на первый взгляд девушки ухмылялись из-под капюшонов, им идея Бат понравилась и очень хотелось выбраться из храма пусть даже ради меня.

Я жевала шоколадки, готовясь к марафонскому забегу. Подарок оказался очень кстати, потому что нужно было срочно заесть нервозность, а для этого нет ничего лучше сладкого. Метка-цветок нестерпимо чесалась, мне эта внезапная реакция совсем не нравилась, надеюсь, это не признаки аллергии на лакомство.

— Мои дорогие! Сегодня мы исполним свой долг и поможем богине. — Бат подняла сухие руки к потолку. — Как только вас попытаются остановить, бегите как молнии, но не нападайте. Вы все должны бежать в разные концы города. Давайте преследователям видеть себя, чтобы сбить с толку. Затаиться должна только Маримар. Стражники будут пытаться вас поймать, но не навредить. Скорее всего, если им это удастся, вас отведут во дворец. Молчите. Лишь во дворце называйте свои настоящие имена. Я выйду первой и заговорю с младшим правителем. Как только мы встретимся и уйдем в его шатер, бегите.

Женщина поцеловала каждую из девушек в лоб, меня взяла за руку.

— Помни, я всегда буду твоим союзником. Если будет нужна помощь, обращай ко мне. Богиня уже давно не стояла так близко к престолу империи. Взойди на него и исполни ее волю.

Я кивнула, принимая помощь этой сильной женщины, пусть и столь отличной от меня. Я все еще не до конца верила в богов, но верила в ее теплое отношение ко мне, а это было гораздо ценнее всех волшебных чудес.

Живот недовольно заурчал, нарушив красоту момента, и, смущенно улыбнувшись, я вытащила руку из ладони жрицы.

Бат еще раз одобрительно кивнула нам всем и вышла на улицу, казалось, окунувшись в кроваво-красный свет заходящего солнца. Стайка в плащах застыла в ожидании перед выходом, одна из девушек смотрела в окно.

— Пойдем, пойдем, пойдем, — резко закричала она, отворила двери и выскользнула на улицу.

Мы выбежали следом, специально загребая ногами, чтобы в воздух поднялось серое облако пыли. Одна из моих соратниц, слабый маг ветра, направила его в сторону стражников, и мы ринулись каждая в свою сторону, не оглядываясь и наслаждаясь моментом, когда кровь горит от страха и восторга и свобода зависит от скорости ног. Для девушек это была лишь игра, даже если поймают, их отпустят, не тронув волоска. Для меня же цена проигрыша была велика, поэтому я практически летела, позволяя полам черного плаща развеяться за спиной, с одной лишь дикой мыслью в голове: «Только бы сбежать».

* * *

Казалось, что за один удар сердца мне удалось выскочить в темноту дворов и взобраться вверх по лестнице. Бат приказала не отвлекаться и бежать по хлипким на вид сооружениям к ожидавшему меня судну. Однако я все же не удержалась и бросила взгляд в сторону храма. Стражники кинулись врассыпную за мельтешащими девушками. Ану выскочил из шатра, вертя головой, как безумная лошадь. Следом вышла Бат, невозмутимая, словно плывущая в облаке своих одежд. Маг огня засвистел, призывая дракона, мирно спящего, несмотря на все крики, но Наир даже голову не поднял. Ану подошел ближе и неделикатно толкнул зверя. Дракон продолжал сопеть, недовольно дернув кончиком хвоста.

— Как ты посмела?! — закричал Ану на настоятельницу. — Ты усыпила моего дракона!

— Как же простая женщина без способностей к магии может повлиять на питомца великого элементаля, сына халифа? — пожалала та плечами.

В ее голосе звучала злая усмешка. Несомненно, Бат сотворила что-то с драконом. Ану, заорав, загорелся словно живой факел. Метнул

в Бат огненный шар, но там, где она стояла, ее уже не оказалось.

Остатки испуганной стражи отбежали от своего повелителя на почтительное расстояние. Низким от злости голосом Ану приказал:

— Тех притворщиц, что поймаете, в темницу. Они будут обвинены в измене.

— Ты не посмеешь! — крикнула Бат. — Культ Кровавой богини неприкосновенен!

Я замерла, не в силах заставить себя бежать дальше. За измену даже на Западе принята смертная казнь, а законы Востока куда более жестоки. Девушки не должны быть казнены только за то, что помогли мне.

— О, я посмею. Необходимости в вас давно нет. Ваша богиня мертва, и только доброта моего отца позволяет вам существовать. Я уничтожу храм, сравняю его с землей. Вы отвергли мою мать, что толку в вас? — с этими словами Ану бросился с мечом на Бат.

Она парировала его удар секирой, которую выхватила из-под полы своего одеяния.

— Ты напал на меня! Теперь я по праву могу тебя убить, — Бат пыталась вразумить Ану.

Она отражала его удары, попутно уворачиваясь от огня, но нападать не смела. Обезумел он или нет, Ану оставался младшим халифом. А человек, которого, казалось, я знала, смеялся — его пожирала магия огня, не оставляя ничего от личности.

И вдруг я осознала. Юноша, которого знала, так бы не поступил. Ану был горд, в нем бурлили гнев и мания величия, но он был умен. А последние его поступки сложно назвать разумными. Метка на запястье загорелась, обжигая кожу.

— Теперь-то что? — пробурчала недовольно, обращаясь к сгущающейся темноте.

Ответа, как и ожидалось, не последовало. Я понимала, что могу сейчас сбежать и в безопасности добраться домой, имею право забыть о том, что едва не произошло на землях Востока, как о страшном сне. Но в поведении Ану все казалось неправильным, его жесты — слишком нервными, дергаными, его концентрация — пониженной. И те слова, что он сказал Бат... Культ Кровавой богини всегда был союзником халифа. Ану, которого я знала, не стал бы лишать себя этих воинов.

Пока я размышляла, маг полыхнул огнем, и одежды служительницы храма загорелись. Она бросилась на землю в попытке сбить пламя, а юноша медленно шел к ней, с мрачным удовольствием поигрывая раскаленным мечом.

— Прекрати! — воскликнула я и поднялась, моя фигура засияла в лучах заходящего солнца.

Ану повернулся на звук голоса. В его взгляде бушевало пламя, вытеснив все человеческое. «Мага огня снедает гнев», — говорила тетка Тавра. Что случается с магом огня, гнев которого стирает его личность?

— Маримар... — Я готова поклясться всеми духами стихий, что изо рта его вырвалось пламя. — Ты все-таки пришла.

Поведение Ану выглядело нелепым, глупым, лишенным всякой логики, он казался полностью поглощенным своей силой.

— Привет, Ану. Тебе не кажется, что ты слишком горячишься? — Я улыбнулась и полезла вниз.

Спускалась аккуратно, не задумываясь, как это выглядит со стороны, — лестница была хлипкой, а вниз спускаться всегда опаснее, чем забираться вверх. Это даже кошкам известно.

Ану смотрел на меня во все глаза, забыв о поверженной противнице, Бат меж тем справилась с огнем.

— Ты должна быть моя!

Снова ощущение, что слова принадлежат не ему, — Ану обычно говорил витиевато, со спокойным достоинством, он любил, чтобы к нему прислушивались.

— Ты уверен, что мы сойдемся? Не обижайся, но мне что-то совсем не нравится твое сегодняшнее настроение.

Я медленно пошла в сторону настоятельницы, высматривая стражу и попутно примеряя расстояние до храма. То, что я не собиралась дать Ану покалечить Бат, не значило, что пренебрегу собственной безопасностью. А в храме я буду вне досягаемости огненно-страстного парня.

— Ты моя! — вновь завопил Ану.

Что с ним такое, дракон его подери? Вены вздулись, морда покраснела, глаза светятся нехорошим таким красным отливом, будто в них угли горят. Или только я это вижу? Бат отползала в направлении храма.

Первая группа стражников следовала к нам с моей копией, ухмыляющийся из-под плаща, — девушка еще не знала, что за наказание приготовил для них Ану. Стоп. Не отвлекаться. С сумасшедшими надо разговаривать ласково, сдержанно и непрерывно.

— Хорошо, Ану. Вот я иду к тебе медленно, спокойно. Только толку от этого? Зачем я тебе, помнишь?

— Чтобы любить, — изрек он в своем новом немногословном стиле, видимо, мозги окончательно спеклись.

И где сок боцника, когда он так нужен? Едва не хлопнула себя по лбу. Наклонившись к настоятельнице, целенаправленно и настойчиво отползающей к стенам храма, шепнула:

— Бат, у вас боцник есть? — Та округлила глаза, но кивнула.

Округлила потому, что пользоваться боцником в битве считалось постыдным, но мне сейчас не до игр в благородство, Ану надо обезвредить, и как можно скорее. Спасительная территория была недалеко, а стражники так засмотрелись на разворачивающееся представление, что забыли, зачем здесь находятся. Поэтому исчезновения Бат с театра разворачивающейся драмы никто не заметил.

— Но ведь нет никакого смысла в любви, если она только в одну сторону направлена, — вещала я никому не нужные истины. — А я тебя не люблю и не смогу полюбить после твоих поступков.

Солнце село. Маг щелкнул пальцами, и над нами зависли огненные шары. Так похожие на звезды, при других обстоятельствах они бы вызвали мой восторг, но, когда находишься на площади, полной врагов, как-то не до сантиментов. Живот снова заурчал.

— Сможешь, — зло усмехнулся Ану, — в шоколаде, который ты съела, был сюрприз. Немножко любовного зелья, которое вот-вот заработает, и ты поползешь ко мне на коленях, умоляя о взаимности.

Усмешку, готовую появиться на губах, стерла волна жара, прошедшая по телу. Приятного жара, голодного. Невольный стон вырвался с губ, колени подкосились.

— Болван! — прошипела я. — Это не любовное зелье, а лошадиная доза Багровой лилии.

Я знала, что эта гадость — сильнейший афродизиак. С его помощью некоторые из выпускниц школы Танцующих леди обзаводились могущественными покровителями. Добавляешь

Багровую лилию в еду или питье, и мужчина тебя «любит» целые сутки без остановки, а потом, обессиленный, неделю не может интересоваться женщинами. Когда такой феномен происходит только с конкретной представительницей прекрасного пола, мужчина начинает считать, что она и есть его истинная любовь. Я-то понимала, в чем трюк, только знание от действия «любовного зелья» не спасает. Лучше всего сейчас подошел бы продолжительный холодный душ, потому как Ану казался мне все привлекательнее и привлекательнее.

— Я маг воды, Ану! У меня скоро выработается иммунитет против твоего зелья.

Он медленно приближался, огоньки мерцали все ярче, вторя блеску глаз. Наклонился ко мне и тихо произнес:

— А мне и одного раза хватит. Я осуществлю права супруга и тогда Богиня не сможет тебя защитить.

Только бы Бат успела с боцником до того, как этот варвар утащит меня в свою пещеру. Красивый такой варвар... И кожа как шелк, и брюки на нем сидят... сказка... Я тряхнула головой и зажмурилась. Обнял бы меня кто-нибудь. Поцеловал...

— Савар, Икар, отправляемся обратно во дворец, — командным тоном приказал Ану. — Дракона грузите в повозку.

— А с пленницами что делать? — поинтересовался один из мужчин.

Ему было неуютно держать в наручниках девушку, годившуюся ему в дочери, с перепуганными глазами, полными слез.

— Отпустите их. Сегодня я проявляю милосердие.

Ану поднял меня с земли. Всех сил и самообладания хватило лишь на то, чтобы вырвать руку и плюхнуться обратно в песок. Губы горели, дыхание прерывалось, и больше всего на свете мне хотелось, чтобы Ану меня поцеловал. Чтобы хоть кто-нибудь меня поцеловал, прижал к себе и сказал: «Все будет хорошо».

Но никто меня не спасет... Не просто так говорят — не играй с огнем. А я, наивная...

Одинокая слезинка прочертила холодную дорожку по щеке и была сдутым порывом неизвестно откуда взявшегося ледяного ветра.

— Ну-ка отошел от нее! — Ветер донес до нас громовой голос, стража втянула головы в плечи, девушки стали оглядываться в поисках

его обладателя, который появился в следующее мгновение, да еще и не один.

Если бы кто-то рассказал мне об этом, не поверила бы. Или дело в одурманенном разуме, и я провалилась в беспмятство? Граф вместе с Тавром спикировали рядом, подняв в воздух облака серой пыли. Бросившиеся на защиту Ану маги были отброшены сильными потоками ветра, стража билась в поднятые стены — граф свою построил безупречно, а вот под пологом принца можно было проползти, чем не преминули воспользоваться несколько стражников.

— Сзади, — безэмоционально буркнул граф, и Тавр обернулся, чтобы перехватить летящее в него копье.

На принце алел плащ, золотистые волосы перехвачены лентой. Роах был в пыльном черном мундире, безыскусном, практичном, но великолепно сидящем на мощной фигуре. Оба выглядели уставшими, но такими красивыми.

— Я наследный принц империи, повелитель воздуха, — отчеканил Тавр. — Если вы сейчас же не бросите оружие, это будет равносильно объявлению войны.

Слов принца, для пущего эффекта усиленных магией воздуха, хватило, чтобы стража бросила оружие и упала на колени, низко склонив головы к земле. Для меня же его голос звучал, словно обещание всех удовольствий в мире. Я откинулась на спину, пыталась перевести дыхание, и закрыла глаза. Кричавшего «Нападайте» Ану я уже не видела, а стража притворилась, что не слышит его. Возможно, халифу они подчинились бы, но Ану оставался лишь наследником, устроившим засаду в святая святых. Да и дракон, самый весомый аргумент, которым располагал Ану, спал.

Прохладные руки графа коснулись лица.

— Маримар! Как ты, котенок?

Прикосновения хватило, чтобы мое тело выгнулось дугой.

— Багровая лилия. Ану спятил. Силы элементаля сводят его с ума. Поцелуй меня. — Говорить было тяжело, я открыла глаза, но лучше бы этого не делала.

В сгустившейся тьме кожа Роаха сияла, глаза завораживали, словно два топаза, а радость во взгляде была столь неподдельной, что я порывисто обняла его и впиалась в холодные губы. Поцелуй был долгим, я обнимала графа, стремясь раствориться в его прохладе. Даже

сквозь вновь сомкнутые веки различила полыхнувшее пламя — Тавр сражался с Ану, превратившимся в пылающий факел.

— Будь добр, прекрати целоваться с моей невестой и помоги мне. — Голос принца сочился ядом, но то, что он все еще стоял в поединке против Ану, говорило, что Тавр силен.

Граф неохотно поднялся, оставив меня на земле. Потоками ветра они сбили мага огня с ног и погасили пламя. Ану, закашлявшись, отползал в сторону, попутно вычерчивая заклинание. Благодаря урокам с Ниньо я прекрасно знала, какое именно.

— Он хочет покончить с собой, — закричала, — остановите его!

Если Ану закончит заклинание, высвобождающее его резерв, он в буквальном смысле взорвется и погребет с собой нас всех. Сила взрыва пропорциональна силе мага, а если учесть, что это элементарь, он может уничтожить весь город. Я могла только беспомощно наблюдать, как Роах и Тавр бьют его потоками воздуха и как Ану умудряется заставлять этот воздух выгорать, не нанося ему вреда. Младший халиф теснил магов воздуха и, смеясь, заканчивал круг, который позволит высвободить пламя из тесной оболочки человеческого тела.

Бат выбежала из храма, зажимая в руках четыре кинжала. Оружие было пропитано соком бошника и могло на короткий срок лишить Ану его способностей. Вот только как она подберется к магу огня? Воздушная стена, которую соорудили граф с принцем, не поддавалась натиску — Бат билась словно мотылек о стекло, не понимая, что одного упрямства не хватит, чтобы сломить ветряной полог.

— Брось кинжалы мне! — крикнула, показав на тонкое пространство между землей и непреодолимым воздушным потоком.

Человек в эту узкую щель не пролез бы, а ножи прошли легко. Я откинула в сторону все эмоции и желания и постаралась забыть, что отравлена Багровой лилией. Схватив кинжалы, поднялась на непослушные ноги и поплелась к Ану. Создание заклинания близилось к завершению.

— Ану!

Он перевел на меня свои нечеловеческие глаза, в них полыхало пламя, но не разум. Когда я впервые заметила у него такой взгляд?

И вдруг поняла, в чем дело. Когда Роах слишком активно использовал свою магию, он превращался в холодный ветер,

бесчувственный, безжалостный, замораживающий все на своем пути. Ану же охватывал гнев. Ведь огонь — самая разрушительная и голодная стихия, он не успокоится, пока не пожрет все на своем пути, оставляя после себя смерть и ничего больше. Я не могла потушить огонь Ану своей водой — это убило бы нас обоих, но в моих силах сделать кое-что другое. Первый кинжал полетел в него, но рука предательски дрогнула, я промахнулась. До крови закусил губу, борясь с собственным телом. Второй кинжал оплавленной лужей упал около Ану. Он потушил его играючи, все еще творя заклинание.

Я закрыла глаза и мысленно попросила прощения за то, что собиралась сделать. Третий и четвертый полетели одновременно. В голову и грудь. Смертельный бросок. Если до этого хотела только ранить, то сейчас... Если предстоит выбрать между его жизнью и жизнью целого города, то Ану умрет. Я хорошо кидаю кинжалы. А грех убийства... Как-нибудь отмолю. Я смотрела на своего друга, на человека, в которого когда-то была влюблена, и понимала: сейчас он умрет от моей руки.

Не знаю, что произошло в последний момент, то ли Ану повернулся, то ли ветер, что нагнали маги воздуха, сменил траекторию, но один из клинков пролетел мимо, а тот, что должен был угодить промеж глаз, глубоко застрял у мага в плече. В то же мгновение Ану погас, словно опущенный в воду факел, рухнули огненные стены, которые он возвел между собой и Роахом с Тавром. Глаза стали привычного цвета, и, прежде чем упасть без сознания, Ану одними губами прошептал: «Спасибо».

ГЛАВА 7

Хочу... Чего хочу — не знаю, но прямо сейчас и побольше. Живот стянуло от жара, колени снова подогнулись, словно та сосредоточенность, которую я обрела, была дана взаймы. Самообладания хватило только на то, чтобы сквозь стоны и всхлипы объяснить в трех словах, что Ану находился под воздействием своих способностей и убивать его пока не стоит. Не знаю, возымели ли доводы результат, потому что ко мне подошел Тавр и помог подняться. Я обвилась вокруг него змеей, но он не спешил снимать с себя невесту, покрывающую его лицо и шею мелкими поцелуями. Тавр пах медом, специями и таинственной темной силой. Его волосы, которые я пропускала сквозь пальцы, казались шелком, линии скул и подбородка сводили с ума. Я заглянула в его глаза, в них таилась старая магия, древняя сила. И вдруг стало понятно, что магия ведьм — изначально, что не имели права мы, стихийные маги, ставить себя выше нее.

Нечеловеческая красота Тавра подействовала отрезвляюще. Я никогда не разглядывала его так близко, а Багровая лилия оголила нервы и чувства до предела. Разрыдавшись, высвободилась из его рук и рухнула на песок.

— Мари, моя Мари, мы спасли тебя, не плачь. — Тавр наклонился и осторожно коснулся моего плеча через одежду, не желая доставить больше страданий.

— Котенок, все будет хорошо. — Опустившийся на колени Роах тоже протянул руку и погладил другое плечо.

Тавр оценил мое состояние и бросил графу:

— Я справлюсь, Роах. Лети в замок к халифу, предупреди о нашем прибытии.

— Я не мальчик на побегушках, Тавр. Лети сам. Силы, которой я с тобой поделился, еще достаточно, чтобы осуществить этот полет.

Мужчины принялись сверлить друг друга взглядами.

— Ты слуга государства, Роах, а я наследник империи. И Мари — моя невеста. Или ты забыл о своем положении? — сладким ядом сочился голос принца.

— Пока она была моей, у меня хватало сил защитить ее.

— Неужели?

Теплый медовый взгляд скрестился с ледяным снежным. Тавр ухмылялся, граф хмурился, а меня разрывало от несвойственных желаний. Я зажмурилась, обхватила колени руками и свернулась калачиком.

— Ваше высочество, граф, — где-то в стороне раздался тихий голос Бат, — позвольте служительницам храма Кровавой богини позаботиться о вашей... подруге.

— Спасибо, в этом нет необходимости.

— Нет! — одновременно воспротивились граф с Тавром.

Хоть в чем-то они были солидарны.

— Со мной Мари будет лучше, она моя невеста и будущая императрица. Я помогу ей успокоиться. — Уверена, принц сейчас проникновенно смотрит на Бат, магией своего взгляда убеждая, что он просто замечательный парень.

Роах подобным очарованием похвастаться не мог.

— Я никуда не отпущу с тобой Маримар, пока она в таком состоянии. И не доверяю этим недоделанным воительницам.

Граф сжал мое плечо сильнее, почти до боли, и даже ее Багровая лилия превратила в удовольствие. Тавр провел большим пальцем по ключице.

— Пошли оба к черту! — простонала я, не отрывая лица от коленей. — Бат, отведи меня в храм, пока я... ох... — И я, проявляя чудеса стойкости, не слишком красиво поползла в храм.

Меня никто не останавливал, но и не помогал. Девушки давно убежали под спасительные своды — чудом избежав одной опасности, они не желали влипать в другую, а Бат так и стояла, улыбаясь пустоте, — Тавр переусердствовал с гипнозом.

Мужчины шли следом.

— Мари, ты не в себе, со мной тебе будет лучше.

— Котенок, останься со мной, я смогу о тебе позаботиться.

— Угу, — бурчала я, стремясь к спасительной линии.

Может, правда податься в последовательницы культа? По крайней мере всегда есть, куда сбежать от мужчин, красивых, сногшибательных, с мощными и нежными руками. На ноги встала только для того, чтобы быстрее двигаться. У низенького серого заборчика повернулась лицом к мужчинам, спиной к храму, колючий

куст шиповника рос прямо за моими плечами. Я коснулась одной рукой груди графа, другой — Тавра, останавливая их и заставляя меня выслушать.

— Тавр, сними с Бат гипноз. Поговорим завтра, когда при взгляде на вас обоих я не буду думать только о том, как побыстрее выпрыгнуть из платья.

Запоздало осознав, что слова и игривый тон навеяны Багровой лилией, перелетела через заборчик, чтобы не сболтнуть и не сделать ничего лишнего, и завалилась в колючие заросли. Иголки больно кололи кожу, но голова прояснилась. А вид Тавра и Роаха, безуспешно пытающихся преодолеть стену и войти на территорию храма, вызвал смех вперемежку с горькими слезами. Этот день закончен. Что принесет следующий?

* * *

Я проснулась и тут же схватилась за раскалывающуюся от боли голову. Подстегиваемая нестерпимой жаждой, пошатываясь и гремя мебелью, прямо как папа после того, как переберет настойки горького корня, вышла в обеденный зал. Там меня ждали завтрак, кувшин ледяной воды и... несколько служительниц храма с виноватым видом.

— Мы как раз собирались тебя будить, — защебетала одна из них.

Она хотела добавить что-то, но я жестом попросила ее помолчать, потому что моим вниманием завладел кувшин с водой. Залпом его осушив, запоздало сообразила, что выпила два литра за раз.

— Доброе утро.

Короткая фраза заставила поморщиться от боли. Багровую лилию добавляют по капле, мне же, видимо, дали куда больше с подачи младшего халифа, что б его... Самая смелая девица, сделав шаг вперед, упала на одно колено, ее примеру последовали остальные.

— Мари, магиня воды, мы просим прощения. Ты жертвовала своей свободой ради нашей настоятельницы, а мы бежали с поля боя.

— Позорно бежали, забыв все наставления Кровавой богини.

Голос Бат вызвал у меня новый приступ головной боли. Лучше б они занялись самобичеванием в другом месте. Сварливая мысль явно была навеяна похмельем от зелья.

Служительница вошла в обеденный зал, один ее вид заставил девушек сжаться и ниже склонить головы. Руки Бат были забинтованы — магические ожоги заживут не скоро.

— Слишком долго вас оберегала наша неприкосновенность. Вы размякли, ослабли. Привыкли бороться только на тренировках.

Никогда не нравилось быть свидетельницей чужих разборок. Да и желудок проснулся, сообщая, что не ела я около суток. Пшенная каша, приправленная мелко рубленными орехами и финиками, показалась лучшей едой на свете. Бат меж тем продолжала свой монолог, напоминая об обетах, которые приносят служительницы, о великой чести и прочей высокопарной чуши. Я лопала кашу, с немалым облегчением чувствуя, как отступает головная боль.

— Позор богини! Вы даже не попытались защитить ее избранницу!

— Брось, Бат. Они справились со своей задачей, побегали в плащах, были пойманы. Кто же знал, что Ану сойдет с ума?

Воспоминания о вчерашнем дне вновь заставили поморщиться от стыда. Надо бы мне продумать стратегию поведения на сегодня.

— Они — воины Кровавой богини! То, что они превратились в домашних котят, говорит о моем провале как наставницы. — Раздосадованная женщина вышла, по щекам некоторых ее подопечных покатались слезы.

Я проглотила завтрак и как ни в чем не бывало поинтересовалась:

— За мной не присылали? — Никто не ответил, поскольку девушки погрузились во всеобщую скорбь. Ладно, мы люди не гордые, в конце концов я могу и одна до дворца дойти. — Девочки, ну кто бы не размяк, если бы был постоянно заперт в храме? — Обвела рукой резные стены. — Вы же готовите чаще, чем деретесь. Да еще правила эти дурацкие: бошник не используй, в пах не бей. Да куда с нашим ростом без грязных приемчиков?

Одна из девушек согласно закивала. Хоть с собой бери, мне все равно нужны фрейлины, которые не будут прыгать в постель к моему жениху. Непорядочно это.

Татуировка на запястьях приятно нагрелась. Может, богиня так выражает свое одобрение?

— И правда, сидим взаперти, тренируемся, а потом выходим замуж и перестаем быть воинами. Школа благородных девиц какая-

то! — произнесла вдруг самая воинственная, судя по хищному блеску в глазах и заостренному носу, в котором серебрилось кольцо.

— А ведь когда-то наши мечи ценились выше, чем мечи королевской стражи.

— Может, попросимся у Бат отправиться в столицу? Мы бы могли стать личной стражей принцессы. И смыли бы с себя позор, — добавила та, которую поймали первой.

Семь пар глаз разного оттенка карего уставились на меня с щенячьим выражением. Ох... И не откажешь.

— Только мне придется выдавать вас за фрейлин, а вам — на балах танцевать. И кавалерам ручки подавать...

— Зачем? — спросила та, что с кольцом.

— Что б целовали.

К моему удивлению, необходимость появляться на балах девушек хоть и смутила, но решимости не пошатнула.

— А тренироваться с вами можно? В военной академии?

Я подумала и пожала плечами.

— Попрошу разрешения у ректора. Думаю, на утренних тренировках у Эльдара сможем заниматься вместе.

Девушки рванули к Бат, аж пятки засверкали. Чуюло мое сердце, не откажет им наставница в просьбе. Я же избранная как-никак...

У выхода из храма меня, оказывается, ждали.

Перед зданием собралась целая толпа зевак, многие с корзинками, полными ароматных цветочных лепестков. Взлетая в воздух, они опали аккурат у моих ног. Если б я знала, что ради таких почестей нужно пустить кровь младшему халифу, устроила бы это раньше.

Карета-шатер, в которую вместо скакунов были запряжены четверо здоровенных мужчин с лоснящимися от пота телами, ожидала меня тут же. Я уставилась на них с недоверием, слишком часто коварный Восток заманивал меня в ловушку. Низкий толстый человечек в тюрбане не без труда опустился на одно колено и преподнес стихийные кольца, все три подарка Роаха, которые зачастую оберегали вернее меча. Не было лучшего способа показать, что мне больше нечего бояться, а Тавр с халифом нашли общий язык. Идея использовать людей вместо тягловой силы мне не очень нравилась, к тому же так медленней и неудобней, чем если бы я прогулялась до дворцов пешком. Но, как говорится, со своим уставом в чужой храм не

лезут. Постаралась поудобней усесться на ярких шелковых подушках и насладиться короткой поездкой.

— Ее высочество принцесса Мари, невеста наследного принца Тавра, магиня воды, — тонким голосом провозгласил несоразмерно высокий мужчина с одутловатым лицом.

То, что меня всю называют принцессой, настораживало. Будто мы с Тавром уже женаты. Ажурные двери распахнулись, и я попала в приемную залу халифа, все еще хранившую следы моего гнева. Окна выбиты, вместо них зияли дыры, хотя потолок и стены маги земли уже привели в относительный порядок, кое-где восстановили резьбу, но присутствие чрезмерного количества ковров указывало, полы не в лучшем состоянии.

За низким столиком восседал халиф. Его можно было бы назвать породистым мужчиной, он до сих пор хранил следы былой красоты: ровный нос, в народе именуемый орлиным, густые седые волосы, коротко стриженная черная борода с проседью. Однако чрезмерно сытые годы, полные удовольствий как дозволенных, так и запрещенных, оставили на нем свою печать — правитель отличался полнотой и дряблостью тела. Он взглянул на меня темно-карими, почти черными глазами и тут же опустил их. Очевидно, халиф восточных земель меня боится. Еще бы не опасаться после того, как я разнесла половину дворца и вонзила клинок в наследника.

Тавр сидел рядом с халифом, Роах чуть дальше, мое место оказалось по правую руку принца. Я вошла в момент, когда они что-то увлеченно обсуждали. То, что в зале не присутствовало более ни единой души, говорило о важности вопроса.

— Как я уже отметил, положение дел обязывает вас принять императорского советника в ближний круг, это раз. Сила вашего сына опасна, поэтому он должен вернуться в столицу, где лучшие лекари помогут ему справиться с признаками безумия, это два, — украдкой улыбнувшись мне, рассудительно заключил Тавр.

— И еще нужно убить дракона, это три, — подал голос Роах.

Подобных слов от ректора я не ожидала и едва не зашипела на него за идею убить Наирчика. Он же не виноват, что его хозяин не может держать себя в узде.

— Появление дракона — чудо, которого Восток ждал столетия, символизирующее возвращение силы нашему роду, — попытался

объяснить халифу.

На меня он не смотрел, предпочитая вести беседу с мужчинами.

— Именно поэтому его нужно убить. — Роах был холоден и непреклонен, но, не в силах удержаться, украдкой поглядывал на меня.

Я понимала, что Наир может представлять угрозу, но не считала ее сильной настолько, чтобы уничтожить дракона. Нахмурилась, всем видом демонстрируя, что идея убийства дракона мне не по душе. И дело не в сентиментальности...

— Позвольте заметить, — мужчины синхронно повернулись ко мне, не ожидая, что я приму участие в беседе, — дракон не причиняет вреда людям по своей воле, а убийство магического создания только ополчит против нас народ, и в этом я согласна с Азраилом из клана Огненного меча.

— Ты права, Мари, но дракон подчиняется Ану, а он не способен контролировать свои эмоции.

— Я уже сообщил вам очевидное, — всплеснул руками халиф, — что сын подпал под власть своей силы. В прошлом элементали огня постоянно носили с собой яд боцника и применяли его, когда их поглощала сила. Мне никто не сообщил, что Ану вошел в полную силу, иначе бы я предупредил его.

— Все закончилось хорошо только благодаря принцессе, она догадалась, что происходит с вашим сыном, — добавил Роах.

Отец Ану поглядел на меня с интересом и даже соизволил обратиться ко мне:

— Спасибо вам, ваше высочество. Женщины редко понимают в политике, но у вас прекрасная интуиция. — Он считал свои слова комплиментом, меня же от них перекосило.

— Если вы судите по своей супруге, то вы правы. Более ужасного политика я не встречала за всю свою жизнь.

— При чем здесь Има? — Он непонимающе уставился на меня.

— Это она решила, что неплохо бы насильно выдать меня замуж за вашего сына и тем самым упрочить династию. Против моей воли.

Слова ядом лились из моего рта. Никогда не замечала за собой подобной злопамятности, но мать должна была увидеть, что сын не в себе, а не пытаться воспользоваться его состоянием. Азраил сжал зубы, на скулах заиграли желваки. Ему ждет серьезный разговор.

— Похищение невесты у будущего императора — поступок очень недалёковидный. Невозможно высказать словами мою благодарность за то, что не объявили нам войну. — Азраил поклонился Тавру.

Тот лишь очаровательно улыбнулся в ответ. Эх, вряд ли из Тавра выйдет толковый политик — беда в том, что на представителей сильного пола редко действует красота других мужчин, и халиф явно не относился к ее ценителям.

— Войну империя не объявляет, однако инцидент не останется без внимания, — вмешался Роах. — Ваша армия должна быть сокращена в два раза, ваши наследники, коих трое помимо Ану, должны явиться в столицу. Сам Ану будет постоянно находиться под воздействием яда бошника, пока мы не поймем, что делать с его силой. Ваша супруга должна принести личные извинения принцессе, наказание за ее поступок принц оставит за вами. Но только в этот раз. Ее поведение — это формальная попытка переворота, за подобные проступки существует только одно наказание... — Воздух, вырывающийся изо рта Роаха, был ледяным. Пусть Тавр и был наследным принцем, но Азраил слушал графа и боялся именно его гнева.

— Мы покидаем ваш гостеприимный край сегодня. До вечера необходимо уладить формальности, — голос принца звучал как патока, смягчая резкость тона Роаха. — Ану поедет с нами, дракон останется здесь.

Тавр поднялся из-за стола и подал мне руку. Он, как и я, не желал оставаться во дворце дольше необходимого. Граф вышел с нами, но намеревался вернуться, чтобы обсудить с правителем Востока торговые вопросы.

— Тавр, позволь поговорить с Маримар наедине, — попросил он.

К моему удивлению, принц подчинился просьбе и отступил.

— Я буду ждать тебя на улице, Мари. — И в голосе его я услышала обещание чего-то очень хорошего.

— Как ты себя чувствуешь? — поинтересовался граф, едва мы остались наедине.

Меня обдало стылым воздухом — Роах использовал слишком много своей силы и теперь превращался в похитителя тепла.

— Я жива. В отличие от моих друзей, — к концу фразы голос дрогнул.

— У меня хорошие новости, котенок. — Ласковая улыбка осветила лицо графа. — Роман спас всех, укрыл их под землей и вылечил получивших ранения. Твои друзья ждут тебя в академии.

Наплевав на все запреты, порывисто кинулась ему на шею. На глазах выступили слезы.

Роах обнял меня в ответ, но все его тело застыло в напряжении.

— Маримар, мы с Тавром проделали весь путь в полете. Мне нужно согреться. Боюсь, не смогу совладать с собой. — Он опасался, что снова вытянет из меня все тепло, только теперь я знала, что ему не под силу заморозить океан, который плещется внутри меня.

— Не бойтесь, — прошептала и прижалась еще сильнее.

Тихий вздох сорвался с губ мужчины, и он перестал себя сдерживать. Исходивший от него холод был всепроникающим, вымораживающим до костей, он ворвался в меня, уничтожая мысли, чувства, сковывая сердце. Но был принят моей силой, осел внутри меня, словно тонкая кромка льда на воде, и растворился. Я отступила от тяжело дышащего графа, на его бледных щеках заиграл румянец.

— Спасибо. — Роах стал более человечным, в северных голубых глазах впервые за долгое время можно было прочесть эмоции. — Я так за тебя волновался.

— Эта история закончена, — с присущей ему рассудительностью сказала я, и изо рта вырвался холодный ветер.

Рассмеявшись этой странной метаморфозе, вышла в полуденный зной, где меня поджидал Тавр, сидящий на чудовищной конструкции, поддерживаемой шестеркой высоких мужчин. Я забралась под сень шелкового балдахина и позволила принцу приобнять себя. Он мой жених, пусть я и думала сейчас об объятиях совсем другого человека.

ГЛАВА 8

Мое предложение забрать с собой нескольких прислужниц храма Кровавой богини было встречено с восторгом принца и тихим одобрением графа, напомнившего, что те из них, кто желают сегодня же отправиться в путешествие вместе с нами, должны немедленно собрать вещи и сесть на корабль.

Таких оказалось две: Шара, та, что больше всех рвалась к приключениям, и Лилиан. Последняя ростом еще ниже меня, ее волосы были столь темными, что отдавали в синеву, почти черными были и глаза, а кожа, напротив, казалась высеченной из белого мрамора. Обе при виде меня рухнули на колени и протянули перед собой мечи, как символ того, что будут защищать меня до последнего вдоха. Остальные новоиспеченные телохранительницы должны были прибыть позже, после того как попрощаются с семьями.

Ану возвращался в столицу с нами, на его руке болтался металлический браслет, который отыскался в сокровищнице правителя. В сплаве использовался сок боцника. Браслет не оставлял ожога, но блокировал силу мага. Когда-то давно, до того, как магия начала утекать по каплям, это был распространенный способ наказания преступников. Сопровождала Ану его же стража. Парень позеленел, стоило ему ступить на борт, и я позлорадствовала, что младший халиф всю дорогу будет страдать от морской болезни.

— Мари! — воскликнул он, взобравшись на палубу корабля и заметив меня.

Я отвернулась. Пусть он и был не в себе, есть вещи, которые нельзя прощать, а попытка насильно взять в жены, не говоря уж о планировании массового убийства, как раз к ним относится. Не глядя на Ану, я рассматривала толпу, провожавшую гостей с Запада. Има, стоявшая в числе любимых жен в нескольких шагах позади халифа, сверкала из-под расшитого платка глазами, влажно блестящими в свете солнца то ли от материнского горя, то ли от ненависти. Моя несостоявшаяся свекровь была из тех женщин, от которых хотелось держаться как можно дальше.

Теплые руки мягко легли на талию, запахло травами и медом. Тавр.

— Ты готова к тому, что в столице тебя встретят как полноправную правительницу?

Я повернулась к нему. Солнце играло в волосах принца, и они искрились всеми оттенками золотого.

— Что ты имеешь в виду?

— Слухи летят быстрее птиц, Мари. К моменту нашего приезда все будут знать, что ты маг воды, — ответил он с улыбкой, ласковой, нежной, словно разговаривал со строптивой лошадью.

Отвела взгляд и сосредоточилась на том, чтобы расслышать тихий плеск волн. Меня ждало первое морское путешествие.

— Если честно, мне это не нравится, — сообщила жениху.

Я так и продолжала чувствовать настороженность рядом с ним, хотя он не сделал мне ничего плохого. Может, слишком сильно врезались в память слова Аделины: «Никогда не отдавайте сердце красивому мужчине. Красавец любит только себя».

— Понимаю, ты хотела бы пожить в покое, Мари. Но мы — будущее империи, люди должны знать нас и знать, кто мы такие.

— Нет, это мы должны знать людей, — попыталась возразить.

Эта мысль словно занозила мое сознание. Потому что Восток, который я представляла и о котором читала в книгах, очень сильно отличался от настоящего. Посещал ли эти места Теренис-старший? А если и посещал, то как давно? Властитель терял интерес к землям, что входили в состав империи. Ему хотелось завоевывать новые, и в этой своей страсти он походил на жадного до игрушек ребенка.

— О чем ты задумалась? — спросил мой невероятно романтично настроенный жених.

На корабль заносили последние сундуки, в которых было много роскошных подарков и изысканной снеди.

— О том, что книжный мир очень отличается от настоящего. Я по-другому представляла храм Кровавой богини и совсем не так устройство и стиль жизни здешних людей.

— Император давно не посещал Восток. — Слова Тавра подтвердили мои мысли. — Все силы отца были сосредоточены на том, чтобы покорить Черные острова.

— Зачем они ему понадобились? Там почти нет ресурсов, а стратегически они не так уж значимы, — поинтересовалась я, вопрос давно меня мучил.

— Магия, — пояснил Тавр. — Магия — тоже ресурс, и мы начинаем страдать от его нехватки. На Черных островах рождалось много магов ровно до того момента, пока они не были полностью покорены империей.

Последние фразы заставили меня вспомнить о пророчестве той предсказательницы, уроженки Черных островов: «Правильный выбор определит — мир сохранится или сгорит». Эта часть пророчества исполнилась, ведь речь в нем шла об Ану. Если бы он не смог удержать над собой контроль, столица Востока сгорела бы.

— Тавр! — окликнул граф, будто разговаривал с младшим по званию. — Создай плавный поток, чтобы ветер наполнил паруса, сегодня дует очень сильный встречный, постараюсь унять его, иначе попадем в шторм.

Роах взлетел в небо и быстро исчез из поля зрения. Даже с его силой он далеко не всякую бурю может уgomонить, ветер — капризнейшая из стихий.

Принц кивнул и приступил к выполнению приказа. Мне казалась удивительной эта метаморфоза в их отношениях, ведь совсем недавно они откровенно друг друга на дух не переносили, и я спросила:

— Вы с графом неплохо ладите, что-то случилось?

Принц был полностью сосредоточен и не сразу ответил на мой вопрос.

— Нам с Роахом дороги одни и те же вещи, одни и те же люди. Когда мы выяснили, где ты можешь находиться, он немедленно поделился со мной своей силой, а это сближает.

— И как происходит обмен?

— Это старый ритуал, основанный на крови и на клятвах. Высшая степень доверия. Теперь мы с графом не сможем причинить вред друг другу, даже если очень этого захотим.

Тавр продолжал работать, корабль тронулся и пошел быстрее, рассекая волны.

— Никогда? — Мне не верилось, что такая сильная обоюдная ненависть может исчезнуть благодаря лишь магическому ритуалу.

— Не знаю, — признался Тавр, — но последние, кто его проводил, были друзьями и дожили до седин.

Что ж, и принц и граф достаточно сильно любили империю, чтобы пожертвовать своей неприязнью ради спасения единственной женщины — мага воды.

Я еще долго не спускалась вниз в свою каюту, а с наслаждением ощущала влажный ветер в волосах и соленые брызги в лицо. То тут, то там мелькали спины дельфинов, они играли с кораблем, словно считали его огромной дружелюбной рыбой. Появилось непреодолимое желание нырнуть в гостеприимную глубину, поиграть с дельфинами, почувствовать ласковое прикосновение волн. Это чувство настолько захватило меня, что поймала себя на том, что перелезаю через борт. Две пары девичьих рук уверенно стащили меня обратно.

— Ваше высочество, сомневаюсь, что вы поспеете за кораблем на такой скорости, — произнесла Шара, сама разумность.

Я и сама подивилась, как запросто поддалась зову моря.

— Просто Маримар, обойдемся без церемоний. Да, водные процедуры стоит пока отложить. — Легкомысленно рассмеялась и поспешила в каюту.

Все маги воды испытывали такую страсть к морю или это моя особенность? Я легла на мягкие подушки и сразу уснула. Мне снились море, чак-чо рядом и безграничная свобода...

Звук от удара чего-то тяжелого об пол и вслед за ним мгновенно пришедшая боль выдернули меня из очень продолжительного сна. Звук издало мое рухнувшее с кровати тело. С подобной качкой удивительно, что это не произошло раньше.

Корабль качало так, что, казалось, он вот-вот перевернется. Я выглянула в иллюминатор и обнаружила, что мы находимся в сердце самого настоящего шторма. Молнии били в воду, ветер яростно поднимал гигантские волны, две стихии словно сговорились между собой, чтобы нас погубить. Выбежала на залитую водой палубу, где со штормом отчаянно сражались Роах и Тавр. Дело в том, что маги ветра, какими бы искусными они ни были, не всегда могут сладить с ураганом такой мощи. Именно поэтому долгие морские путешествия немислимы без мага воды на корабле.

— Могу вам чем-то помочь? — я едва перекрикивала бушующее море.

— Маримар! Отправляйся в каюту! Здесь слишком опасно. — Роах, с трудом отбивающий самые крупные волны, взял меня за руку, чтобы потащить вниз, в безопасность.

— Если мы потонем, безопасного места не будет, — прокричала в ответ, все еще рассчитывая, что смогу чем-то помочь. — Где капитан? Почему он не отдал приказ свернуть паруса? — Ветер терзал их, только добавляя проблем.

Граф ударил себя по лбу. «Я идиот!» — процедил он сквозь зубы и бросился на поиски юнги, чтобы тот помог спустить паруса.

Маги... Из-за своей силы в первую очередь думают о своих способностях, и только потом у них включается логика. Я огляделась, отмечая, что команда куда-то подевалась. Один тощий матрос выкатил бочку с маслом и с обреченным видом выливал ее на воду, чтобы хоть немного успокоить волны. Пропавший капитан корабля — плохая примета. Не мог же бывалый моряк свалиться за борт? Чтобы чем-то занять себя, отправилась на поиски, но его нигде не было.

Обыскав весь корабль, я догадалась спуститься вниз, идя на запах табачного дыма. Моряки во главе с капитаном сидели в трюме, играли в карты и пили, каждый раз, когда на борт корабля обрушивалась очередная сильная волна, кричали «хэй» и опрокидывали рюмку. Они выглядели так беспечно, что я закричала:

— Как вы можете сидеть здесь, когда нам грозит гибель?

Ответил мне изрядно порозовевший от горячительного напитка капитан:

— Мы уже мертвецы, принцесса. В Серебряном шторме не уцелеет ни один корабль. Хэй! — И опрокинул еще одну рюмку.

— Что это значит?

Я чувствовала в себе силу для использования Голоса, легко могла приказать морякам вернуться к работе, но иногда мыслящие, пусть и пьяные вусмерть головы полезней, чем лишённые собственной воли.

— Вы-то не переживайте, вы точно не утонете. Принц с графом улетят, да вас благородных с собой прихватят. А мы как жили, так и порем. В море и пьяные!

Моряк ударил себя в грудь огромным волосатым кулаком. Остальные повторили. Драконья задница, да я оказалась на самых

настоящих поминках! Они себя уже похоронили, уверенные, что благородные слинянут, как только дело станет совсем плохо.

— Кто-то выживал в Серебряный шторм? — Раз есть история, значит есть и тот, кто ее рассказал.

— Раньше выживали. Маги воды как-то могли усмирить стихию, — пожал плечами темный сухой малый и затянулся вонючей толстой сигарой.

— И как они это делали?

— А шут знает. Как-то изнутри море успокаивали. Мы поэтому и путешествуем вдоль берега, редко пересекая моря, а уж преодолеть океан никто не решается. Кто же знал, что нам так не повезет. Хэй!

В этот раз удар был столь сильным, что дерево застонало, будто живое.

— Вернитесь к работе, опустите паруса. А я постараюсь нас всех спасти.

Переговоров мужчин я уже не слышала, потому что бежала вверх по крутой лестнице, через всю палубу, туда, где искрилась темная вода. Я перелезла через ограждение и готова была отдаться морю, когда услышала Роаха и Тавра. Принесла нелегкая...

— Мари, пожалуйста! — Ласковый, обволакивающий дурманом голос принца.

— Маримар, ну-ка слезь! Не помнишь, что с тобой было в последний раз? — Грубый, надсаженный принадлежал графу.

Очередная голодная волна ударила по кораблю и залила палубу, норовя смыть за борт единственного матроса, который не желал смиряться со своей участью.

— Отгоняйте волны сколько сможете, а я постараюсь успокоить море.

— Ты с ума сошла! — воскликнул Тавр. — Не волнуйся, если станет опасно, мы улетим.

Убеждение принца звучало логично, но я не собиралась его слушать. Никогда себя не прощу, если буду знать, что могла спасти столько народу и ничего для этого не предприняла.

— У тебя полчаса, — процедил Роах сквозь зубы.

Ему не нравилась моя самодеятельность, граничащая с самоубийством, но он меня понимал. Он никогда бы не стал генералом, если бы не ценил жизнь подчиненных наравне с

собственной. Солдаты не идут умирать за трусов. Граф поднял руку, и поток ветра отнес меня чуть дальше, чтобы я не оцарапалась о борт корабля, удержал над морем, лаская и ободряя, и исчез, отпуская. Я не слишком красиво плюхнулась в воду, чтобы быть закрученной в жадный водоворот и утянутой вниз. Тяжесть воды становилась невыносимой, дыхание никак не могло прийти в норму, казалось, противоречивое подводное течение разорвет мое тело, несмотря на всю магию.

Я уже мысленно прощалась с родными и ставила себе памятник, который несомненно возведут в назидание другим отчаянным глупцам, как мягкая сила вытянула меня из водоворота.

«Когда становится опасно, уходи на глубину», — раздался голос из закрытой пасти.

Голос, который могла слышать только я. Синие огни глаз чак-чо были единственным ярким пятном в этой ожившей тени. Лоснящееся черное тело казалось еще больше, чем при нашей последней встрече.

«Ты здесь! Я так скучала», — и ринулась в объятия к существу, едва ли не самому опасному среди известных миру созданию. Чак-чо положил голову мне на плечо.

«Я всегда был недалеко», — объяснил зверь, ластившийся ко мне, как домашний котенок. Наверное, тоже скучал.

«Ты хочешь укротить стихию?» — спросил он.

Мы опускались в глубину моря все ниже и ниже, темный след на поверхности воды от днища корабля казался все меньше. Магия уже начала изменять мое тело, зрение обострилось, плыть становилось все легче, значит, выросли перепонки. Чем дольше я пробуду под водой, тем сильнее будут заметны изменения.

«Я должна спасти людей».

«Они дороги твоему сердцу?»

«Нет. Но они не должны умереть».

«Почему?»

«Это несправедливо».

Чак-чо кивнул. Я знала, люди ему не слишком нравятся. На таких, как он, часто охотились — кожа волшебного зверя ценилась выше золота. Когда мы познакомились, я думала, что спасаю его от браконьеров, но на самом деле надо было браконьеров спасти от него.

«Море не возьмешь силой. Море не возьмешь ложью. Если хочешь подчинить стихию, дай ей себя уничтожить», — процитировал чак-чо отрывок из какой-то книги.

Этот зверь с человеческим разумом изъяснялся, словно придворный лет триста назад: мне в руки попался трактат, в котором писатель изъяснялся как чак-чо, он был магом воды, жившим задолго до моего рождения.

Если мой морской друг говорил буквально, и я должна принести себя в жертву морю, то тогда бы все водные маги жили бы до первого серьезного колдовства. Значит, зверь имел в виду нечто иное, вот пояснять не намеревался. Я прислушалась к магии в себе — мой внутренний океан, как ни странно, оставался спокойным. Новость о том, что друзья живы, все еще ласкала сердце. Если бы был способ дать бушующему океану мое спокойствие...

Чак-чо, которого я не раз ловила на чтении своих мыслей, изрек: «Ничего не берется из ничего и в никуда не уходит. В мире стихий правит равновесие. Ты не заставишь море успокоиться, но можешь вобрать в себя ураган». Зверь подплыл ближе, позволил схватиться за его шею, ткнулся носом мне в грудь, в место сосредоточения магии, и я услышала: «Магию творит не разум, ее создает твоя душа». И мы поплыли вверх, туда, где волны грозили перевернуть корабль, где небо с морем будто сговорились умертвить нас, принести в жертву вечно голодным богам глубины. В этой черной пучине я вдруг ощутила себя столь беззащитной, что первым желанием было поддаться панике и снова уйти на дно.

Закрыв глаза, я отдалась на волю противоречия между бушующим морем вокруг и спокойствием внутри себя. Чак-чо был рядом, помогая мне держаться на плаву и творить магию.

«Дай ей себя уничтожить».

И я отдалась на милость волн, позволяя морю делать со мной что хочет — играть, тянуть вглубь, подбрасывать вверх. И отдала не только свое легкое тело, а прислушалась к стихии душой и впустила бурю в сердце. Она входила мучительно, весь гнев стихии не мог поместиться в моем маленьком теле. Я взвыла от боли и крепче схватилась за чак-чо. А потом зверь сам сжал зубами ворот моего платья, не позволяя морю разъединить нас. Я кричала и кричала, а стихия заглушала мои

вопли шумом волн. И когда, казалось, боль разорвет меня изнутри, и я вот-вот сойду с ума, она прекратилась. А вместе с ней утих и шторм.

Море успокоилось, тучи исчезли, ветер, до этого рвавший паруса, который нерадивый юнга так и не спустил, исчез в неизвестном направлении. Буря закончилась, все остались живы. Но я чувствовала такую слабость, что не могла шевелиться, а корабль был слишком далеко.

— Держись за меня, донесу тебя до судна, — произнес чак-чо вслух.

Я обхватила зверя за шею, мех был теплым.

«Учиться настоящей магии больно. Ты все еще хочешь этого?»

Мы были уже неподалеку от корабля, когда раздались людские крики. Нас увидели. Роах подлетел к кромке воды в стремлении забрать меня, но чак-чо утробно зарычал.

— Маримар! Ты в порядке? — закричал граф.

— Мари! — вторил ему принц с корабля. В отличие от графа тот в воду не торопился, но по изумленным золотым глазам я поняла: он знал, как выглядит чак-чо и что из себя представляет. — Роах, ей не причинят вреда. Это чак-чо, зверь истинного правителя.

Последние слова дались принцу нелегко. Еще бы, к императору чак-чо не явился, и тот пустил слух, что все эти существа вымерли, поэтому больше не сторожат престол. Перед глазами принца плыло живое доказательство лживости его отца.

Зверь произнес: «Держись очень крепко» и, удостоверившись, что я надежно ухватилась руками, совершил немислимый прыжок и оказался на палубе. Приземлился чак-чо так мягко, будто даже на суше он плыл, а не шел.

Тавр опустил на одно колено, склонил голову и произнес:

— Не думал, что когда-нибудь доведется увидеть тебя.

Затем поднялся и направился ко мне, медленно, словно пытаюсь проверить, не воспринимает ли его чак-чо как угрозу. Зверь нервно дернул длинным черным хвостом, но и только, позволив принцу обнять меня.

— Как ты, мой маленький истинный правитель? — Тавр с неким благоговением убрал мокрую прядь волос с лица.

Зверь отошел, не спуская синих угольков глаз с Роаха. Длинный широкий хвост раздраженно ходил ходуном, как у любого

представителя семейства кошачьих, когда те не в духе.

— Хочу есть, — озвучила первую мысль, отвечавшую на вопрос о моем самочувствии.

Принц рассмеялся и поцеловал меня в холодный нос.

— Дайте принцессе все лучшее из припасов. Она сегодня спасла ваши жизни!

Команда засуетилась, торопясь исполнить приказ, что получалось не очень-то хорошо, учитывая, сколько они выпили.

Чак-чо внимательно оглядел меня, толкнул лобастой головой, и в сознании прозвенели слова: «Я ухожу, но знай, я всегда с тобой рядом. Берегись мага воздуха, он все разрушит».

Зверь подпрыгнул и вошел в воду почти беззвучно, не поднимая брызг, снова унося с собой частичку моей души, ощущение целостности. Правда, теперь я знала — чак-чо будет недалеко и придет на помощь в момент опасности. А еще поняла, что сегодняшний шторм случился не просто так. «Чтобы обрести силу, маг воды должен пройти через испытания великие», а Серебряный шторм для подобного испытания подходил как нельзя лучше.

Но почему зверь посоветовал опасаться Роаха? Реакция чак-чо на графа была однозначно негативной, и это предупреждение... Я решила сосредоточиться на том, чтобы как следует набить желудок, и уже потом думать о наставлении зверя. Мельком глянула на графа, полностью погруженного в работу. Он помогал закреплять чудом уцелевшие паруса, затем создал нежный ветряной поток, который уверенно повел нас по курсу, указанному мгновенно протрезвевшим от радости капитаном.

Теплые руки собственнически и ревниво обняли меня сзади, словно я не имела права смотреть на мага ветра. А ведь правда не имела...

— Мари, ты же понимаешь, что случившееся на Востоке, как и сегодняшнее происшествие, скрыть не удастся? — Принц намекал на зверя-покровителя, а увидев выражение моего лица, поинтересовался: — Тебя это расстраивает?

— Не знаю, — честно ответила я, засовывая в рот кусок вяленого мяса. Такое полагалось резать тонкими ломтиками и есть, обмакивая в изысканный соус. Но мне было не до ломтиков и не до соуса, есть хотелось зверски. — В империи магом воды быть опасно.

— Что ты, Маримар, маги воды неприкосновенны. — И взгляд, уверенный такой.

Я хмыкнула, потому что знала, какие ужасы творила императорская семья, лишь бы удержать власть в своих руках. Последней из жертв стала семья Самара из клана Серебряной воды, все представители которого сгорели в пожаре. Только Самар и спасся, потому как известно было, что парень магически не одаренный сквир. Хотела бы я спросить Роаха, не он ли приложил руку к уничтожению этой семьи, но понимала, что, если узнаю наверняка, никогда не смогу смотреть на него так, как раньше. Размышления явно были написаны на лице, потому что Тавр взял меня за руку и проникновенно взглянул.

— Я гарантирую твою безопасность. Мари. Я же тебя ни разу не подводил.

И я вдруг осознала — это правда. Я стремилась отгородиться, словно принц мне враг, но он никогда не причинял мне вреда, в отличие от того же графа или Ану. Тавр никогда не пытался меня обидеть. Может, и правда, что не слишком доверяю ему из-за совершенства его лица? Даже боюсь...

Море, выпустившее на свободу свой гнев, успокоилось и ласково облизывало корабль, словно щенок ботинки хозяина.

— Давай поедим спокойно, — предложила, отведя глаза. Возможно, если перестану смотреть на Тавра, а буду только слушать, я наконец пойму, что из себя представляет принц. — А когда вернемся в столицу, подумаем, что делать дальше. Какой сегодня день недели?

— Вторник.

— Я так много пропустила в академии! — сокрушенно вздохнула.

Зная Ниньо и ее «очаровательный» характер, предполагала, что она встретит меня фразой: «Похищение — недостаточное оправдание для пропуска моих занятий».

— Не волнуйся, Маримар. Думаю, твое отсутствие будет прощено, — рассмеялся Тавр.

И что такого смешного в моих словах? Не понимала, пока принц не пояснил:

— Никто и никогда тебя не отчислит. Ты могла бы вообще перестать появляться на занятиях или перейти на домашнее обучение.

Я откусила кусок темного хлеба, посыпанного солью и политого оливковым маслом, и недовольно поморщилась:

— Исключено. Я закончу учебу в военной академии, чего бы это ни стоило.

— Упорство — одна из лучших твоих черт, — вклинился в разговор Роах.

Он тоже был голоден и, не стесняясь демонстрировать аппетит, который почему-то считался признаком низкой крови, принялся за обе щеки уплетать мясо. Тавр смотрел на него без восторга, предпочитая жевать нугу с кусочками фруктов и орехов. Я давно заметила, что принц тот еще сладкоежка.

— Есть ли смысл в упорстве, когда все цели достигнуты? Мари сможет обучаться индивидуально у лучших учителей.

— Все лучшие преподают в военной академии.

Аристократические ноздри Тавра затрепетали. Вот и выветрилась магия, и хрупкий мир между графом и принцем снова нарушен.

— Видел я вашего Эльдара. Кому пришла светлая идея нанять в учителя королевского берсерка?

Роах усмехнулся, его ледяные глаза заискрились.

— Ты не сможешь доказать, что Эльдар — берсерк.

Я так и знала! Бритая голова, выносливость, сила, с которой никому не сравниться... Эльдар точно берсерк. Их тренировали в Западных горах с такой жестокостью, что из двадцати выживал один. Бастарды, нежеланные дети, лишние рты — край этот отличался богатой землей и плодовитыми женщинами, из-за их фертильности младенцев у подножья Западных гор всегда было в избытке. Берсерки во время боя не знали ни боли, ни усталости и дрались до тех пор, пока не падали бездыханными. Император издал закон, запрещающий тренировки новых берсерков, а старые отряды распустил. Вот только как оставляли детей перед пещерой, так и оставляют. А те, кто служил короне, ныне служат тому, кто больше заплатит.

— Даже если так, он прекрасный учитель и куратор.

Пока Роах хищно жевал мясо, запивая вином, — его силы шторм подточил так же, как и мои, Тавр попытался объяснить мне свою точку зрения:

— Мари, если он тот, о ком думаю, его прошлое столь ужасно, что доверить ему судьбы молодых аристократов — очень опрометчивый, если не сказать опасный шаг.

— Прошлое не определяет настоящее, — отрезала я жестко, — а аристократам крепкая рука не помешает.

— Определяет, Мари. Мы те, кто мы есть, благодаря своему прошлому.

— Год назад я училась в школе Танцующих леди. Училась угождать мужчинам, целовать и ласкать их, потому что мои родители видели в этом единственный способ поддержать финансовое состояние семьи. Мало кто ждал от меня большего. Сейчас сижу перед тобой, наследным принцем и своим женихом, полчаса назад я усмирила шторм с помощью волшебного зверя чак-чо. Прошлое остается в прошлом, Тавр, особенно когда ты был лишен возможности выбирать.

Принц рассмеялся, золотые глаза заискрились, на секунду заморозив меня.

— Такая юная, а с тобой не поспоришь.

Я кивнула и налила себе немного вина. Мне нравился вкус сухих терпких вин, но не состояние опьянения, поэтому я взяла за правило пить очень мало.

— Не поспоришь, — подтвердил граф. — А еще она очень упрямая.

Остаток дня мы провели за приятной, хотя местами напряженной беседой, когда граф с Тавром говорили о политике, потом я отправилась спать в свою каюту. Мерное качание на волнах убаюкивало, и благодаря ему, а может, и сытой усталости, меня не тревожили мысли о прошлом и настоящем, а будущее представлялось непременно хорошим, пусть и скрытым туманной завесой времени.

ГЛАВА 9

Роах вывел корабль от моря к Темной реке, а оттуда против течения, подгоняемые магическим ветром, мы отправились к столице. Река была быстрой, поэтому не замерзала зимой, а Роах достаточно сильным, чтобы поддерживать скорость корабля даже в таких немислимых условиях.

Глядя на белеющий в лесах снег, я вспомнила, что совсем скоро назначена свадьба моих безумных братьев-близнецов с внебрачной дочерью императора. Любовь к Киаре была единственным искренним чувством Римуса и Ромуса, поэтому союз я одобряла. В империи частенько случалось, что мужчина брал в жены сразу двух женщин. Одна становилась старшей женой, младших же могло быть сколько угодно. Поступать наоборот было не принято, поэтому новость о свадьбе Киары стала самой обсуждаемой сплетней в столице. А то, что Римус и Ромус приходились мне родными братьями, только подливало масла в огонь. Братья мои были ветреными, несдержанными, любили карты и женщин. Ко всему прочему себя они воспринимали как единое целое, а оттого считали, что делить на двоих одну женщину — совершенно нормально.

Пасмурный день, в который мы прибыли в королевскую гавань, был скрашен ярким празднеством в нашу честь. В воздухе горели цветные огни, народ на пристани стоял разряженный. В первых рядах, конечно, аристократы — сверкали драгоценностями дамы, выпячивали грудь господ. Кто был подаровитей, создавал нехитрые трюки: пышными букетами расцветали полевые цветы, взлетали ввысь лепестки роз, распускающихся прямо на снегу, яркими стайками проносились магические светлячки. Позади, в не менее богатых одеждах, выстроились состоятельные горожане, купцы и их жены, отчаянно старавшиеся походить на магов-аристократов, копируя одежды, поведение, заказывая драгоценности у тех же ювелиров. Народ скандировал: «Принцесса Мари! Принц Тавр!» — именно в таком порядке. То, что добавка «мар» исчезла из моего имени, ясно говорило: они все знали.

К прибытию в столицу Тавр облачился в алую мантию, готовый предстать перед народом, я же надела теплое синее платье и меховую шаль, так кстати сыскавшиеся на корабле. Принц взял меня под руку и притянул к себе — не собственнически, скорее пытаюсь уберечь. За мной живыми тенями следовали девушки из храма Кровавой богини. Их переодели в красивые платья, но даже в них они не походили на придворных фей — ни жестами, ни движениями, быстрыми и резкими.

Было жалко наступать на цветы, выращенные магами земли, но я знала, стоит им покинуть пристань, и живой этот ковер без волшебства погибнет. Граф вышел следом, ведя за собой Ану. К концу путешествия маг огня словно ожил, он чувствовал себя гораздо лучше, когда мог видеть сушу в пределах досягаемости. Ану еще несколько раз пытался извиниться, но я была пока не готова прощать. Тем более, по горькому опыту общения с ним, понимая, что слова Ану — только слова. Тавр, заметив, что я погрузилась в раздумья, сжал мою ладошку, согревая своим теплом. Из толпы выскочила плачущая женщина и бросилась ко мне, пытаюсь прикоснуться.

— Империя будет жить! — восклицала она, в радостном припадке дергая себя за волосы.

Ее мягко оттерли в сторону стража, попутно отваживая других излишне любопытных. Один мужчина в одежде торговца крикнул:

— Да не верю я, что она маг воды! Сто лет их не было и вдруг так удачно появилась! Обманывает нас старый император!

Стражники угрожающе двинулась к нему, напоминая, что Теренис хоть и стар, но все еще восседает на троне и правит железной рукой. Я жестом велела им остановиться. И ведь послушались, значит, уверены в том, что способности мои — не выдумка.

— Подойди! — велела, и стража его пропустила.

Принц с усмешкой наблюдал за происходящим, мои охранницы шагнули вперед, предупреждая возможную угрозу со стороны крикуна.

— Ты не веришь, что я маг воды? — спросила я, заранее подозревая, какой последует ответ.

— Не верю, — фыркнул он. — Слух пустили, чтобы знать не восстала из-за того, что принц на сквире собрался жениться.

В словах этого невысокого плотного мужчины был резон. Мне не хотелось устраивать демонстрацию силы, тем более вредить ему, но

раз было объявлено, кто я, нужно доказать это раз и навсегда.

— Прекрасная погода для купания, не правда ли? — спросила, презирая себя за то, что собиралась сделать.

Но пусть лучше простудится один из поданных, чем они подвергнут сомнению мои силы. «Слабый правитель — мертвый правитель» — гласит старинная поговорка.

— Не понимаю, о чем вы, — буркнул мужчина и оглянулся, ища глазами поддержку.

— Иди и искупайся, — приказала я, используя магию голоса.

Торговец тут же встал по стойке смирно и зашагал к водоему. Он пытался что-то восклицать, противясь магии, но был бессилён. Мы же продолжили путь к карете, и больше никто не посмел усомниться в моих силах. На душе было погано, рука принца казалась тяжелой могильной плитой, под которой похоронена моя свобода.

— Тебе не обязательно было это делать, — прошептал он мне на ухо.

— Обязательно. Раз не удалось утаить кошку в мешке, пусть хотя бы все знают, что у нее есть когти.

— Мари, ты должна расслабиться. Здесь нет врагов, нет тех, кто причинит тебе вред. — Тавр нежно сжал мою ладонь и помог забраться в карету.

Шару и Лилиан он попросил поехать вместе с графом и Ану. Телохранительницы взглянули на меня, молчаливо спрашивая, следовать ли им приказу, я едва заметно кивнула. От глаз принца это не укрылось.

— Истинный правитель, — сказал он и рассмеялся. Не было на свете звука приятней, чем смех наследного принца, но я слышала, что пропитан он горечью, словно Тавр сожалел о том, кем мне довелось оказаться. — Ты можешь стать самой выдающейся женщиной в истории империи. Я и не подозревал, что мне так повезет с женой, — произнеся это, он поднес мою ладонь к губам, поцеловал каждый пальчик, глядя мне в глаза, и удовлетворенно улыбнулся, когда мои Щеки заалели от смущения.

— Я понимаю, что нас ждут во дворце, но не могли бы мы сначала заехать в академию? Хотелось бы увидеть друзей, — попросила робко.

Тавр, вздохнув, покачал головой. Он бы и желал удовлетворить мою просьбу, но не мог.

— Прости, но императору не отказывают. Даже я не посмею нарушить его прямой приказ тут же вернуться во дворец.

Круговые движения его пальцев так расслабляли, что я почувствовала, как меня покидает нервное напряжение последних дней.

— Только не говори, что тоже связан какими-то дурацкими контрактами с отцом! — сказала прежде, чем подумала, а ведь я сейчас, возможно, выдала тайну Роаха!

Рука в ладонях принца дернулась, но он продолжал ее массировать, так что мысли мои снова улетели в неизвестном направлении:

— Нет, Мари. Клятвы графа — одна из самых жестоких вещей, который сделал императорский род. Это клятва даже не самого Роаха, а всего клана Ледяного ветра. Она обновляется каждое поколение, и в случае ее нарушения умрет не только Роах, умрут все его кровные родственники. И это будет происходить долго и мучительно.

— Ты освободишь его, когда станешь императором?

— Я не могу разрушить договор. Он прекратит свое действие лишь со смертью отца и только в том случае, если маг воды зальет его текст своей кровью. Теперь ты понимаешь, почему Роах был так мил с моим племянником? Вся эта лживая дружба, на которую купился Теренис-младший, — ради призрачного шанса освободиться.

Карета качнулась, движения рук Тавра сбились с ритма, и я вышла из оцепенения.

— Не применяй больше ко мне свои фокусы, — попросила его строгим голосом.

Мышцы были расслаблены, пульсирующая головная боль, признак усталости и постоянного стресса, улетучилась. Я чувствовала себя умиротворенной и довольной, словно домашняя кошка, но такая покладистость была не в моем характере.

— Я не буду извиняться за то, что улучшил твое самочувствие. — Тавр вдруг поднялся со своего сиденья и со свойственным ему изяществом пересел ближе ко мне. — И ведь этого я добился, прикасаясь лишь к твоим рукам. Подари мне один вечер с тобой

наедине, и я сделаю так, что все мысли о графе вылетят из твоей головы.

— Не сомневаюсь в твоих способностях, — нашлась с ответом, чувствуя, что краснею. — С чего ты решил, что я думаю о Роахе?

— Ты в него влюблена — это очевидно. Той глупой юношеской влюбленностью, которая ведет скорее к разрушению, чем к созиданию. — Хотела было запротестовать, но принц не позволил. — Я ни в чем тебя не обвиняю, просто хочу быть на его месте. А когда я чего-то хочу... — Тавр пожал плечами.

Простой человеческий жест разрушал его идеальный образ и сделал его чуть-чуть более близким.

— У меня будет вся жизнь на то, чтобы полюбить тебя.

Я взяла его теплую руку и прижала к своей щеке. Может, он прав, и я влюблена в графа, но тогда это чувство надо вырвать из своей груди как сорняк, не позволив ему прорасти и превратиться во что-то большее.

* * *

Первым человеком, который побежал ко мне через весь зал, стуча каблучками по мраморному полу и рыдая навзрыд, была моя мама, довольно сильный от природы, но необученный маг воздуха. Она заключила меня в теплые объятия, о которых я так мечтала в детстве, и громко — от ее голоса аж мебель затряслась — воскликнула:

— Я так за тебя волновалась! Ночами не спала, думая, как там моя маленькая девочка.

Забавно было осознавать, что мама говорила чистейшую правду. Она действительно не чаяла во мне души в последнее время. Подлететь к Ану ей не дал граф, преградив путь этому мстителю в розовом платье.

— Инцидент исчерпан, — спокойным голосом произнес он, обращаясь не к маме конкретно, но ко всем присутствующим в зале. — Ану, сын халифа, — огненный элементаль, их сила опасна для них самих. Наша задача помочь ему, чтобы ничего подобного не произошло впредь.

Среди придворных наверняка были родители тех, кого Ану чуть не отправил на тот свет, и им бы очень хотелось отомстить. Своими словами Роах дать понять, что не стоит пытаться навредить Ану. Потому что прирученный элементаль огня — существо чрезвычайно полезное, ну и сына правителя Востока лучше не трогать.

Отец смотрел на меня теплыми карими глазами и ласково улыбался. «Я рад, что ты в порядке, Маримар», — произнес он одними губами, не решаясь выходить вперед более родовитой знати, в отличие от мамы, которая на правах родственницы императора пробилась к самому трону и там притворно лишилась сознания. Во времена ее молодости барышни были обязаны падать в обморок как минимум раз в неделю.

— Рад приветствовать вас дома! — Теренис шел к нам, а люди рассыпались перед ним в реверансах и поклонах.

Редко кого император встречает лично, а уж раскинутые объятия, в которых он заключил сначала сына, а потом и меня, и вовсе были чем-то новым при дворе.

— Мы счастливы быть здесь, — ответил Тавр, улыбаясь так, что дамы в первом ряду начали поправлять одежду, приспускать платья в области декольте да строить глазки.

Им и в голову не приходило, что принц улыбается отцу, счастливый от того, что получил его одобрение. Была ли эта улыбка искренней?

Теренис перевел взгляд на меня. Только бы обниматься не полез. Претила мне мысль касаться старого императора, поэтому я схватила руку Тавра и посмотрела на него глазами влюбленной спасенной девы. Эту маску я худо-бедно освоила в школе Танцующих леди. Судя по довольному вздоху, император купился на мои ужимки.

— Ах... молодая любовь. Благодаря ей случаются чудеса. И разве не чудом можно назвать пробуждение магических способностей у нашей будущей императрицы?!

Вот старый лис!

Раздался удивленный ропот придворных, один из аристократов сделал шаг вперед. Судя по расшитым серебром одеждам, он принадлежал к гильдии торговцев.

— Вы хотите сказать, что способности у... ее высочества проявились недавно?

— Именно, Сатрам. Придворные ученые говорят, что появление способностей к магии воды у будущей императрицы связано с тем, что она тесно общается с наследником.

Какие именно придворные ученые сообщили сей удивительный факт, Теренис умолчал. Но отчего-то фраза «ученые сообщили» добавляет веса любой чуши.

— Насколько тесно необходимо общаться с наследником, чтобы проявились подобные способности? — поинтересовалась одна из дам.

Если судить по жарким взглядам, брошенным на принца, она не против самого тесного общения.

— Способности проявились благодаря двум факторам, — встрял в разговор старик с дрожащим голосом, по сравнению с ним Теренис казался восемнадцатилетним юношей. Старец вышел вперед, опираясь на трость. Его борода доставала до пола, а взгляд был сколь мудр, столь и безумен. — До встречи с принцем Мари из клана Синего огня магией не обладала. А тем, что Тавр выбрал ее в жены, она доказала, что достойна стать обладательницей своих способностей.

Я едва не засмеялась. Все вывернули в свою пользу. И магией я обладаю только благодаря вниманию Тавра, и заслужила ее потому, что принц соизволил взять меня в жены. И самое смешное, что все придворные поверили словам старика. Держу пари, слухи о волшебном обретении способностей Маримар из клана Синего огня скоро облетят всю империю. И над нашей с Тавром историей любви будут рыдать все без исключения молодые дворянки.

Мы прошестьвовали в императорские сады, где всегда царило лето. Там был накрыт стол, играли музыканты.

— А ведь здесь мы встретились с тобой впервые, — прошептал на ухо Тавр.

После нескольких тостов и ничего не значащих слов, которыми сыпал ближний императору круг аристократии, принц повел меня к центру поляны, где я неуклюже увязла каблуками в земле. Музыканты заиграли задорную мелодию, но в такой обуви танцевать было невозможно. Принц нахмурился, заметив мое неудобство. Он хотел было велеть принести мне другие туфли, но его приказание прервал громкий крик «Маримар!» К нам бежал Роман, едва не свалившийся с мраморной лестницы, ведущей в сады.

Непотопляемая рыжая бестия, Роман Золотой. Этот парень был настоящим баловнем судьбы. Красив, наследник огромного состояния, практически бессмертен.

— Живая! — Схватив мое лицо ладонями, бесцеремонно поворачивал то в одну, то в другую сторону, удостоверяясь, что я действительно вернулась в целости и сохранности. — Я так волновался, когда узнал, что наш горячий парень увез тебя на драконе.

Тавр деликатно кашлянул, привлекая внимание Романа.

— Я вообще-то ее жених. И это серьезное нарушение этикета.

Мой друг только хмыкнул:

— У нее сегодня один жених, завтра другой, а я всегда рядом.

Роману было настолько плевать на условности, что на него даже обижаться не получалось. Тавр выглядел ошарашенным, так наследному принцу еще никто не хамил. Но в этом и было отличие друга: вследствие полной неприкосновенности в детстве и почти полной неуязвимости благодаря магии сейчас он одинаково относился к людям разных сословий.

— Можно умыкнуть Маримар? Я ее сто лет не видел и соскучился, — попросил Роман Тавра. — Верну ее к вальсу. — Кажется, мой жених был настолько потрясен наглостью, что не сразу нашелся, что ответить. Чем друг и воспользовался: — Вы так великодушны, ваше высочество! И куда красивей графа. — Роман похлопал принца по плечу.

Хмыкнув, скептически осмотрел мои туфли.

— Не годится ходить в таких ужасных калошах. — Роман наклонился и, осторожно касаясь лодыжек, снял с меня обувь. — Здесь достаточно тепло, не замерзнешь.

Он вручил туфли изумленному Тавру, подал мне руку и повел в сторону сада скульптур. Там всегда было уединенно.

По дороге я рассказала другу о своих приключениях на Востоке, о чак-чо и о храме Кровавой богини. А Роман поведал, как спас всех из огня.

— Я никогда не чувствовал в себе такой силы! Словно сам стал землей, сроднился с ней, слился. Просто поднял руки, и земля ответила. Она очень жалостливая стихия, добрая. Волной укрыла тех, кто попал под линию огня. У Снежи остались глубокие ожоги, но я

вылечил, и она мне теперь прохода не дает. Хотя ты же знаешь, я всегда был привлекателен для противоположного пола.

— Я думала, она по графу сохнет, — буркнула в ответ.

Снежа мне не нравилась, и я ничего не могла с собой поделать.

— Она рвалась на прием, чтобы его увидеть, но ей никто не позволил, велено было в академии оставаться. Это меня Сигурд может от любого урока отмазать, я все-таки особенный.

Мы медленно шли к парку, впереди уже виднелись бледные скульптуры.

— Кстати о противоположном поле. Маримар, я, кажется, влюбился. Ни есть, ни спать не могу, только о ней и думаю.

Я едва не оступилась. Роман влюбился? Удивительная новость! Казалось, этот балагур, безобидно заигрывающий с каждой девушкой на своем пути, не способен на влюбленность. Его мать уже несколько лет тщетно ищет ему невесту, но пока Роман успешно избегает всех кандидатур, никого не обижая, но и не позволяя поселиться в своем сердце.

— В Снежу?

Я уселась на одну из гранитных скамеек. Роман ходил рядом туда-сюда.

— Да при чем здесь Снежа?! Нет, она девушка красивая, но сердце мое отдано другой. И только не подумай, что я сошел с ума!

Я поспешно кивнула, слишком много в нашей жизни безумств в последнее время, чтобы хоть к чему-то относиться предвзято.

— Кажется, я рассказывал тебе, как встретил девушку-нимфу.

— Это та, которая олениха? — Мои брови поползли вверх — пора Роману завязывать с сидром, но я поторопилась сменить выражение лица на сдержанно-любопытное.

— Да, да, она! Я поехал в ту деревню еще раз и снова вышел на поляну. Слышу шаги, оборачиваюсь, она стоит за мной. Золотые волосы развеваются по ветру, глаза огромные — будто сохраняют свою величину что в человечьем, что в оленьем обличье. Так и стояла, укутанная только своими волосами, и смотрела на меня. Потом сказала: «Я тебе не принадлежу. Не ищи меня больше», подпрыгнула, а приземлилась уже олениха и поскакала в лес. С тех пор она мне снится, только о ней и думаю. Будто это моя вторая половинка.

— Ты не говорил о ней с Сигурдом? Если и существует эта волшебная нимфа, он должен о ней что-то знать.

— Ты мне веришь! — воскликнул Роман и обнял меня. — Даже Самар сказал, чтобы я пить бросал и зрение проверил.

От лучшего друга Романа можно было ожидать нечто подобное: он был технократом, веровал не в магию, а в науку — как я начала понимать совсем недавно, последнюю не стоит сбрасывать со счетов.

— Думаю, что все возможно, Роман. Но разве эта... девушка не дала тебе ясно понять, что она не желает твоего общества?

Парень только хмыкнул.

— Ты сколько графа гоняешь, а он все вокруг тебя вьется. И знаешь, вода камень точит. Так что при всей шоколадности наследного принца не удивлюсь, что в итоге замуж ты выйдешь за нашего ректора.

Я устремила взгляд на расплзающееся зеленое озеро. Там, где сидел Роман, трава наливалась силой, становясь изумрудной. Люблю магов земли.

— Вот и я должен ее покорить. До той деревни на лошади четыре часа, хотел отправиться в эту субботу. Поехали со мной?

— До воскресенья вернемся? У меня занятие магией воды с императором, — солгала, на самом деле я должна была встретиться с ведьмами.

— Успеешь вернуться. Жених-то ревновать не будет? Все-таки отпускать невесту на ночь с таким шикарным парнем... — Роман поправил волосы, и лицо его вдруг приняло выражение обреченности от красоты своей неземной.

Я рассмеялась — такое же я не раз замечала у Тавра.

— Придумаю что-нибудь. В конце концов из окна вылезу. Охрана во дворце паршивая, удивительно, как туда воры каждую ночь не залезают.

— Все боятся императора. Теперь еще тебя бояться начнут. Я слышал, как ты заставила искупаться зеваку на пристани. Не думал, что ты такая злюка.

Сама считала свой поступок недобрым, но такова жизнь. Мы еще немного поговорили и вернулись к празднеству как раз к первым тактам вальса. Тавр перехватил меня у Романа, не проронив ни слова, и с обычным для него изяществом повел танцевать. Я так и оставалась босой, отчего двигалась более раскованно, чем прежде. Принц чуть

сильнее сдавил мою талию, и я заглянула ему в лицо. Губы сжаты, взгляд далеко не безмятежен.

— Что-то случилось?

— Только то, что моя невеста на глазах у всех сбежала с сыном другого аристократа.

Тавр злился. Нет, он был очень расстроен и, пожалуй, ревновал. Роах бы уже все вокруг себя заморозил, а принц просто смотрел на меня так, будто я сильно его обидела. Стало стыдно.

— Роман — мой друг. Он рассказал о девушке, в которую влюбился.

Ведьмовская сила такова, что Тавр почувствует, ложь льется из моего рта или я говорю правду. Принц вздохнул, плечи его расслабились.

— Я тебе доверяю, Мари. Но злые языки придворных очень опасны. Ты представляешь, каких трудов мне стоило сохранить лицо? А ведь о вас с этим... Романом пойдет слух, и мне носить клеймо рогоносца. Ты больше не простая девушка, Мари, и впредь должна думать о себе как об императрице и вести себя как императрица, потому что так тебя видят окружающие.

Мои шансы на приключение с Романом таяли на глазах.

— Но как же Теренис-младший? Он был наследным принцем, но слонялся по кабакам. Да ты и сам обожаешь опиумные курильни!

Тавр вздохнул.

— Мы совершаем вылазки так, что никто из этих высокородных снобов не может за нами проследить. Аристократы могущественны, они владеют финансами, людьми, источниками. Если императорский род потеряет их поддержку, нас уничтожат.

Голова шла кругом от слов Тавра. Я думала, император — Солнце и Луна нашего государства, он сам был в этом уверен. Но, если подумать, помимо магии существует множество различных ресурсов, которые принадлежат знатным кланам.

— Прости меня, Тавр, я действительно виновата, — произнесла искренне.

Принц наклонился и нежно коснулся моих губ. Дамы, наблюдавшие за танцем, издали синхронный вздох, и я поняла, что представление было рассчитано на публику.

— Приятно это слышать, однако впредь не совершай опрометчивых поступков.

Весь остаток вечера я вела себя как образцово-показательная невеста. Улыбалась, принимала комплименты людей, еще недавно перешептывавшихся за моей спиной. Ела мелко нарезанную соленую рыбу — любимое блюдо императора — и восхищалась вкусом. Довольно искренне, надо заметить, хотя многих от подобного лакомства воротило. Император, как оказалось, только этой рыбой и питался. Я даже разыскала Фири, чтобы узнать, что еще обязана делать будущая императрица. Маэстро, как оказалось, допрашивал моих телохранительниц. Модельер крутился вокруг девушек, восклицая:

— Какие правильные пропорции, грация, сила! Мои новые платья может носить только кто-то без грамма жира. Ваше высочество! — Фири подлетел ко мне, поцеловал ладонь.

Тренированные воины храма Кровавой богини не могли сбежать от этого чудесного вдохновенного человека. Реши Фиримар, что тигр послужит моделью, он бы и этого грозного зверя сумел обрядить в платье. Он учил меня светскому поведению, но вряд ли догадывался, что его уроки будут нужны императрице. Теперь Фири кланялся ниже, его парик немного съехал набок.

— Ваши новые фрейлины прекрасны! Их красота пленяет мое сердце!

Девушкам не очень нравилось столь пристальное внимание невысокого пожилого мужчины, они просто не понимали, что интерес к ним был скорее интересом знатока к произведениям искусства, чем мужчины к женщинам.

— Думаю, девушки с гордостью станут носить ваши творения, особенно если одежда не будет стеснять движений. — Фири кивнул и уже собрался бежать в мастерскую, влекомый музой, когда я его остановила. — Мне как никогда нужен ваш совет. Я не знаю, как вести себя с аристократами в своем новом статусе.

Фири посмотрел на меня внимательно, взглядом попросил девушек удалиться, и те, к моему удивлению, сразу отошли на расстояние, не позволявшее слышать наш разговор.

— Дорогая, вы задаете правильные вопросы. А я дам правильные ответы. Запомните пять самых влиятельных кланов, входящих в ближний императорский круг. Золотая долина — к нему принадлежит ваш друг,

который так жаждет вашего внимания, — я поняла, что он говорил о Романе, этот клан был для меня не опасен. — Изящное пламя владеет всеми игорными и публичными заведениями в столице. — Меня передернуло, но клан я запомнила. — Следующий — Яростный ветер, кстати, к нему принадлежит одна из ваших фрейлин из старых.

— Они не останутся моими надолго. — Я не хотела держать при себе девиц, которые всеми способами пытались искать расположения Тавра или императора.

— Опрометчиво, — Фири понизил голос, — их семьи могут принять за оскорбление, если вы отошлете девушек.

Вздыхнула. Маэстро прав, но разговор о фрейлинах стоило отложить на потом. Пока не было времени вдаваться в тонкости змеюшника, который они из себя представляли.

— Остальные два клана.

— Повелители стали, владельцы железных рудников за Западе.

Об этом клане земли я знала. Его представители были почти так же богаты, как отец Романа. Именно они выступали за рост военных конфликтов, потому что война требует оружия.

— Последний клан — Черный ветер — особенно опасен для вас, моя дорогая.

— Отчего же?

— Они заведуют судебной системой в империи, участвуют в создании законов, контролируют их выполнение, двое входят в Совет. Они давно и всеми возможными способами пытаются встать за императорским тронem. Возможно, вскоре им это удастся.

— О чем вы?

— Любовница императора, мы говорили о ней как-то. — Я смутно вспомнила изящную брюнетку с неестественно светлой кожей, встреченную на приеме в честь Дня листопада. — Ходит слух, что она добивается, чтобы император взял ее в законные супруги, и уговоры вот-вот увенчаются успехом. А где супруга, там и наследники.

Меня передернуло. Император — дряхлый старик, какие наследники?!

— Мари, вам стоит лучше следить за лицом. Подобные гримасы недопустимы, — мягко произнес Фири, взяв меня за руку. — Поверьте, как только император обвенчается с Аназис в храме Стихий, она сообщит о своей беременности.

Решив, что пока не буду думать о личной жизни властителя, а просто приму слова Фири на веру, спросила его:

— А почему клан Ледяного ветра не относится к самым влиятельным при дворе? У него есть сильная магия и богатства.

Наставник наклонился ко мне и заговорил быстро, словно смущаясь откровенных слов:

— А вы бы позволили своим сторожевым псам считать себя приближенными? Клан Ледяного ветра — палачи, они выполняют самую черную и грязную работу за правящий клан столько же лет, сколько существуют. Появляться при дворе имеет право только граф, потому что заслужил его своей и чужой пролитой кровью. Остальные... — Фири покачал головой.

Я поблагодарила его, позволив умчаться в мастерскую.

— И помните, — добавил он, прежде чем удалиться в свое царство нитей и иглоков, — магия решает не все. Вы должны быть умнее противников, которых найдется немало. Я верю в вас, ваше высочество.

— Просто Маримар, Фири. Зови меня по имени, — сказала уже в пустоту — для своего возраста мэтр двигался с удивительной скоростью.

Шара и Лилиан возникли подле меня, как только он ушел. Девушкам не нравилась идея носить откровенные платья, а я не понимала стремления к скромности и желанию укутаться с головы до пяток. Но восточные обычаи вообще дикие.

— Вам будет легче драться с неприятелем в случае угрозы, — обронила, и девушки перестали спорить, Шара даже заинтересовалась:

— Какие наши задачи дальше?

— Пережить этот вечер и добраться до спальни. У нас был насыщенный день, а завтра рано вставать, чтобы успеть на занятия в академию.

До позднего вечера я танцевала с принцем, знакомилась со знатными фамилиями, пару раз удалось переглянуться с мрачным как туча графом, который отказывался от всех танцев. В императорских садах не холодало даже после наступления темноты. Эта искусственная природа нравилась мне и пугала одновременно.

— Тавр, мне завтра вставать рано, пора спать. — Дернула за рукав жениха, чтобы отпроситься в постель.

Вдруг ощутила себя ребенком. По правилам этикета я должна была сообщить родителям, а не ему, но принц всем своим поведением давал понять, что теперь именно он выступает кем-то вроде моего опекуна.

— Доброй ночи, Мари. Ты подаешь нам всем хороший пример. — Тавр поцеловал меня в лоб, кивнул, отпуская.

Уходя, увидела, как маги огня прямо в воздухе зажигают причудливые фонари, прислуга несет вино и шампанское. Недоеденная пища валится со стола, и крохотная уродливая собачонка с наслаждением вылизывает серебряное блюдо. Я не жалела, что покидала празднество. Интересно, нравилось ли оно сияющему Тару, или же он притворялся, чтобы завоевать любовь аристократов?

Мои фрейлины-телохранительницы разместились в комнате неподалеку от моей. После скромности храмовой обители роскошь спальни их потрясла, а я вновь задумалась, так ли необходимы мне все эти изыски, золото и мрамор. Я засыпала в роскошном дворце, укрытая пахнущим лавандой одеялом, и думала: а счастливей ли я сейчас, чем была полгода назад?

* * *

Вся следующая неделя прошла как во сне. Мы тренировались. Но если отношение всех преподавателей ко мне изменилось до неузнаваемости — с меня стали меньше спрашивать и чаще хвалить — то Эльдар оставался прежним.

— Что, взглядом меня убьешь? Бежим, повелительница воды, ляжки растрясем, — кричал он мне, подгоняя на утренней разминке.

Я даже обрадовалась, что хоть что-то, например хамство Эльдара, осталось неизменным. На восточных девушек тут же положили взгляд несколько парней, за что были биты во время перерыва. Служительницы храма Кровавой богини не понимали, что такое флирт, но хорошо умели ломать носы. Снежа каждый день бегала в кабинет ректора, обычно ненадолго, потому что у Роаха не было времени для настырной студентки. Один раз я краем уха услышала, как он отчитывал эту влюбленную дурочку:

— Снежа, если ты еще раз пропустишь занятие, я буду вынужден сообщить отцу.

— Только не папе! Роах, пожалуйста! — заныла она, подпрыгивая вокруг него.

Увидев меня, Снежа изменилась в лице. Хорошо, что наша с ней нелюбовь обоюдна. Граф перевел глаза-снежные бури на меня, и взгляд его потеплел, а я побежала на занятия. Весь оставшийся день Роах не шел из моей головы.

Ану тоже вернулся к занятиям в академии, он все еще носил браслеты, блокирующие магию, и был вынужден посещать уроки для студентов без способностей. Маг огня выглядел разбитым, и единственным, кто помогал ему адаптироваться, как ни странно, был Укр. Даже узнав о чудовищной пропасти, разделяющей их по происхождению, Укр решил сохранить дружеские отношения. Ану был раздражен, но спокойная доброта помогала притушить клокотавший в нем огонь.

После занятий я спешила во дворец, где император обучал меня магии воды. С чего-то Теренис-старший решил изменить наше расписание и взяться за обучение гораздо усердней. На одном из занятий он поинтересовался:

— Ты несчастна?

Я отработывала сложный, по его словам, трюк с вытягиванием влаги из воздуха. Получалось неплохо, хотя от сухого воздуха начинало болеть горло. Вопрос застал врасплох, слишком часто я размышляла над ним в последнее время.

— Разве может кто-то желать большего, чем имею я? — Снова принялась за сотворение заклинания, а император продолжал сверлить меня взглядом.

— У тебя сегодня очень хорошо получается. Говорят, магию воды плетут лучше те, кто испытывал боль. — Теренис коснулся кармана у сердца.

Интересно, что он там носит? Вспомнила, что мне сказала тетя Тавра, с которой у меня намечался урок в это воскресенье. Она говорила, что магов воды и ведьм объединяет одно — они должны хлебнуть горя, чтобы суметь обладать магией. Но откуда это известно императору?

— Это написано в каких-то манускриптах?

— Это устное знание. Им со мной поделилась жена, прежде чем я отправил ее на костер.

От этой откровенности Терениса я опять потеряла концентрацию. Про маму Тавра никто никогда не говорил. Все ее портреты из дворца пропали. По слухам, император потом долго находился в трауре.

— Зачем вы это сделали? — Теренис сегодня откровенен, может быть, расскажет что-то и о себе.

— «Чтобы обрести силу великую, маг воды должен пройти через испытания суровые. И стать причиной смерти любви всей своей жизни». — Старик тяжело поднялся с мягкого кресла в тренировочном зале.

Я помнила строчку про испытания, но не знала про любовь. Неужели Теренис осознанно пошел на то, чтобы лишить Горалину жизни только ради силы? Какая сила стоит такой жертвы? Этот последний возникший в голове вопрос и бросила в спину императору.

Он пожал плечами.

— Эта сила так и не пришла ко мне. Поэтому я не знаю.

Он оставил меня одну отрабатывать упражнение и размышлять, каким человеком надо быть, чтобы убить жену и мать своего ребенка. Теренис жаждал силы, ему всегда было мало магии. Отличался ли этим весь императорский род? И не за это ли был проклят? Метка на запястье приятно нагрелась. «Сила не приходит к тем, кто жаждет ее получить, лишь к тем, кто ее заслуживает».

После уроков с Теренисом обычно ужинали с Тавром. Принц развлекал меня веселыми историями, вкусной едой, ненавязчивыми, приятными прикосновениями. Он не скрывал своей симпатии, и мне льстило его внимание.

— У тебя изумительно красивые руки, Мари — он взял мою ладонь, — только на них мозоли.

— Это от тренировок.

— Я принесу тебе крем, которым пользуюсь, чтобы кожа не пересыхала. Он также снимает болезненные ощущения.

Тавр с удовольствием расчесывал мои волосы, укладывал в замысловатые прически. В эти моменты он украдкой касался губами шеи, и я каждый раз вздрагивала, как испуганная лошадь.

— Я не причиню тебе боли. — Принц не пытался сминать мою волю, как граф, но от его мягкого вторжения в личное пространство

становилось не по себе — эта тактика работала, с каждым днем он нравился мне все сильнее.

— Прости, я пытаюсь. Просто вокруг, — обвела рукой роскошное убранство комнаты, — не то, к чему я привыкла.

— Ты можешь все изменить по своему усмотрению. Аназис уже трансформировала несколько комнат, а она всего-навсего любовница моего отца и не имеет никаких прав.

Позволения было недостаточно. Я не желала перестраивать покои матери Тавра, их делали не для меня.

— Что за история с их помолвкой?

— Не более чем история. Отец зарекся не жениться после смерти моей матери, — заявил Тавр уверенно, будто сообщил, что солнце восходит на востоке и садится на западе. Однако император мог позабыть о своих клятвах. Последняя любовь, как говорила Аделина, любовь, в которой мужчина чувствует свою смерть, — самая крепкая. Она поэтому и советовала девочкам приглядываться к старикам. «Нет ничего лучше, чем быть богатой вдовой. А траур носить придется всего-то год».

— А если это все-таки произойдет?

Меня пугала возможная конкуренция с кланом Черного ветра. Если их жажда власти так велика, как говорил Фири, они попытаются навредить мне.

— Если произойдет, у меня есть план. И не делай такие круглые глаза, Мари, я не собираюсь никого убивать.

Тавр поднялся с мягких подушек, на которых мы сидели на полу, и со свойственным ему изяществом удалился, чтобы принести крем. Умастив им кожу моих рук, он разрешил мне пойти с Романом на поиски его возлюбленной, даже гарантировал прикрытие от злых языков при дворе. Но взял с меня слово, что я не опоздаю на занятие по ведовству.

— Это важно для меня, Мари. Когда ты научишься этой магии, мы станем с тобой ближе. Мне одиноко, и я бы хотел иметь возможность говорить со своей женой на одном языке.

— Я не подведу тебя. Спасибо, Тавр.

Неуверенно обняла принца, а он нежно прижал меня к себе, поглаживая волосы. Поцеловал в губы, сначала мимолетно, словно случайно, но, не встретив сопротивления, стал целовать настойчивей,

заставляя дыхание сбиться. С трудом оттолкнув его от себя, строго сказала:

— Пора спать.

— Не уверен, что хочу спать один.

Тавр прижался ко мне, как кот, словно был гораздо гибче, чем полагалось человеку.

— А я хочу. — Поднялась, указывая принцу на дверь.

— Никаких добрых отношений? — Выглядел он расстроенным, но это была не первая подобная игра. Мне уже казалось, что его забавляли постоянные отказы.

— Никаких добрых отношений.

— Доброй ночи, моя прекрасная невеста. — И Тавр покинул комнату.

Я же думала, сколько холодной воды предстоит на себя вылить, чтобы заглушить эмоции, которые так регулярно и настойчиво будил во мне наследный принц.

ГЛАВА 10

— Мы едем, едем, едем! С Маримар мы едем! Едем на лошадаках в далекие края! Лошадки воняют, немножко нас качают, и эту песенку пою я! — напевал Роман, раскачиваясь в седле. Он пребывал в счастливом расположении духа, позволяя своему рысаку, которого явно выбирал цветом под себя, перейти на шаг. Зима в этом году выдалась снежная, и я без энтузиазма представляла, как придется сидеть в сугробе, пока друг будет выслеживать свою олениху. К счастью, он заверил, что таверна в десяти минутах верхом от поляны и там всегда есть свободные комнаты и горячее жаркое для уставших и голодных путников.

— А еще у них просто сказочный сидр! Хотя ты такое не любишь, — Роман болтал без умолку, не давая мне слова вставить.

Он был так взбудоражен предстоящей встречей, что не мог сдерживать ни чувства, ни свой язык-помело.

— Ты только при ней так не болтай, — попросила я его со всей серьезностью, — а то опять сбежит.

— Правда? А я всегда рассматривал свое красноречие как дар божий. — Роман, на секунду обидевшись, быстро оправился от нанесенного по самолюбию удара. — А с другой стороны, ты права. Эльдар говорит, чтобы завоевать женщину, ее надо слушать и соглашаться.

— С каких пор ты спрашиваешь любовные советы у Эльдара? — удивилась я.

Наш лысый тренер с бешеными глазами и стальными бицепсами меньше всего походил на купидона.

— С тех пор как он уговорил Ниньо на помолвку.

Рыська споткнулась, разделяя мое изумление.

— Вот это новость! Ниньо же вообще мужчин ненавидит. Она, конечно, и женщин не жалует, но мужчин особенно.

— В том-то и дело. У них в начале этого года завязался роман, с огоньком такой. Только она отношения оформлять не хотела. Так он ей условие поставил, если победит ее в спарринге без оружия, Ниньо должна согласиться.

Я присвистнула. Наша преподавательница магии огня была самым умелым огневи́ком, которого я знала. И выстоять против нее человеку без способностей, пусть даже он берсерк, казалось невозможным. На вопрос, как завершился бой, друг ответил:

— Эльдар победил, только потом три дня лежал в лазарете в критическом состоянии, ему Ниньо восемьдесят процентов кожи спалила. Мы с Сигурдом помогали в лечении, а то бы не выжил.

Я представила влюбленных вместе: парочка жестоких, сильных, влюбленных друг в друга воинов. Они попали в академию несколько лет назад, оба с темной историей. Руки Ниньо покрывали дорожки шрамов, и она старалась прятать их под рукавами, а Эльдар был покрыт шрамами с головы до пят. Еще подумалось, что Ниньо остановилась специально, ведь она могла победить Эльдара. Вспомнились слова Роаха после нашего неловкого боя: «Ты меня победила...» Видимо, что-то отразилось на моем лице, потому как Роман хмыкнул:

— Не грузись. У всех разные истории любви. Кстати, я смотрю, Ану выбыл из гонки за твое сердце.

С другом было легко говорить, да и обстановка располагала. Дорожка петляла среди леса, меж заснеженных елей и сосен, и стояла тишина, такая может быть лишь в местах, находящихся вдали от людей. Лишь время от времени ветви не выдерживали и прогибались от снега, и тот с тихим шелестом опадал на землю.

— Его всегда больше интересовала власть. Пусть все считают его несчастной жертвой обстоятельств, уверена: повторишь все заново, он поступил бы точно так же.

— Значит, остаются граф и принц. Не знаю, кто меня больше пугает... Наверное, Тавр. Эта морда его золотистая, брр. Граф хоть иногда на человека походит.

Я рассмеялась. Красоту, что я никак не могла описать, Роман характеризовал очень верно: в принце словно сплетались солнечные лучи и золото, придавая ему сияние.

— Кстати, Тавр меня отпустил к тебе без разговоров. Он очень понимающий. Роах только орет все время, предает меня и пристаёт.

— Ну так себя влюбленный мужик и ведет. Не знаю никого, кто б умом и обходительностью отличался. Укр вот недавно обнял Элию и случайно ей два ребра сломал. Все от большой любви.

Снова расхохоталась, а потом испытала укол совести. Бедная Элия. Я знала, что Укр собирал деньги, чтобы оплатить ее долг за обучение в школе Танцующих леди и выкупить ее свободу. Он упрямо отказывался от чьей-либо помощи, желая лично «освободить свою женщину». Сумму он собрал приличную и должен был успеть к ее восемнадцатилетию. Укр часто отлучался из академии по ночам и возвращался уставшим, но довольным. Его отлучки порождали престранные слухи, на самом же деле парень подрабатывал телохранителем да помогал выбивать долги из карточных игроков. Последнее занятие не слишком благородное, но законом не преследуемое.

— Не знаю насчет большой любви, как у Укра и Элии, но к принцу я привыкаю. Мы с ним все время вместе, и в последнее время мне это нравится. Может, я и не буду пытаться сбежать из-под венца.

— А ты собиралась? — настала очередь Романа удивиться.

— Обдумывала разные варианты, — ответила сдержанно, не говорить же, что я прикидывала, как остаться в храме Кровавой богини или уйти в море.

— Эх, Маримар, мало кому в жизни выпадает такая крупная карта, как бессмертие или обладание способностями к магии воды. И уж точно она выпадает не просто так. — Иногда Роман рассуждал, как очень зрелый и взрослый человек, но обычно его красноречия и серьезности хватало ненадолго. — Смотри, за тем поворотом начинается лес, где живет моя будущая жена.

— Ага, щиплет траву и бегаёт от охотников, — пошутила я, за что была вознаграждена презрительным взглядом.

Мы привязали лошадей к деревьям, Рыська тут же принялась выискивать траву под снегом, конь Романа, погрузившись в сон, изредка подергивал рыжими ушами, когда крупные ветви надламывались под весом снега, треща на весь лес. Наблюдательный пункт решили устроить возле кустов дикой малины, на которых сохранились засохшие подмороженные ягоды. Роман запретил разводить костер, но кинул на снег шкуру какого-то лохматого зверя.

— На ней не замерзнешь. Спасибо тебе еще раз, что пошла со мной.

Я уселась. Шкура оказалась на удивление теплой, скорее всего, когда-то давно ее заколдовал маг огня, сейчас такие вещи уже не

делали. Роман плюхнулся прямо в снег — ему чем ближе к земле, тем лучше, и мы затихли. Зеленые, как молодая листва, глаза Романа неотрывно следили за каждым движением: будь то белка, прыгающая по ветвям, или заяц беляк, порскнувший в кусты. Моему другу было комфортно в лесу, он замер и будто сроднился с вековыми деревьями, окружавшими нас со всех сторон. Я же от скуки взялась повторять последние фокусы, которым меня обучил император. Снежинки взлетали в воздух, собирались в снежки, принимая причудливые формы. Я откинулась на шкуру, глядя в пасмурное небо и собирая перед собой то снежных зайчиков, то котов, которые непременно выходили кривыми и толстыми. Теренис говорил, что из воды получается отличное оружие, но сегодня я была не в настроении воевать.

Послышался шорох, и Роман ожил, словно лиса, учуявшая зайца. Я поднялась на локтях, чтобы увидеть, что его так взбудоражило.

На поляну, боязливо дергая золотистыми ушами, вышла крупная олениха. Она изящно ступала по снегу, глядя на мир озерами черных глаз. Я никогда в жизни не видела подобного животного. Ее бока переливались, словно на них играло солнце, тонкие ножки переступали уверенно и вовсе не так, как это делают обычные животные. Хвост у нее, в отличие от оленей, был длинный, с кисточкой на конце, он беспокойно вилял из стороны в сторону, как у кошек. Витые рожки были маленькими, острыми и походили на два кинжала. Олениха уставилась на Романа, словно ждала его. Парень поднялся из своего укрытия, и в тот же момент она пустилась вскачь в лесную чащу. Друг метнулся следом, в его скорости не было ничего человеческого. Не успела удивиться, как он уже пересек поляну и понесся за ней, словно тоже был обладателем четырех сильных ног. Подумав, что в мире куда больше волшебства, чем я привыкла видеть, мне оставалось только следить за удаляющейся фигурой.

Прошел час с начала этой удивительной погони, солнце стало клониться к горизонту. Даже на теплой шкуре я начала мерзнуть.

— Где черти носят этого влюбленного? — произнесла вслух.

— Он потерял меня где-то четверть часа назад, — раздался за спиной мелодичный женский голос, и я вздрогнула всем телом.

Медленно обернувшись, увидела абсолютно голую молодую девушку, кожа ее бросала золотистые блики на снег.

— Я за твоей спиной уже минут пять стою. Ты весьма невнимательна. — И она уселась рядом со мной.

— Ой, какой мех теплый, — проведя узкими, слишком длинными пальцами по шкуре, сказала та, что недавно цокала четырьмя копытцами.

Как я ее узнала? Схожесть не заканчивалась только огромными глазами, черными, без какого-либо оттенка, и золотистыми волосами по пояс — хвостик, что никак не мог принадлежать травоядному, все так же дергался у нее за спиной.

— Да, Роман дал мне его, чтобы я не замерзла.

— Так зовут нового элементаля?

Я кивнула. Девушка выглядела расстроенной.

— Что за наказание судьбы, что все элементали земли — мужчины? Я видела уже как минимум двадцать, и все как один. — Она покачала головой, как строптивая лошадь.

Прикинула, сколько обычно живут элементали этой стихии, и поняла, что передо мной сидит одно из самых древних созданий на земле.

— Это не так. Роман очень хороший парень, — оправдала друга.

Девушка, судя по жестам, была очень недовольна его предшественниками.

— Он хочет меня поймать. Что в этом хорошего? — Девушка моргнула, ее ресницы были такими же черными, как глаза.

— Он познакомиться хотел. Ты ему понравилась.

— Ты за чак-чо тоже бегала и кричала: «Давай сходим на свидание» и «Как тебя зовут, красотка?» — нахмурилась она.

Я узнала стиль общения и интонацию Романа. Просила же его не болтать.

— Нет, но чак-чо — мой зверь-покровитель. Стоп, откуда ты... — Откуда она могла узнать, что я элементаль воды? Или...

— А я зверь-покровитель элементаля земли. Зверь! Эта форма, чтобы я могла разговаривать! А они все как один — «Женюсь! Люблю! Давай заведем детей!» — фыркнула девушка.

Значит, их с Романом встреча не была случайной. Она в тот день вышла на поляну, чтобы поприветствовать нового элементаля, а он повел себя как все остальные. Стало обидно за друга, он ведь, кажется, в первый раз влюбился.

— Как тебя зовут? Я Маримар. — Протянула руку, и девушка неуверенно пожала ее.

Она лишь коснулась, а мне вдруг стало тепло и радостно, словно я погожим днем греюсь на травке, а ласковый ветер играет с волосами.

— У меня каждые двести лет новое имя. Меня должен назвать тот, кому я буду служить.

— Роман даст тебе прекрасное имя, — сказала я, вызвав ее негодование.

— Не уверена, что хочу ему служить. Если бы он был женщиной, как ты, все было бы просто, а так... Снова старая песня.

Она дернулась, словно услышав что-то, недоступное моему слуху. Если каждый элементаль земли влюбляется в нее, не удивительно, что она так реагирует. И вид у нее становился все более диким, того и гляди снова сбежит.

— Что он должен сделать, чтобы заслужить твое доверие?

Подумав, девушка сказала:

— Он должен доказать, что достоин своей силы. Прошлый элементаль земли предал стихию, прокляв Черный лес.

Я вспомнила историю Сигурда, учителя Романа и сегодняшнего элементаля земли. Действующий тогда император приказал ему проклясть землю, где рос Черный лес, в котором прятались ведьмы. Слова сорвались с языка прежде, чем я обдумала их, словно какая-то невидимая рука подтолкнула меня произнести их:

— А что, если Роман снимет проклятье и оживит Лес?

— Создать что-то куда сложнее, чем уничтожить. — Девушка посмотрела на меня. Не человек, но и не зверь. — Не думаю, что у него хватит сил.

— Я ему помогу.

— Ты не обязана.

— Он мой друг. Тем более я считаю несправедливым то, что произошло с лесом и ведьмами.

Девушка наклонилась ко мне и принюхалась, улавливая чувствительным носом какой-то запах.

— Ты мне нравишься, поэтому я дам тебе совет. Ведьмы иногда творят столь же ужасные вещи, что и стихийники. Не доверяй ведьмам и их магии. А вот и он...

Запахавшись, ломая ветви на своем пути, к нам вышел Роман.

— Ах... вот ты где, — выдавил, согнувшись пополам.

Он набрал в грудь воздуха, желая добавить что-то, но девушка остановила его:

— Запомни раз и навсегда. Я не человек и никогда им не стану. Я тебе не жена, подруга или возлюбленная, я твой зверь-покровитель. И то, если посчитаю тебя достойным своего внимания. Возродишь Черный лес, и я приду к тебе сама. Попытаешься найти меня снова, не встретишь больше никогда. Маримар... — кивнула она мне, прощаясь.

Подпрыгнула высоко, вспыхнула яркой звездочкой и приземлилась на снег в зверином обличе. Обессиленный Роман рухнул в снег. Кожа его позеленела, но отнюдь не тем нездоровым цветом, какой окрасил щеки Ану, боровшегося с морской болезнью. Когда Роман слишком отдавался силе своей стихии, он становился зеленым, как кузнечик, что я находила довольно милым.

— Что это было? — спросил он, уютно устраивая голову у меня на коленях.

— Она же сказала — твой зверь-покровитель.

— Но она такая красивая, — разочарованно вздохнул парень, и оживший вьюнок пополз по его руке. — Я же влюбился!

— Придется тебе искать другой объект воздыханий, мой друг.

Вьюнок оплетал руку Романа и карабкался дальше. Меня бы подобное заставило занервничать, парень же лишь погладил листок, словно животное.

— Я ее завоюю. Сейчас поедим, потом быстренько оживим Черный лес. Кстати, что за место?

«Быстренько» явно не выйдет, учитывая, что некогда лес этот занимал одну двадцатую империи. А еще моему другу стоило бы подучить географию.

— Это там, где сейчас Великая пустыня.

— И какая она по размеру?

— Давай сначала доберемся до таверны и передохнем.

Я помогла Роману подняться, подвела к лошадям. Друг спокойно погрузился в сон, едва забравшись на своего коня, и тот послушно двинулся за Рыськой по извилистой тропе. Надеялась, что путь окажется близким, и очень обрадовалась, когда вдали показались бледные огни таверны, носившей название «Золотая олениха».

Я привязала лошадей у входа, помогла все еще сонному другу преступить порог. Несмотря на поздний вечер, народу было полно. Романа нужно было срочно накормить, по собственному опыту знала, как много сил отнимает управление магией.

Мы уселись за свободный столик у окна, заказали еду у дородной трактирщицы. Она была румяна и бела и явно пользовалась спросом у противоположного пола.

— Что ж его, бедненького, так шатает? — спросила сердобольная тетка. — Не болявый, случаем?

— Это он от голода, поест и придет в себя, — пояснила.

Женщина метнулась на кухню и принесла нам по порции горячего мяса, тушеного с морковью, картошкой и луком, — горшочки были преподнесены нам с пылу с жару. Роман поглощал свою порцию, будто увидел еду впервые за неделю. Я тоже изрядно проголодалась, но до его аппетита мне было далеко. Женщина принесла нам холодный яблочный сок, которым было вкусно запивать жаркое.

— Вроде благородный, а до такого голода себя довел. Или колдовал много? — Она оглядела Романа проницательными серыми глазами.

Решив, что вреда от правды не будет, я призналась:

— Колдовал.

— Маг земли, стало быть. Они здесь часто бывают. Что-то их сюда притягивает. Ты тоже со способностями?

— Нет, я без таких талантов живу, — решила я солгать в ответ на этот вопрос.

— Но одета как благородная. Из содержанок, что ль?

Покачала головой. Любопытство женщины утомляло, еще и мужчины за соседним столиком примолкли, прислушиваясь к разговору. Городок, на окраине которого стояла таверна, был небольшим, и каждая сплетня явно пересказывалась в нем по несколько раз.

— Я состою стражницей при том, кто больше платит.

— Женщина на страже у мужчин. Как интересно!

Трактирщица уселась на соседнее место, подперла голову пухлыми руками, приготовившись слушать. Роман все еще пребывал в полубессознательном состоянии, и она принялась расспрашивать меня

о жизни стражницы. Отвечала я сухо и кратко, но все равно привлекла внимание высокого плотного мужчины.

— Да какая стражница? Мышь тощая. — Его приятели согласно закивали, судя по всему — дровосеки-строители, уж больно они были одинаково широки в плечах. — Скорее всего, подстилка этого бледного лордика.

Меня его слова не задели, что обижаться на простого грубого мужика, у которого что в голове, то и на языке.

— А давай поспорим? — предложила. Роман, уминавший принесенные булочки, немного ожил и прислушивался к нашему разговору. По блеску зеленых глаз видела, что идея подраться с местными ему понравилась, и я продолжила: — Выйдем на улицу и поборемся, если я смогу победить, возьмешь свои слова обратно и за ужин наш заплатишь.

— Если победу одержу я, заплатите за нас всех, благородные, — добродушно пробасил мужик, огладил рыжую бороду и протянул мне большую ладонь.

Я пожалала его лапищу, мы вышли на улицу, а за нами высыпала вся таверна. Даже Роман отставил тарелку, хотя я знала, сделать это при магическом истощении ох как нелегко. Друг направился за нами, попутно начав собирать ставки с толпы. Лис хитрющий.

Бой закончился, практически не начавшись. Как и большинство мужчин, этот не решался ударить меня сразу и неловко переминался, думая, как же меня поймать. Я моральными терзаниями не страдала и тут же повалила его на спину, используя простую подножку и его собственный вес. Многие считают, что самые лучшие бойцы — здоровенные амбалы, обладающие большой физической силой. Она и правда имеет значение, когда дело касается войны, но, когда бой идет один на один, побеждает более быстрый и ловкий.

Мужчина лежал на спине и смеялся:

— Ты размерами-то с мою женку, а она даже толкнуть меня не может. Ладно, пошли обратно, заплачу за вас, молодежь. — Дровосек протянул мне руку. — Как тебя зовут? Я Эдвин.

— Ма... — чуть не выболтала я, но поспешно прикусила язык, — ...ришка.

Маришка было обычным деревенским именем, какое могла носить незаконнорожденная дочь любого дворянина и простой

женщины. Эдвин быстро смекнул, что к чему.

— Присоединяйтесь к нам. Мы еще по чарке пропустим, прежде чем по домам разойтись.

Роман был тут как тут, позвякивая кошельком, наполненным выигранными медяками. Сколько знаю друга, деньги для него — всегда деньги, будь то золотые королевские лиры, серебряшки или медяки. Видимо, семейное. Он легко выигрывал или зарабатывал и так же легко раздавал монеты, но всегда оставался в плюсе. Я же почти всегда жила с пустым кошельком. Даже в последнее время — моя одежда стоила целого состояния, седло на лошади было выполнено искусным мастером, имелся собственный замок, а денег как не было, так и нет. Надо это исправить. Глядя на друга, подумала, что стоит его попросить завести для меня счет в одном из банков. Не счет императрицы, а именно мой, девушки по имени... Маришка.

Роман заплатил за напитки для дровосеков и стал героем всей этой бородатой братии. Мы пели песни, смеялись и пили, Роман едва ли не больше всех. Эдвин переживал, не помрет ли худенький лордик от такого количества выпивки, но тот продержался дольше крупных мужчин. Растущая сила наградила Романа иммунитетом к спиртному, чему он был не слишком рад.

— Я ж маг земли, меня никакие болячки не берут. И алкоголь тоже, — с грустным вздохом добавил друг.

Мы пели в обнимку с деревенскими мужиками, когда дверь отворилась и в таверну вошел граф, у него даже снежинки на волосах не таяли. Взгляд его остановился на нашей компании, и мне показалось, что в зале стало на несколько градусов холоднее.

Я могла представить картину, которую он увидел: десяток небритых здоровых мужиков, пьющих медовуху как воду, Роман, держащий в одной руке истекающую жиром утиную ножку, а другой пытающийся заткнуть мне рот с воплями «Маришка, черт, я и не знал, что тебе медведь на ухо наступил!», ну и я, голосящая фривольную деревенскую песенку, невзирая на его попытки.

— Ваше высочество, позвольте сопроводить вас во дворец, — изрек граф официальным тоном, и воцарившуюся тишину нарушил только звук разбивающейся чарки, выпавшей из рук Эдвина. Роах не стал бы прилетать просто так, поэтому я собралась с мыслями и,

понимая, что прекрасный выходной подошел к концу, деловито поинтересовалась:

— Какова причина вашего визита, граф Роах?

— Принц Тавр требует вашего присутствия сию минуту, дело государственной важности. — Голос Роаха даже с присущей ему холодностью звучал взволнованно.

До дровосеков окончательно дошло, с кем они только что пили, ели и кому рассказывали неприличные анекдоты. Мужчины как один рухнули на колени. Да уж, сплетнями мы насытили городок как минимум на ближайшие лет двадцать.

— Всем хорошего дня. Роман, угости еще наших друзей. Потом тебе верну.

— Знаю я, как ты вернешь, — занял маг земли, — ты мне до сих пор три серебряных должна.

Я отвесила другу подзатыльник и бодро выскочила за графом.

— Что за срочное дело, что вам пришлось лететь за мной? — спросила, пытаюсь смотреть немного свысока, как надлежит правительнице.

Однако это сложно, когда собеседник выше тебя более чем на голову.

— Почему каждый раз, когда я застаю тебя внезапно, ты обнимаешься с незнакомцами? — строго отчитывал меня Роах, пока мы шли к небольшой поляне, откуда он собирался взлетать.

Имидж у меня, наверное, был так себе, но, с другой стороны, меня не растили как императрицу, и школу благородных девиц я не заканчивала. Однако не дала чувству смущения отвлечь себя.

— А еще пью и ем с ними. Роах, ответьте на вопрос.

Граф подхватил меня на руки и прижал к себе чуть сильнее, чем нужно, чтобы защитить меня в полете.

— Король объявил о помолвке с Аназис из клана Черного ветра. Слухи не ввали. Тавр переживает о твоей безопасности.

Мелькнула мысль, что Тавр, если бы действительно переживал о моей безопасности, позволил бы мне остаться в никому неизвестной деревушке, а не заставил Роаха тащить меня во дворец. Скорее всего, принц задумал что-то иное. Роах казался взволнованным, во время взлета он наклонился и украдкой поцеловал меня в макушку.

Чем выше мы поднимались, тем холоднее становилось. Под нами находился бескрайний лес, огни в окнах деревенских домиков стали казаться совсем крохотными. Я бы прижалась к графу, но от него не исходило тепла, и от этого становилось немного грустно.

— Не думаю, что моей безопасности будет хоть что-то угрожать до их свадьбы. И с чего вообще старый император снова решил жениться?

— Не знаю, котенок. Раньше я служил императору с радостью и почтением, но годы идут, и мне все сложнее понимать суть его решений.

Как ни странно, я суть его решений понимала.

— Тавр — не маг воды. Император хочет предпринять последнюю попытку заделать наследника, который будет обладать правильными способностями.

— Но он стар. Даже если ему это удастся, он не сможет дожить до дня, когда наследник взойдет на престол.

Я посмотрела на графа, захотелось видеть его глаза. Взгляд Роаха был неприлично нежным, а еще в нем была преданность, словно у собаки к хозяину, пусть и самому непутевому.

— Это неважно. Император тщеславен, ему важно доказать, что у рода еще есть сила.

— Откуда ты все это узнала?

Я промолчала. Последние несколько дней из-за занятий много времени проводила с Теренисом. Старик был жесток, но самым страшным его пороком оставалось тщеславие. На одном из наших занятий он сказал, что не состоялся как отец и как маг, раз вынужден быть учителем девчонки из обедневшего клана только потому, что его собственный сын — полная бездарность и может похвастать только смазливой мордашкой. Тогда мне стало обидно за Тавра, а потом до меня дошло, что все слова, сказанные императором, являли собой обрывки его размышлений. Их венцом и стало решение жениться снова.

— Котенок, я смогу тебя защитить.

— Не давайте обещаний, граф, которые не можете исполнить. Если прямо сейчас император повелел бы отпустить меня, чтобы я разбилась о землю, вы бы не смогли противиться.

Роах еще сильнее прижал меня к себе. Слова мои были хоть и правдивы, но грубы, и я до крови прикусила язык, наказывая себя. Ведь граф не по своей воле связан договором. Настроение портилось, небо затягивали тучи. Я еще не императрица, а врагов у меня куда больше, чем друзей.

— Император не бессмертен. А ты своими словами заставляешь меня желать, чтобы он умер скорее.

— И тогда ты будешь верен новому императору. Прости меня, Роах.

Прикоснулась к его лицу, прекрасному той суровой северной красотой, которую редко можно увидеть в наших краях. Мой порыв заставил его заговорить со мной как никогда откровенно:

— Это ты меня прости. Как только я тебя увидел, Маримар, во мне что-то изменилось. Жаждал завладеть тобой, увезти и спрятать, как какой-то варвар. Если бы ты знала меня лучше, поняла бы, что обычно я так себя не веду. Ты была сокровищем, которое подарила мне сама судьба, а я не смог тебя удержать и уберечь.

Вдали показались огни, мы приближались к столице. Как все же быстро летает граф...

— Ты всегда будешь мне нужен. Не знаю, смогла бы я выжить, если б не ты и не все те вещи, которым научилась благодаря тебе. Но я не сокровище, Роах, и не приз. Могу сама о себе позаботиться, могу думать и сама принимать решения. Раньше ты подозревал Тавра в измене империи. Ты все еще так о нем думаешь?

Нам редко удавалось побыть с графом наедине, без посторонних ушей. И как бы ни хотелось поговорить о чувствах, лучше было сосредоточиться на делах.

— Я уверен, что Тавр совершал чудовищные вещи. И все еще считаю, что он повинен в смерти старшего брата, отца Теренисамладшего, и покушался на племянника. Но сейчас, среди всех стервятников, которые кружат возле императора, предчувствуя его скорую кончину, он кажется мне не самым худшим претендентом на трон. И хотя я бешусь оттого, что он отобрал тебя, понимаю, что с тобой на престоле империя будет жить.

Мы приземлились на балконе у спальни Тавра. Я никогда в ней не была, но узнала по ароматам, которые исходили от принца. Мед, пряности, свет. Так же пахла его комната. Роах скривился, словно

запах был ему противен. Он глубоко вздохнул, прежде чем сделать шаг в раскрытую дверь. Спальня принца была в красных и золотых тонах, сам он сидел на искусно вырезанной из красного дерева кровати под золотистым балдахином, держась за голову. Волосы его беспорядочными волнами рассыпались по голым печам и переливались в отблесках пылающего камина.

— Тавр, я привел Маримар. Целую и невредимую.

— Я счастлив. — Принц отнял лицо от ладоней, встал и обнял меня. — Можешь идти, Роах, спасибо тебе.

— Но... — попытался возразить граф, от запаха в комнате ему явно было плохо, но очень не хотелось оставлять меня в объятиях полуголого жениха.

Меня же аромат пьянил и пробуждал приятные воспоминания. Тавр прикасался к лицу длинными изящными пальцами.

— Ты продрогла. Прости меня, но твое появление сейчас очень важно. — Тавр повернулся к графу и уставился немигающим совиным взглядом. — Роах, иди. Встретимся внизу через двадцать минут.

Тот кивнул и неохотно покинул комнату.

— Я слышала про объявление о помолвке. Случилось что-то еще?

Кожа Тавра казалась такой горячей, а я сильно замерзла. Скинув на пол заледеневший на ветру меховой плащ, протянула руки и прижалась к его теплему телу, мысленно оправдывая себя за то, что прыгаю от одного мужчины к другому. Но попытки успехом не увенчались.

— Мари, умоляю, давай скорее поженимся. В первую же нашу ночь я смогу зачать сына. Это несложная магия, я справлюсь. Так у нас будет шанс удержать Аназис и ее родственников подальше от трона.

Я даже отшатнулась после такого заявления. Принц взял меня за руки, посмотрел в глаза. Произнести вертевшееся на языке стало гораздо сложнее.

— Я не хочу пока рожать детей, Тавр. Мне восемнадцать, я не закончила академию.

— Неужели участь стать моей женой для тебя хуже смерти? — Глаза принца лихорадочно блестели, волосы в полном беспорядке спадали до лопаток. Тавр был взбешен и напуган. — Я знаю клан Черного ветра, они давно мечтали сменить династию. А я не собираюсь умирать из-за прихоти своего отца.

Я взяла лицо жениха в ладони, заставив его посмотреть на меня.

— Успокойся. Они не поженятся завтра или через месяц, приготовление к свадьбе королевской особы требует времени.

— Она претендует на мой трон! Мой по праву! Я так долго к этому шел, и еще не успел ничего сделать для...

Принц все не мог успокоиться и вел себя как капризный ребенок, того и гляди разревется. Я схватила его за плечи и хорошенько встряхнула.

— По праву наследования никто тебя не обошел. И каков шанс, что ребенок вообще родится, будет мужского пола и сохранит способности к управлению стихией? Подумай, Тавр!

Он опустил на кровать, положил голову мне на колени. Выглядел совершенно разбитым, но даже в таком состоянии был красив. С удивлением осознала, что он впервые не позирует, не пытается меня очаровать. Впервые такой, какой он есть на самом деле.

— Неужели я совсем не дорог тебе? — спросил он таким тоном, что мое сердце сжалось.

Я потихоньку влюблялась в Тавра и не могла себе в этом лгать. «Лаской можно укротить самого строптивого зверя» — гласит старинная мудрость. Намеренно ли принц всегда вел себя со мной так нежно, или это было природное качество, но я ожидала наших встреч с замиранием сердца и сладким предвкушением.

— Мне дорог ты, а не твои амбиции, — сказала так жестко, как только могла. — Возможно, Теренис-младший еще вернется из своего путешествия, и тогда вопрос с наследованием вовсе отпадет.

— Ты хватаешься за соломинку, моя прекрасная невеста. Младший — трус, он не пожелает взять на себя ответственность за империю. Но у нас мало времени. Здесь твое платье, и надень это. — Тавр протянул мне серьги и кольцо с черными крупными камнями, в свете камина переливавшимся всеми оттенками тьмы.

Платье оказалось серым с белыми вставками, но, несмотря на его кажущуюся скромность, подчеркивало все мои достоинства. Сам принц надел камзол и брюки в тон моему одеянию. Я растерянно стояла с платьем в руках, не зная, где мне скрыться.

— Мари, мне приходилось видеть обнаженных женщин. А на то, чтобы попытаться тебя соблазнить, у меня все равно нет времени.

Одевайся, и поспешим. Наше опоздание может быть воспринято отцом как оскорбление.

Стесняться и правда было глупо, поэтому я отвернулась, скинула платье, пропахшее таверной и огнем, и надела то, что принес принц. Тавр преобразился, стоило ему протянуть мне руку, превратившись в придворного, прекрасного и лживого.

— Было приятно видеть тебя настоящего, — прошептала, чуть склонившись к нему.

Принц вздрогнул, сжал мои пальцы и посмотрел в глаза.

— Что ты имеешь в виду?

— Раньше ты никогда не показывал мне своих слабостей. Никогда не терял лицо. Теперь я вижу и часть твоих дурных сторон.

— Я бы хотел, чтобы ты о них позабыла.

— А я нет.

Я смотрела на принца, который был капризен, иногда импульсивен. Принца, который несколько минут назад держался за меня, будто за спасательный круг. Мы шли по коридорам, и я не заметила, как, словно тени, за мной появились служительницы храма Кровавой богини, и была благодарна девушкам за немногословность. Кроме приветствия и комплимента «Вы прекрасно выглядите, ваше высочество» они ничего не сказали. Мы замерли перед бальным залом, когда о нас объявили:

— Принц Тавр и его невеста Мари из клана Синего огня.

Слово «наследный» было опущено, и это заставило Тавра сжать мою руку, он не причинил боли, но костяшки его пальцев побелели. Мы прошли через весь зал к возвышению, где сидели сияющая Аназис в розовом платье и император. Взгляд его казался каким-то лихорадочным, нанесенные на щеки румяна придавали лицу нелепый вид. Хотя, возможно, мое восприятие изменилось, с тех пор как я узнала Солнце нашей империи ближе. Мы подошли и склонились. Тавр коснулся губами царственной руки, как обязывал этикет. Мне пришлось сделать то же самое.

— Вы задержались. — Теренис не скрывал недовольства — наигранного, навеянного ночными разговорами, злым шепотом, чужой ненавистью.

Тавр расцвел в ослепительной улыбке, от которой две дамы упали в обморок. Я тоже постаралась улыбнуться, но до его очарования мне

было далеко.

— Дорогой отец, посмотрите на мою прекрасную невесту, разве вы бы не потеряли счет времени, оставшись наедине с такой красотой.

Теренис внимательно оглядел меня с головы до ног, я почувствовала, как взгляд задержался на украшениях на моей шее.

— Колье твоей матери очень идет Мари.

— Удивительно, что вы еще о ней помните, — в вежливых словах Тавра послышалась язвительная усмешка.

Никогда прежде принц не позволял себе проявлять хотя бы тень недовольства отцом. Император не понял или сделал вид, что не понял ремарки принца, а я поспешила отвести его дальше, пока в порыве злости он не ляпнул еще что-то. Тавр намекал на обещание, что Теренис дал в память о его матери. Но кто-то явно убедил старого императора, что ведьма, змеей прокрававшаяся в его семью, не заслуживает столь долгой памяти. Этот кто-то сидел на месте императрицы и сверкал улыбкой. Зубы у Аназис были мелкие, некрасивые, и то, что она позабыла о своем недостатке, говорило, что женщина находилась на вершине счастья.

К нам подошел Роах, вызвав в зале волну перешептываний. Всех смущала внезапная дружба принца и графа. Я поинтересовалась:

— Здесь есть представители клана Черного ветра?

— Артур, брат Аназис, слева от нее. — Мельком глянула на мужчину с черными, как у сестры, волосами, но с более смуглой кожей и большим прямым носом, считавшимся признаком аристократичности. — Еще в этом зале Самуил, их дядя и глава клана. Он выступал опекуном после смерти их родителей.

— Он же и подложил Аназис отцу, — добавил принц, все еще не в себе от злости.

Отыскать взглядом в толпе главу клана Черного ветра оказалось непросто — он был какой-то непримечательный. Коротко стриженные волосы невнятного серого цвета, небольшие черные глазки и куцая бородка придавали схожести с мышонком. Но я видела перед собой не грызуна, а хищника. Самуил был умен, это он негласно курировал принятие новых законов в империи. Он же помогал в расчете налогов и вершил суд. Никто не обращал особого внимания на этого серого человека, но именно он стоял лишь на несколько ступеней ниже

императора. Сама узнала об этом недавно путем подслушивания и подглядывания. Кстати о подслушивании.

Пока граф с принцем о чем-то переговаривались, подозвала Шару и Лилиан.

— Пошпионьте среди знати, узнайте, что они думают о помолвке императора.

Девушки кивнули и растворились в толпе, а я прислушалась к разговору собеседников.

— Они тебя либо уничтожат, либо постараются дискредитировать в глазах отца, — тихо говорил граф Тавру. — Я знаю Самуила, он никогда не останавливается перед целью.

Роах дышал через раз, держась так, чтобы его нос был как можно дальше от принца. Со стороны выглядело презабавно, но заставило задуматься. Если клан Ледяного ветра выслеживал и убивал ведьм поколениями, мог ли Роах чуют их магию? Если так, то его неприятие легко объяснимо: пахнувший медом и травами Тавр для графа вонял магией ведьм.

— Он не посмеет направить своих убийц против наследного принца, — ответил мой жених и привлек меня к себе целомудренным жестом.

Принц желал поддержки или пытался оставить на мне свой запах?

— Тебя бы что-то остановило в стремлении овладеть своей мечтой?

В словах графа слышалась угроза, и, дабы немного разрядить обстановку, я вмешалась:

— Могу попросить своих фрейлин сопровождать тебя. Они тренированные воины и смогут защитить в случае опасности.

Тавр в ответ на предложение пожал плечами, Роах раздраженно поинтересовался:

— И где сейчас твои тренированные воины?

— Слушают и наблюдают. Я попросила их проследить за настроением знати в связи с помолвкой.

— Как всегда умна и предусмотрительна. — Тавр поцеловал мои пальцы. — Истинная императрица.

Зазвучала музыка, и пары двинулись в бальный зал. Как обычно в торжественных случаях вечер начинался с вальса. Принц на правах

жениха ввел меня в круг, где уже танцевали придворные. Роах ретировался.

— Как прошла встреча с другом?

— Довольно интересно. — Я не сдержала тяжелого вдоха. Всего несколько часов назад разговаривала с волшебным зверем Романа, а сейчас танцую на балу в честь помолвки старого императора. — Мы оживим Черный лес.

Мой жених даже с шага сбился. Он посмотрел на меня, и во взгляде была буря эмоций: счастье, недоверие... любовь.

— Ты думаешь, что у вас с другом хватит на это сил? Кто он?

— Роман из клана Золотой долины. Наследник Родрика Золотого.

— Маг земли небывалой силы. Я слышал о нем, но думал, это рассказы.

— Нет, это правда. Роман — элементаль земли.

— Молодой элементаль, истинный правитель... Возьмете скромного ведьмака себе в помощь? Черный лес был не только убежищем ведьм. В нем жили редкие звери и птицы, росли удивительные травы. В моей семье еще сохранились семена многих растений, и если Роман сможет дать им искру жизни... Это смелая мечта. Спасибо тебе за нее.

Тавр снова поцеловал мои руки, как только окончился танец. Его глаза влажно блестели, и блеск этот был не наигран. В детстве Тавр слушал сказки о Черном лесе, пел о нем песни. Для него убежище ведьм представляло утраченным раем. Поучаствовать в его возрождении... Есть ли лучший способ почтить память его матери?

Одна из бывших фрейлин поторопилась перехватить моего жениха на следующий танец. Отказать воинственно настроенной даме, не оскорбив ее, Тавру не представлялось возможным, а я не желала раздувать скандал показной ревностью, так что отправилась за водой к изящным столикам из хрусталя, где толпились замужние дамы в положении и не танцующие мужчины.

— Вы одни. Как же жених смог оставить такую красавицу? — Возле меня возник Артур.

Брат Аназис явно считал себя привлекательным, а его титул, положение в обществе и вполне симпатичное лицо обеспечивали успех у женщин. Если бы я никогда не видела Роаха и Тавра, он бы мог показаться мне симпатичным — стройная фигура, хорошо сшитый

костюм, начищенные до зеркального блеска ботинки с узкими носами, делающими ступни непропорционально длинными. Почему-то они завладели всем моим вниманием.

— Залог успешной семейной жизни — личное пространство друг для друга.

Мое отражение в этих черных зеркалах искажалось. Крохотная голова, огромное тело. Нежеланный собеседник не мешал размышлять и немножко себя жалеть. Больше всего на свете мне хотелось забраться в постель, а не поддерживать светские беседы и танцевать до сбитых в кровь ног. Завтра — первое занятие ведьмовством с Гораной, теткой принца, и интуиция подсказывала, что церемониться со мной она не станет.

— Меня зовут Артур, — сказал мужчина с улыбкой, которую несомненно полагал очаровательной, — позвольте подать вам бокал вина. Вижу, вы утомлены.

Жидкость в зеленом бокале искрилась. Вина Родрика Золотого всегда подают в зеленых бокалах.

Я смерила брата Аназис не самым приятным взглядом и с трудом выдавила из себя ответную улыбку.

Его внимание мне было нужно меньше всего, а уходить этот лоснящийся мужчина не торопился.

— Ох! Вино! Какая прелесть, как галантно. Спасибо. — Подлетевшая к нам мама схватила бокал, причмокивая, осушила его и вернула ошалевшему Артуру.

Она схватила меня под руку и принялась громко болтать о прелестях двора и очаровании аристократов, с которыми я еще не успела познакомиться.

— Сюзанна великолепно вышивает, Дора играет на пианино, и ты бы видела деток Лилисы, это просто ангелы!

Мама была одета в голубое платье, которое шло ее северным глазам и весьма молодило. В волосах сверкали фамильные драгоценности, она должна была преподнести их мне в качестве приданого, но не решилась с ними расстаться. Как только мы оказались за колоннами, увитыми красным плющом, старательно выращенным придворными магами земли, матушка решила, что пришло время наставлений.

— Будь осторожна с этими лордами и герцогами. Скомпрометировать тебя — лучший способ отвалить от двора. — Матушка обмахивалась веером, словно здесь было жарко. Я давно отвыкла считать ее частью своей жизни, поэтому каждое слово воспринимала с немалым удивлением. — И почему ты позволила увести своего жениха этой блондинке? Перед свадьбой самый большой риск неверности.

— Мама, мы не подруги, чтобы разговаривать на эту тему. Но я уверена, Тавр не станет поддаваться на ее уловки.

Мы прогуливались по богато украшенному залу в красивых платьях и беседовали. Словно ожила моя детская мечта. Если бы во мне осталось чуть больше от той маленькой девочки, я бы наслаждалась происходящим.

— Не сердись на меня, дорогая, что так мало уделяла тебе внимания в последнее время. Но рядом с тобой всегда принц, или же ты пропадаешь в академии. Когда ты уже ее бросишь?

— Ты уделяла мало внимания последние восемнадцать лет... Мама, что с тобой?

Она вдруг тяжело задышала и осела на пол. Щеки пылали, взгляд бегал по сторонам, задерживаясь на мужчинах. Не успела я всерьез испугаться, как поняла, что произошло. После того как сама испытала на себе действие Багровой лилии, могу с легкостью опознать этот наркотик. Рывком подняв маму на ноги, подозвала слугу. Действовать надо было быстро, пока родительница не испортила свою новоприобретенную репутацию, которой несомненно дорожила. Наркотик или не наркотик, а даме не простят, если она прилюдно повиснет на незнакомце.

— Приведите сюда моего отца. Сейчас же. И подгоните закрытую карету.

Едва папа увидел матушку, побежал к ней со всех ног.

— Что случилось, любовь моя? — Взял ее за руку, и она принялась жалобно хныкать.

— Увези ее отсюда, сейчас же. Она случайно выпила настойку Багровой лилии.

Отец кивнул, не задавая лишних вопросов. За что его и люблю.

Я же была в бешенстве. Любезный брат Аназис вознамерился меня отравить и отвести в одну из маленьких уютных гостиных,

которых в дворце было в изобилии. А если бы это была не провальная попытка соблазнения, и в бокале оказался бы настоящий яд? Я бы смогла пережить отравление, но не моя мать. От одной только мысли, что кто-то мог навредить моим близким, хотелось кричать.

Разъяренной фурией влетела в зал в разгар веселого танца.

— Прекратить играть! — велела, даже не подозревая, что использую магию голоса.

Музыка стихла, музыканты удивленно уставились на свои руки. Танцующие замешкались. Я увидела Артура.

— Подойди сюда! — приказала, и он пошел ко мне против своей воли.

Зеркальный зал был полон света, и я в своем сером одеянии с растрепавшимися волосами походила на пришедшую испортить праздник ведьму.

— Ты хотел напоить меня Багровой лилией? Говори правду!

— Да, я отравил вино, — произнес Артур и зажал рот.

Аназис поспешила к нам, призывая стражу.

— Всем стоять на месте! — заорала я, и больше никто не двинулся ни на шаг.

Только император тяжело поднимался с трона.

— Назови причину. — Горло начинало болеть, желудок сводило — я еще никогда не подчиняла своей воле стольких людей.

— Соблазнить. Скомпрометировать тебя, — сквозь сжатые зубы выдал Артур. — Заставить выйти замуж за меня.

Я хотела задать еще пару вопросов, но император воскликнул:

— Довольно! — И его магия пронеслась по залу, сметая мою.

Я ощутила ее воздействие, словно удар под дых. Ко мне поспешил подойти Роах и встать между мной и взбешенным императором. Где в этот момент носило Тавра, неизвестно. Хотя... Багровая лилия и та фрейлина. В душе поселилось поганое чувство.

— Ваше высочество, думаю, вы устали. Я провожу вас в покои.

Роах мягко повел меня к выходу из зала, когда вмешалась Аназис:

— И вы спустите ей это? Она ведет себя, словно уже императрица.

Женщина, которая в свое время напомнила мне хрупкую певчую птичку, теперь больше походила на крикливого коршуна. Император

переводил покрасневшие глаза с нее на нас с графом. Ему что-то не нравилось.

— А кое-кто уже утвердился во мнении, что именно она — будущая повелительница империи.

Мне стало страшно. Не за себя, за графа. Император никогда не сомневался в его верности. До сегодняшнего дня. Теренис буравил Роаха взглядом, тот не сдвинулся с места. Старик вздохнул и улыбнулся, одним своим взглядом приказывая забыть о конфликте.

— Что ж, время позднее. Я приказываю тебе, Роах из клана Ледяного ветра, проводить Мари в ее покои и удостовериться, что никакие навязчивые ухажеры не предпримут попытки соблазнить ее по дороге.

Император вновь улыбнулся, он шутил. В зале слышались натянутые смешки, перерастающие в бурное веселье. Теренис решил превратить все в шутку, сделав вид, что не заметил откровенных притязаний Артура на трон и, следовательно, измену короне. Я бы этого так не оставила и как минимум изгнала бы его из столицы.

Роах взял меня под локоть и повел в сторону от придворных.

— Не стоило так явно проявлять свою силу. Теперь тебя могут посчитать опасной. — Тон графа был холоден, но его руки горели огнем.

— Я тоже могу сказать, что не стоило так явно проявлять свою лояльность мне, но разве это что-нибудь изменит?

Граф рассмеялся. Хорошим таким мужским смехом, от которого по коже побежали мурашки и без всяких там афродизиаков. Кстати...

— Нужно срочно найти Тавра. С ним могли провернуть то же, что и со мной.

— Одна из твоих новых фрейлин, Лилиан, кажется, шепнула мне, что принц отравился Багровой лилией. Твои девушки смогли запереть его в спальне до того, как он сделал бы что-либо непоправимое. — На мой удивленный взгляд Роах пояснил: — Амалия принадлежит к знатному роду. Она могла бы сказать, что принц опорочил ее, лишив невинности, и таким образом вынудить его жениться на себе, играя на его благородстве.

— Сомневаюсь, что у нее вышло бы. Принц не отказался бы от трона из-за чьей-то поруганной чести.

Внутри что-то расслабилось, все же я не могла представить себе Тавра с другой.

Мы приближались к моим покоям, и с каждым шагом все больше наваливалась усталость. Роах проводил меня до самой двери, пожелал доброй ночи. В комнате я не глядя рухнула на кровать. На что-то объемное такое рухнула, и это «что-то» схватило меня знакомыми руками.

— Поймал! — воскликнул принц и принялся целовать мои руки, шею, с легкостью разрывая ткань платья.

Как я могла забыть про тайный ход, соединяющий спальни!? Тавр снова был полураздет, но теперь находился в романтическом настроении, а это многое меняло. Его золотистая кожа искрилась в свете свечей, волосы шелком спадали мне на шею. На миг обомлела от совершенной красоты жениха, одновременно хотелось смеяться и плакать, смотреть и прикасаться к нему и никогда больше не видеть.

— Тавр, слезь с меня, — прокричала я, но вопль выдался каким-то вялым.

А стоит ли вообще сопротивляться? Он мой жених, и рано или поздно это произойдет.

Принц поцеловал меня в губы так нежно, что дыхание сбилось, а мысли улетучились в неизвестном направлении.

— О, нет. Не слезу. Я едва контролирую себя после того странного вина. Так что прости, если сделаю больно.

Вот теперь крик получился самым натуральным. Головой ударила принца в безупречную переносицу, вывернулась из его захвата и оказалась сверху. И замерла в растерянности, потому как Тавр и не думал сопротивляться, с восхищением смотрел на меня снизу вверх. Его руки медленно опустились на оголенные плечи — я даже не успела отшатнуться — и стянули платье до талии.

— Сияешь, как луна, — пробормотал он и потянулся руками к груди.

В этот момент дверь настежь распахнулась, и в комнату влетел Роах. Видимо, был недалеко и услышал крик. Влетел и застыл на месте.

— И что ты здесь забыл? Не видишь, тебе здесь не рады? — Тавр извернулся как кот, словно был гораздо гибче обычного человека.

Роах сделал шаг назад, когда я спрыгнула с принца, кое-как натянув платье.

— Тавр под Багровой лилией, — напомнила, стараясь, чтобы слова не звучали оправданием, я-то ничего плохого не сделала. — Думаю, его высочеству не помешает компаньон, который удержал бы его от необдуманных поступков.

— Я пригляжу за принцем, пока не иссякнет действие зелья. — Роах сделал пару простых пассов руками, и одеяло надежно сковало извивающегося в нем Тавра.

— Но я хочу остаться с Мари! С моей Мари. Такая сильная, нежная...

— Ну, я не нежный, но сильный, — хмыкнул граф, и одеяло с принцем вылетело в коридор. Следом, пожелав мне доброй ночи, покинул комнату Роах.

ГЛАВА 11

Тетка Тавра готовила восхитительный чай. Сладкий, с сушеными лесными ягодами, которые походили на карамельки, и мятой. Все ее действия сопровождало гнетущее молчание, она ждала, когда я начну разговор. У меня же не было слов. В конце концов она не выдержала:

— Почему ты приехала одна, без моего племянника?

Я вспомнила, как рано утром через тайный ход прошла в комнату к Тавру и попыталась его разбудить, чтобы отправиться к Горане. Наследный принц возлежал на горе подушек и облизывал потрескавшиеся губы. Он хотел пить, а воды в спальне не было. Из-за усердности Роаха никто не мог посетить Тавра, перед его покоями всю ночь дежурил мрачного вида молчаливый детина и всем жаждущим увидеться с принцем отвечал односложной фразой «Велели не пушать». После ночных приключений мне показалось преступлением тащить куда-то жениха, поэтому я принесла ему кувшин холодной воды и оставила отдыхать.

— Тавру нездоровится. Вчера его случайно угостили Багровой лилией.

— Багровой лилией случайно не угощают.

Я вкратце поведала ей историю, умолчав о некоторых деталях, — в комнате были девочки. Они не спешили уходить, визитеры были для них в новинку, и любопытные глаза пялились на меня со всех сторон.

— Ясно, — вздохнула Горана, — этого следовало ожидать, после того как аристократы проведали, кто ты такая. Ваша помолвка опасна для сторонников клана Черного ветра, ее попробуют расстроить. — Женщина говорила обыденным тоном, она много знала о внутренней жизни двора. Слышала от сестры или ей рассказывал Тавр? — Я дам тебе настойку, которая облегчит его самочувствие. А сейчас давай поговорим о магии ведьм.

Я кивнула. Чашка приятно согревала ладони. От Гораны не укрылось, что я сжала ее крепко, а не взялась за ручку, манерно оттопырив мизинец. Говорят, так чашку держат бедняки. Горана тоже обняла свою обеими руками, сделала глоток и начала говорить:

— Ведьмы могут предсказывать будущее, создавать иллюзии, левитировать, знают язык животных и растений и многое другое. Каждая женщина обладает ведьмовским талантом, для этого не нужно принадлежать к какому-то особому роду. Но талант этот разнится, у кого-то он сильнее, а кто-то почти ни на что не способен. Говорят, что богиня дала способности слабейшим, тем, кого некому защитить. Чем громче плачет твое сердце, тем больше у тебя сил. Я научу тебя, Маримар, нашему календарю, научу понимать зверей и обманывать людей. Травничеству тебя обучит Тавр, он в этом очень талантлив. — Опустив голову, она добавила: — Тавр — единственный мужчина, которому доступна наша магия. Это делает его одиноким.

Мужчина-ведьмак. Даже звучало странно. Я помнила, что на кострах сжигали только женщин, мужчин судили за пособничество ведьмам и отправляли на рудники. Интересно, что случится с Тавром, если кто-то узнает о его способностях? Спасет ли его королевская кровь? Думать об этом не хотелось, поэтому спросила:

— К слову о травах, Тавр говорил, что у вас остались семена растений, росших в Черном лесу.

Горана кивнула, но неохотно, словно при других обстоятельствах никогда бы не призналась, каким сокровищем обладает. А семена и вправду были сокровищем, если учесть, сколько удивительных свойств приписывалось тем растениям.

— Мы пытались сажать их в другом месте, но они теряют свои волшебные свойства. Трагедия заключается в том, что земля Черного леса навеки проклята.

— Может, и не навеки, — буркнула я.

Упомянула вскользь, чтобы увидеть реакцию. Как и ожидалось, глаза Гораны загорелись, она не могла поверить моим словам, когда я рассказала про план восстановления леса. Женщина взяла меня за руку и впервые посмотрела без вызова, с нежностью.

— Я приложу все усилия, чтобы вам помочь. Черный лес был источником нашей силы. Когда вы планируете начать его воскрешение?

Пожала плечами, Роман рвался как можно скорее приступить к восстановлению, а я чувствовала, что не стоит пускаться с места в карьер, лучше испросить совета, например у ведьмы. Было видно, как тетка Тавра прокручивает мысли в голове.

— Когда зима встретится с весной, — наконец забормотала она, — в день весеннего равноденствия и нужно начать оживлять лес. Календарь — одно из самых важных наших изобретений, а маги предпочли забыть о нем. Что ж, я поведаю тебе...

Горана говорила долго, путано, заставляя повторять за собой. Она сама ничего не записывала и жестко отказала в ответ на просьбу сделать пару заметок. Голова пухла от информации, но она оказалась на удивление полезной. По ведьминскому календарю можно было рассчитать, когда лучше заключать брак, заводить детей; привязанный к Солнцу и Луне, он четко разграничивал, когда в мире правит Смерть и когда Жизнь.

— Богиня, в которую мы верим, — богиня вечного Возрождения. Каждую зиму она превращается в старуху и умирает, чтобы весной вернуться к жизни вместе с деревьями и травами.

Метка на руке зазудела, и я задрала рукав, чтобы ее почесать. Опять что-то не то съела?

Горана заметила цветок, и чашка со звоном выпала из ее рук. Чай разлился неровным пятном, намочив зеленую льняную скатерть. Ведьма схватила меня за запястье.

— Откуда у тебя этот знак?

— Из храма Кровавой богини.

— Как?! Как ты его получила?

Пришлось поведать о своих приключениях на родине Ану. О храме, прислужницах и многорукой статуе, ожившей, чтобы даровать мне убежище. Девочки внимательно слушали и ахали, но не от расписываемых чудес, сотворенных неведомым божеством, а от рассказа о жизни Востока, господах и их слугах. Юным ведьмочкам было интересно, как живет внешний мир. Что ж, может, со временем найду способ вытащить их из трущоб.

Как только я закончила, Горана вздохнула.

— Моя мать боялась, что и мы, ведьмы, слабеем с каждым поколением. Прабабка могла превращаться в волчицу, но эта способность была нами утеряна наравне с другими самыми сильными.

— Но магия возвращается в мир. Роах парит как птица, мой друг может в один момент спасти около пятидесяти человек, в небе снова летают драконы. А я...

Прикусила язык. Я старалась не говорить Горане ничего, о чем бы она уже не знала.

— Как давно начались эти чудеса? — спросила ведьма с хитрой улыбкой, которая делала ее похожей на кошку.

— В мою жизнь чудеса вошли полгода назад. — Я пожала плечами.

В словах женщины явно чувствовался какой-то намек, но я была слишком твердолобой, чтобы его понять. В конце концов Горана сдалась.

— Чудеса начались, когда ты встретила Тавра. Ваша встреча предопределена, вместе вы вернете миру магию. А теперь давай продолжим разговор о календаре.

Ведьма отпустила меня на закате, уставшую, с гудящей от информации головой. Я пустила свою кобылу легкой рысью мимо покосившихся домиков и их неопрятных жителей. Снег покрывал давно не отремонтированные дороги и слабо искрился в свете редких огней. Трущобы — не то место, где стоит задерживаться в вечернее время, поэтому я спешила. Скоро время ужина. Как бы неловко мне ни было видеть Тавра после его вчерашней выходки, я дала обещание, что поужинаем мы вместе.

* * *

— Давай же! — кричал на меня Теренис-старший после того, как я седьмой раз подряд безуспешно силилась создать водяной хлыст, распадавшийся при попытке взмахнуть им.

Неделя выдалась изматывающей. С горем пополам сдав Ниньо промежуточный экзамен по магии огня, получила несколько серьезных ожогов. Эльдар настолько усердно нас гонял, что даже тренированные воины из храма Кровавой богини — их было уже четверо — выли и бегали в лазарет, чтобы хоть немного подлечить мозоли, изукрасившие ступни. Рядом с нами постоянно крутился Ану, он уже не пытался вымолить прощение, вместо этого напрашивался ко мне в качестве личной стражи, но я вежливо отказывала.

Роман пребывал в мечтательном расположении духа и каждую свободную минуту тренировался в магии земли. Он верил, что одной

лишь своей волей сможет оживить Черный лес, в чем я искренне сомневалась. Нужен был план, а для этого очень пригодилась бы помощь ведьм. Сигурд похвалил наше желание исправить ошибки его молодости, но не особенно верил в успех. Старикам свойственен пессимизм, вот он и ворчал, а помочь не стремился.

Снежа постоянно бегала за Роахом, Алексис сказала, что она к нему и по вечерам заходит. Маги-строители быстро восстановили домик ректора после устроенного Ану взрыва, но студентки там больше не жили, для них наконец-то возвели отдельное общежитие. Поговорить с кузиной удавалось чрезвычайно редко, от приглашений во дворец она отказывалась, а я не могла как раньше пойти в таверну, чтобы выпить медовухи и посмеяться с друзьями.

Водяной хлыст в руке выглядел вполне благонадежным, пока я им вновь не взмахнула. Вода тут же распалась сотней разрозненных капель.

— И это — избранный повелитель! Элементаль воды! — злобно орал император.

Он стал очень жестоким на тренировках, будто злился на меня за что-то, но узнать причину его гнева я не решалась. Аназис, словно ручная канарейка, почти всегда была при нем — держу пари, это она что-то напела обо мне императору.

— Объясните, что я делаю не так? — Я пыталась сосредоточиться, как он учил: «Вода — это я, вода продолжение моей руки», но никак не удавалось.

— Ты же настолько талантлива, что фактический глава моей армии открыто выступил за тебя перед знатью. Неужели не можешь понять? Да и чак-чо не из-за смазливой мордашки к тебе явился.

Хлыст распался лужей. Защита Роаха на том приеме... Граф открыто вступился за меня перед императором, невзирая на связывающие их договоры. Понимал ли он, как рисковал? А чак-чо... До меня вдруг дошло, что Теренис просто-напросто завидует. Что бы он ни делал в своей жизни, чак-чо не признал его истинным правителем, волшебный зверь не пришел к нему. Да и Роаха в последнее время держал лишь Кровавый договор. Посмотрела на императора. Старый человек должен был приобрести хоть немного мудрости, но Теренис продолжал мыслить категориями силы.

— Ты всего лишь девчонка! И талантов у тебя не больше, чем у моей портнихи. Пожалуй, стоит прекратить эту глупую игру. Великий правитель... Смех, да и только.

Мерзкий, злобный... Теренис вполне мог себе позволить отменить занятия, сославшись на мою бесталанность. Этот пункт был прописан в договоре очень ясно.

Все ручки, пересекавшие тренировочную комнату, остановили свое движение. Поднялись с пола исполинскими змеями и полетели к императору, чтобы замереть в нескольких сантиметрах от его лица. Теренис потрясенно, со смесью страха и восхищения взирал на ожившие ручки, я же смотрела на него, с трудом держа спину ровно.

Хлысты, покачиваясь на невидимом ветру, вернулись ко мне.

— Грубовато, но на первый раз сойдет, — буркнул старик и удалился.

Едва дверь за ним закрылась, я упала на колени. Вода, больше не скованная моей волей, вернулась в естественное состояние и растеклась по желобкам в полу. Я бы и сама растеклась безвольной лужицей, если б могла себе это позволить.

До коридора, ведущего в спальню, дошла кое-как, но ноги уже не держали, и я опустилась на четвереньки. Стоило ли мое «фи» императору такого измождения, оставалось под вопросом, но, сожри меня дракон, я ничуть не жалела о содеянном.

— Самодовольный, напыщенный, злобный, — пыхтела себе под нос, упрямо ползя к своей комнате.

К счастью, пока мне никто не встретился. Коридоры дворца были на удивление пусты. Скорее всего, придворные развлекают Аназис.

Путь преградил некто в золотистом халате. Слава богам, только один человек при дворе имеет нездоровую любовь к парче.

— Надеюсь, эпитеты не в мой адрес, прекрасная невеста?

Сил не хватало даже на то, чтобы поднять голову. Я собиралась продолжить унижительное возвращение в свою опочивальню, но принц опустился на одно колено и взял меня на руки. Покачнулся, обретая равновесие, но, поудобней перехватив меня, понес в спальню.

— Я с тренировки. — Пояснений не требовалось, но мне показалось жизненно важным объяснить, что не от большой любви к мозаичной плитке я возвращалась ползком.

— Вижу. Мари, если ты будешь так себя гонять, не доживешь до свадьбы, не говоря уж о коронации. От тебя кожа да кости остались. — Тавр легко подкинул меня на руках — с началом регулярных упражнений магией воды я стала худеть с чудовищной скоростью.

Он занес меня в спальню и уложил на кровать. Сервированный ужин давно остыл. Если бы не забота Тавра, я бы уже умерла с голоду.

— Мы осваивали водяной хлыст, — пробормотала в свое оправдание.

— Мой племянник так и не сумел им овладеть, отец был в бешенстве. Лежи, я тебя покормлю.

Нет ничего романтического в том, чтобы тебя кормили с рук мясом, но Тавр ухитрился и этот процесс превратить в нечто привлекательное. Он нарезал тонкие ломтики, нанизывал на крохотную вилочку и скармливал мне их с выражением полного довольства жизнью. Сочные кусочки падали желудок и, как мне казалось, моментально таяли.

— Если честно, никогда не видел такой прожорливой девушки. Не знаю, потянет ли казна, — усмехнулся принц, заработав злобный взгляд с моей стороны.

Тавр выбирал самую калорийную пищу — мясо, жирный сыр, хлеб и орехи. Восполнив энергию, я наконец смогла подняться на локтях. Стол был сервирован на двоих, и принц не так хотел провести этот ужин.

— Давай сядем за стол.

— Нет уж, будем есть как варвары, в кровати. — Тавр взмахнул рукой, и подносы с едой полетели к нам. — Хотел попросить одолжить мне твоих стражниц на несколько дней.

— Зачем? — Меня не пугала мысль ненадолго расстаться с Шарой, Лилиан, Кристал и Наирой, но причина должна быть веской.

— Я хочу отлучиться в дальние леса на сбор зимних трав и ягод для ведьминских зелий, а в моей страже нет никого, кому бы я доверял достаточно, чтобы взять с собой. Твои же девушки хорошие воины и умеют молчать.

— Если кто-то во дворце узнает, что ты практикуешь ведьмовство, тебя повесят.

— Скорее, сожгут на костре, — усмехнулся Тавр.

Эти постоянные кривые улыбочки означали, что принц нервничает. Я откинулась на фиолетовых простынях с изображениями

моих любимых фиалок и сказала, рассматривая расписной потолок:

— Обещаю дать тебе стражу, если пообещаешь прекратить меня очаровывать.

— Маримар, я уже давно не очаровываю тебя специально. — Фраза заставила меня густо покраснеть. — Спасибо за помощь и за то, что не задаешь вопросов.

— Ты тоже их не задаешь.

Подносы, послушные жесту принца, улетели обратно на стол, и Тавр вытянулся рядом со мной на кровати. Это не казалось чем-то неправильным, наоборот, мне хотелось его обнять. Тряхнула головой. Нельзя на него смотреть подолгу, завораживает, как огонь бабочек. К слову об огне...

— Нашелся способ контролировать пламя Ану?

— Ниньо говорит, что далеко на востоке, в горах, откуда она родом, есть маги, которые учатся усмирять стихии посредством медитаций и единения с природой. Сейчас рассматривается вариант об отправке туда Ану для тренировки своих способностей.

— А если не сработает? — Как бы я ни злилась на мага огня, он был моим другом.

— Ему придется до конца своих дней носить браслеты с боцником. Элементаль такой силы не имеет права впадать в безумство.

Грустно становилось от мысли, что один из самых талантливых магов империи будет жить без своего дара. Говорят, для мага это как ампутация. Могла бы я свыкнуться с этим?

Словно прочитав мои мысли, Тавр спросил:

— Ты бы смогла жить, расставшись с магией воды?

— Я не так давно ей владею, чтобы воспринимать как часть себя и полагаться только на нее. Но это сделало бы меня уязвимей. А как насчет твоей магии воздуха?

— Что бы ни случилось, со мной всегда останутся мои знания. Как говорят, хочешь обезоружить мага — свяжи ему руки за спиной и заткни рот кляпом, хочешь обезоружить ведьму — сделай то же самое, обрежь волосы, сними с нее всю одежду и сотри знаки с ее кожи. А лучше сразу убей. Поэтому я и хочу, чтобы ты обучилась нашему искусству. Так ты станешь очень сильной.

Мы еще немного поговорили, и я не заметила, как провалилась в сон. Мне снилась женщина, не низкая и не высокая, не молодая и не старая. Ее волосы сияли золотом, чернели словно сажа и пламенели закатным светом. То смеясь, то грустя, она повторяла одно и то же: «Будь верной только себе, поступай так, как велит совесть».

* * *

Вызов в кабинет ректора стал для меня полной неожиданностью. Письмо прилетело на уроке истории, как раз к окончанию промежуточного экзамена. К счастью, я уже сдала работу, когда преподаватель велел мне как можно скорее явиться к Роаху. Раньше появление подобного письма заставило бы однокурсников гаденько хихикать, сейчас же все проводили меня почтительными взглядами. Только Роман изобразил страстный поцелуй, обняв себя руками, и Алексис, сидевшая рядом с ним, сдавленно засмеялась. Хоть кто-то не меняется.

Я шла по пустым коридорам, поглаживая шелковую серую ленту на синем форменном платье, — «тайная служба». Теперь нас было семь с такими знаками — Роах принял на учебу девушек из храма Кровавой богини, написав письмо Бат и получив ее разрешение. Для академии девушки оказались просто находкой. Каждая из них уже говорила на трех языках, они были тренированы, что позволило зачислить их прямо в середине учебного года. Знание истории империи и благородных родов каждая из них наверстывала в свободное от обязанностей телохранительницы время. Бат вела переговоры о том, чтобы каждый год присылать в академию по паре девушек, графу предложение нравилось. Сама того не подозревая, я положила начало одному из самых значимых межкультурных контактов с Востоком за последние двадцать лет — вслед за академией и другие учебные заведения открыли свои двери для девушек и юношей с Востока. Халиф посыпал голову пеплом, понимая, что вскоре эти образованные по западным традициям женщины вернутся домой и вряд ли захотят снова кутаться в темные одежды и беспрекословно слушаться своих мужей. Элия рассказала, что я стала знаменитостью в школе Танцующих леди. Девушки, которые раньше

не видели для себя иной участи, кроме как стать вторыми женами, теперь массово хватались за учебники в стремлении поступить в юридическую, художественную и другие академии, где принимали женщин.

В кабинет Роаха я входила в приподнятом настроении, но оно испортилось, стоило увидеть Снежу.

— Присаживайся, Маримар, — пригласил граф, и я опустилась на свободное кожаное кресло.

И зачем он вызвал нас одновременно? Да еще выдернув с экзамена! Снежа-то закончила гораздо раньше меня. Она вообще отличалась запредельной скоростью, когда дело касалось письменных экзаменов. Качество работы, правда, страдало, но быстрее Снежи в академии было не сыскать. Она смотрела на меня, недовольно поджав полные губы. Толстая светлая коса, переброшенная через плечо, свисала до талии. У блондинок редко бывают такие густые волосы.

Граф, по своему обыкновению, пил чай. Судя по тому, что кружка все еще не покрылась инеем, он давно не использовал свои способности на полную.

— Я не просто так позвал вас сюда. В академии и на факультете тайной службы произойдут небольшие изменения. С этого дня начнется обучение сыску. И все должны уметь работать в паре.

— Что значит «сыску»?

— Это значит, что вы будете учиться видеть следы преступлений и искать виновных. И я думаю, вы идеально подойдете друг другу в качестве напарниц.

Мы со Снежей смили друг друга похожими взглядами. «Ты? Почему ты?» Да и зачем мне учиться какому-то сыску, если могу использовать магию голоса при допросе подозреваемых?

— Я не думаю, что мы со Снежей подходим друг другу.

— Роах, какого черта? Не буду я с ней работать! — более эмоционально высказалась блондинка.

— Не забывайся, я здесь ректор.

У меня от его тона все внутри сжалось, а девушка вскочила с места, сверкая наглыми голубыми глазами.

— А я твоя единственная сестра! Не смей мне указывать, — капризно воскликнула она.

Сестра! Снежа — младшая сестра графа! И как я раньше не замечала, как они похожи? Высокие, стройные — в обоих чувствовалась порода. Густые платиновые волосы, узкие лица...

— От нее одни неприятности, я не хочу быть ее напарницей!

— Либо работаешь с ней, вежливо и выкладываясь на полную, либо отправляешься домой и сама объясняешь отцу, за что я тебя отчислил.

— За то, что благоразумно не подвергаю весь клан опасности, в отличие от некоторых. Как близок ты был к нарушению клятвы ради нее? Моя, твоя смерть, смерть нашего отца, наших кузенов стоит ее? — кричала Снежа.

В комнате поднялся ветер. Девушка была сильна и излишне эмоциональна. Теперь я поняла причину ее неприязни. Она не была влюблена и не ревновала графа, она боялась. Если Роах нарушит договор, погибнет весь клан.

— Успокойся, сядь, — попросила ее, не вкладывая в слова никакой магии. Снежа перевела на меня взгляд, ветер утих, но с места она не сдвинулась. — Я не хочу навредить никому из твоей семьи. И работать с тобой тоже не горю желанием. Роах, прошу, поставь меня в пару с Алексис. Мы уже работали с ней на занятиях у Ниньо и смогли добиться успехов.

— Прости, ко... Маримар, но в академии я ректор, а ты студентка. И если я приказываю, это не обсуждается. Или жизнь во дворце настолько вскружила голову, что учеба больше не кажется чем-то значимым?

Я вытянулась по стойке смирно, смиряясь с необходимостью тесного общения с ненавидящей меня сестренкой графа. Приказ есть приказ, а Роах никогда не заставлял нас делать что-либо просто так.

Снежа была иного мнения.

— Можешь отправить меня домой, я отказываюсь с ней общаться.

— Могу и отправлю, — голос Роаха стал таким же холодным, как при нашей первой встрече, — выцветшим, без единой эмоции. Таким голосом заключенных на казнь отправляют. — Как раз пора подыскать жениха. Кстати, к тебе Ион из клана Снежных охотников сватался, отец о нем очень высокого мнения.

— Только не за Иона! — взмолилась Снежа, и я поняла, что стала свидетелем старой семейной драмы.

Кажется, не я одна бежала в стены военной академии, чтобы укрыться от нежелательного замужества.

— Ты просила зачислить тебя на учебу, клялась, что станешь образцовой студенткой, и что я вижу? Капризы, невыполнение приказов, пререкания с ректором. Я терплю тебя не из-за твоих особенных талантов, а только потому, что ты моя сестра. Но даже мое терпение не безгранично.

— Ледышка ты бессердечная, — буркнула Снежа таким тоном, что стало ясно — она признала поражение. — Пошли, императрица, нам тут список книг для изучения выдали.

Она поднялась, схватила со стола листок и ринулась на выход. Я же задержалась, сверля графа взглядом.

— Спектакль отыгран на славу.

Роах отпил остывшего чая и рассмеялся. У него был прекрасный смех, низкий, мужской.

— Ты меня раскусила?

— Вы бы никогда не выдали сестру замуж за этого Иона.

— Еще полгода назад выдал бы, не обращая внимания на ее эмоции. Сложно воспринимать чужие, когда своих нет. И она очень хорошо помнит того Роаха.

Граф сделал еще глоток из крохотной фарфоровой чашки с тонкими стенками. Она больше подошла бы женской руке, но именно из этой кружечки всегда пил Роах в своем кабинете. У него вообще была склонность к изящным чайным сервизам.

— Почему вы решили включить сыск в программу курса? — спросила уже в дверях.

Не сказать, что мне доставило радость добавление еще одного предмета, как и работа в паре с ненавидящей меня Снежей.

— Как я говорил, вашей задачей станет сохранение покоя внутри государства, поиск убийц, шпионов и несогласных с позицией правящего дома. Армия нужна всегда, но в ней не каждый выпускник придется к месту. А так вы будете обеспечены работой до конца своих дней.

Я и раньше слышала, что некоторые выпускники не работали по специальности, возвращались в родовые поместья, где вели жизнь обычных аристократов. Пили, играли в карты и с ленцой вспоминали годы в академии. Затея Роаха была гениальна, в крупных городах

империи вечно не хватало тех, кто может расследовать преступления. А так этим занимались только ставленники... Прозрев, хлопнула себя по лбу.

— Вы пытаетесь ограничить власть клана Черного ветра! Пусть они все так же будут издавать законы, но следить за их исполнением станут выпускники академии. Верные вам.

— Верные короне. Но ты права. Умница. — От этой похвалы щеки порозовели. — А теперь иди, Снежа тебя заждалась.

* * *

Тавр покинул дворец, без него стало совсем тоскливо. Полным ходом шла подготовка к свадьбе Терениса, Аназис летала по дворцу как на крыльях, приказывая, распоряжаясь, полностью вживаясь в роль хозяйки. Император появлялся чрезвычайно редко, в основном чтобы подписать документы о расходах. Свадьба намечалась грандиозная. Я почти все время пропадала в своей комнате, выбираясь только в академию или на тренировки с Теренисом. Он обучал меня все неохотнее, дошло до того, что однажды просто бросил мне свиток и собрался ретироваться.

— Ваше величество, может быть, освоим эту классную штуку с убийством взглядом?

Терениса злило, когда я говорила как прислуга, и я издевалась над ним как могла. Я знала, что этому учатся на курах и кроликах, и не сказать, что мне нравилась идея убийства животных, но какая разница — топор мясника или мой взгляд, если все равно суждено стать ужином?

Мои слова императора взбесили, он подбежал ко мне с неожиданной для такого старого человека скоростью и, поднеся указательный палец к моему лицу, прошипел:

— Никогда, слышишь, я никогда не стану обучать такой магии не своего родственника. Я не дурак, чтобы давать подобное оружие какой-то девчонке.

Слова Терениса-старшего не стали неожиданностью. Давно подозревала, что он пытается избежать передачи некоторых знаний.

Зависть, неприятие, возможно, даже ненависть — вот его чувства в отношении моей скромной персоны.

— Ну тогда научите продлевать Кровавый договор поколений, — предложила, улыбнувшись как ни в чем не бывало. — После вашей смерти останусь единственным магом, которому такое под силу.

— Не сильно ли ты рассчитываешь на мою смерть? — Теренис закашлялся.

— Вам семьдесят восемь, мне восемнадцать. Ставлю на себя. — Задрав подбородок, с вызовом посмотрела на императора, наши взгляды встретились, его зеленое злое море и мой океан.

— Твоя взяла, покажу... Всего их семь, — и Теренис неохотно поведал мне о связывающих кланы договорах.

В основном это были кланы, выполнявшие грязную работу за императорскую фамилию и находившиеся в полурабском подчинении — связанные тайной слова, никто из них не мог рассказывать о деяниях правящей семьи.

— Почему подобными клятвами вы не связали все рода аристократов? — спросила то, что желал услышать Теренис.

На самом деле хотелось узнать, где лежат эти чертовы договоры, чтобы я могла уничтожить их раз и навсегда.

— Ритуал связывания очень сложен и, к сожалению, утерян. Мой прадед не смог им овладеть, а значит, и передать нам. Кстати, клан Синего огня, насколько мне помнится, тоже был связан договором. Но потом один из моих предков решил вас отпустить. Наверное, счел бесполезными.

Не отказалась бы посмотреть на текст договора, которым, оказывается, была связана и моя семья, о чем немедленно попросила Терениса. Тот поворчал, но любопытство и над ним взяло верх. Он пошел в свои покои, я увязалась следом. Старик был не слишком доволен моим сопровождением, но все же не прогнал.

Его апартаменты оказались огромными, комнаты соединяли небольшие коридоры. Приемная, кабинет, столовая, спальня, гостиные... Дальше кабинета мы не пошли. Теренис-старший выдвинул небольшой ящичек стола, достал оттуда ключ, которым отворил впаянный в пол металлический ларец исполинских размеров.

— Это чтобы договоры не сгорели в случае пожара.

В шкатулке из позеленевшей бронзы хранились свитки, настолько ветхие, что осыпались бы прахом от одного прикосновения, не будь они изготовлены из пергамента. Текст был записан чем-то коричневым, готова поспорить, без крови не обошлось.

— Вот и документ о твоей семье.

С самого дна был извлечен перевязанный синей лентой свиток, небольшой, но по виду самый древний из всех. Похоже, его давно никто не доставал. Теренис осторожно развернул пергамент, я нависла над плечом старика. Глаза быстро выхватили строки, выведенные на покрытой мутными разводами серой коже вышедшим из моды вычурным шрифтом:

ПРОРОЧЕСТВО

Потомок Люциана Синеглазого, унаследовавший его способности и даже более, при раскрытии оных должен быть немедленно умерщвлен своей семьей. Так велит император. Так же был умерщвлен сам Люциан за то, что покусился на трон и императорскую неприкосновенность.

Я мало что поняла из текста, а руки Терениса-старшего затряслись.

— Вон! — заорал он. — Вон!

Старик развернулся, глаза его принялись знакомо краснеть. Я стремглав понеслась к выходу, оставив императора кричать в бессильной ярости.

ГЛАВА 12

Тавр написал письмо, что задерживается, а с ним и мои стражницы.

Не ожидала, что дом Гораны станет самым любимым местом во всей столице. Во дворце я не чувствовала себя в безопасности. С каждым днем рос круг дам возле Аназис, представители клана Черного ветра буквально заполнили двор.

Теренис после произошедшего перестал со мной общаться, прекратил и наши занятия магией воды, аргументируя тем, что нужно сделать перерыв, так что спокойно обошел заключенный нами Кровавый договор. Хорошо, что мне не запретили доступ к дворцовой библиотеке, где было полно свитков с описанием различных упражнений, и я каждый день тренировалась до серых мушек в глазах.

В академии дела шли не лучше. Все полностью ударились в парную работу. Алексис поставили с Ану, Романа с занудным магом земли, чье имя я никак не могла запомнить. Снежа общалась со мной как послушный солдат, она не сильно преуспевала в сокрытии своей неприязни, но честно выполняла задания, которые нам давали. Книги по искусству сыска казались мне бесполезными. Зачем учить всю эту ерунду про улики, следы, эффективные пытки, портрет преступника, когда можно просто спросить — он ли совершил преступление, используя магию голоса. Роах тоже был вечно занят, я с ним и парой слов не могла перекинуться. И поскольку ни в академии, ни во дворце и уж тем более в родном доме места мне не было, я практически переселилась к ведьмам. Там меня всегда ждали теплый ужин и беседа.

Сегодня я принесла девочкам подарки, сладости и книги. Тавр также дарил им красивые платья, но я не слишком разбиралась в моде, поэтому не могла сделать достойный выбор. Малышка не понимала, зачем я принесла книги без картинок, а ее старшие сестры с удовольствием приняли «Историю империи» и «Приключения стихийных магов».

Девочки были едва ли не пленницами в своем доме. Тавр объяснял, что не все ведьмы обладают столь примечательной

внешностью, другим легче скрываться среди людей.

— Горана, почему вы все такие красивые? — спросила я в тот день, когда ее рассказ о ведьминском календаре подошел к концу.

— Мы владеем тайными знаниями, а тайны привлекательны, — уклончиво ответила она. Женщина все еще не приняла меня до конца и не скрывала этого. Я не обижалась, трудно довериться незнакомому человеку. После короткой паузы она добавила: — Еще существует легенда, что нашей прародительницей была некая золотая олениха — лесной дух, но это, конечно, сказки.

Вкуснейший гороховый суп застрял в горле, и я закашлялась. А ведь у меня есть одна знакомая золотая олениха, и волосы у нее лишь на несколько оттенков ярче волос Гораны и светлее волос Тавра. Если ей верить, маги земли всегда пытались взять ее в жены. Возможно, у кого-то это получилось, вот и появился род златовласых ведьм. Я решила пока не сообщать об этом Горане. Может быть, удастся обсудить легенду со зверем-покровителем Романа, и она подтвердит или опровергнет мои догадки.

Женщина начертила несколько схем и передала свои размышления о ритуале для оживления Черного леса. Она нарушила правило — не записывать ведьминские тайны, потому что боялась приглашать Романа в дом. Мой друг был благороден и честен и никому не желал зла, но память о злодеяниях стихийных магов была в Горане слишком сильна.

Перед самым уходом ко мне подбежала младшая девочка, прижимая к себе красивую, сшитую вручную тряпичную куклу со спутанными черными волосами, наряженную в платье, очень похожее на форму академии.

— Это тебе! — выпалила, вручая мне игрушку. — Она тебя спасет.

Взяв куколку в руки, почувствовала, как закололо пальцы. Непрошенные воспоминания заставили нежно провести по волосам, распутывая их. Когда я была маленькой, отец подарил мне черноволосую фарфоровую куклу с расписным личиком и сгибавшимися ручками и ножками. Она мне очень нравилась, но Римус и Ромус решили, что с короткими волосами кукла будет выглядеть лучше. А потом и вовсе разбили ее личико. Я ревела несколько дней, а отец впервые накричал на братьев. За них

вступилась мама, и отец позабыл о моей трагедии. А кукла с разбитым лицом еще долго лежала в коробке под кроватью, я надеялась, что когда-нибудь смогу ее починить. Наверное, она и сейчас там лежит.

Во дворец я возвращалась, как всегда, неохотно, Рыська разделяла мое настроение, ей куда больше нравилось в конюшне академии. Откуда я знала? Горана начала учить меня понимать лошадей. Либо это было довольно просто, либо моя кобыла оказалась из «говорливых». В лошадиных мозгах тоже блуждали мысли, и выражались они в том, как животные себя вели, как поводили головой и били копытом. Сейчас Рыська фыркала, недовольная, что приходится идти по снегу. И ей очень хотелось яблок или хотя бы моркови.

У входа во дворец меня встретил свет факелов, два высоких, крупных стражника отдали честь. В одном из них я узнала Укра.

— Ух ты! Я и не представляла, что ты охраняешь дворец!

Страже разговаривать запрещалось, но Укр ответил:

— Знакомый подкинул вечернюю работенку. Нужны сильные тренированные парни. Я подошел.

Я знала, что друг уже близок к тому, чтобы оплатить долг Элии в школе Танцующих леди. Мы с Романом предлагали ему свою помощь в выкупе, но он заявил, что все должен сделать сам.

Похлопала Укра по плечу и направилась в конюшню. Расседлав Рыську и как следует ее расчесав в свете факелов, достала для нее лакомство за хорошую работу. Хрустевшая яблоком кобыла вдруг занервничала, стала бить копытом и трясти головой.

— Ш-ш, тихо, моя хорошая.

Прикосновение к крутой шее лошадь не успокоило, она обеспокоенно ржала и мотала хвостом, когда на голову мне опустилось что-то тяжелое. На мгновение потеряв зрение, я развернулась в боевой стойке, и тут острый кинжал вошел по рукоять в мой живот.

— Свяжи руки, рот заткни кляпом, — раздался смутно знакомый голос. — Выбросим тело в трущобах, и она сдохнет от кровопотери.

Мужчина с силой дернул клинок, и он с хлопом вышел из раны. С такими повреждениями живут недолго, удивительно, что я еще соображаю. И боли нет, наверное, от шока. С пальцев содрали кольца, значит, знали, что зеленым я могу себя излечить, а голубым позвать графа.

— Почему там? — Второй голос был точно незнаком, его обладатель проворно связал мне руки.

Не хочется умирать в конюшне, лежа лицом на полу денника и вдыхая запах лошадиного навоза. Почему-то запах смущал меня больше всего.

— Она туда каждый день ездит. Слуги пытались за ней проследить, но она всегда пропадает на полпути.

Раздался тихий свист, мое тело взлетело и приземлилось на круп здорового коня. Думала, будет больно, но рана не давала о себе знать. Я вообще чувствовала себя неплохо. Может, так и бывает, когда умираешь? Маг ветра продолжал отдавать команды:

— Возьми ее лошадь и смотри, чтоб никто тебя не заметил. Ни в коем случае не езжай через главный вход. Там ее дружок стражником стоит, она с ним только что разговаривала.

— Угу, мастер. Но я так и не пойму, чего мы девчонку-то гробим. Разве не принц на трон метит?

— Он без нее ничего не стоит. Убьем девку, принц сам спрячется в тень, где ему и место. Не трогай ее вещи, пусть нищие стянут ее кошелек и обувь, натуральней выглядеть будет.

Мужик сел верхом на своего коня, схватил под уздцы упирающуюся Рыську и направился обратно в трущобы.

А я все не умирала. Более того, перестала болеть голова, только бок доставлял небольшое неудобство. Зато нечто на поясе густо пропиталось кровью. Досчитав до ста, осторожно скосила глаза и увидела куклу. Каким-то чудом она истекла кровью вместо меня. Как?! На память пришли слова Тавра: «Хочешь обезоружить мага — свяжи ему руки за спиной и заткни рот кляпом, хочешь обезоружить ведьму — сделай то же самое, обрежь волосы, сними с нее всю одежду и сотри знаки с ее кожи. А лучше сразу убей». Сразу убить им не удалось, а подарок маленькой родственницы Тавра спас мне жизнь.

Спектакль я решила отыграть до конца, безвольно валяясь на лошади. Слышала, как мужчина чертыхается в попытках отмахнуться кнутом от то и дело пытающейся укусить его Рыськи. Он был высок и изрядно одутловат, так выглядят любители дешевой медовухи. Копна соломенных волос прикрыта шапкой, одежда добротная, но дешевая. Наверняка слуга. Руки он мне связал на совесть. Я осторожно подергала ими, но ослабить путы не вышло. Надо было все-таки

научиться у Эльдара смещать кости в запястье. Меж тем мы приближались к трущобам, и я рассчитывала свои шансы противостоять ему в бою при связанных руках и с кляпом во рту. Лучше не рисковать.

Мужик, можно сказать, бережно снял меня с лошади и усадил под деревом в снег.

— Маленькая-то какая. Как живая, — бормотал он горестно, в голосе слышались скупые мужские слезы. — Прости меня, дурака, за то, что помог убить тебя. Но не могу я послушаться приказов благородных. Я за тебя каждый день молиться буду, а как своих детей выращу, уйду в храм Четырех стихий и буду пользу людям приносить. Покойся с миром.

Мужик еще раз всхлипнул, забрался на коня и уехал прочь. Я бы даже прослезилась от его речей, кабы напоследок он не вытащил деловито мой кошель. Открыв глаза, осмотрелась. Район злачный, у меня минут пятнадцать, прежде чем сюда нагрянет орда воришек, готовых убить за хорошие сапоги. Тогда моя мнимая смерть станет самой настоящей. Кинжалы я перестала носить, как только уверилась в собственных способностях к магии воды, а ей веревки не разрежешь. Единственное «средство», которое могло помочь разорвать веревки такой толщины, выискивало мерзлую траву около моих ног.

Я ткнула руки Рыське под нос. Кобыла хмыкнула и отвернулась, красноречиво говоря: «Не буду я эту гадость жевать». — «Да ты и похуже жевала. Сlopала парадный костюм моего брата и вырвала с корнями молодое вишневое деревце». — «Я была маленькой». Рыська топнула ногой, я тоже. «Не сжуешь веревку, меня убьют, и не думаю, что твой новый хозяин будет весить пятьдесят килограммов». Этот аргумент до лошади дошел сразу, и она неохотно принялась грызть пугы. С ее зубами процесс завершился меньше чем за минуту. И вовремя, потому как к нам, постоянно оглядываясь, приближался худенький паренек. Такой не станет нападать на сильного, но он был уверен, что я связана, а то и мертва, и посчитал, что лошадь — его заслуженный трофей.

Я вскочила на Рыську, держась за ее шею затекшими пальцами, и пустила прочь из злачного квартала. Магия куклы выдохлась, и без седла я чувствовала каждое движение лошади. Подозреваю, завтра моя пятая точка превратится в сплошной синяк.

Когда мы добрались до академии, Рыська радостно помчалась к корпусам. Мне нужно было в мужское общежитие, повидаться с Романом. Кто знает, может, мои раны еще откроются, и тогда я сильно пожалею, что рядом не оказалось лекаря.

— Иди, съешь все розы в садах Роаха, какие найдешь, ты заслужила.

Не знаю, поняла ли меня кобыла, или это и был ее изначальный план, но она легким галопом помчалась к домику ректора. Зимние белые розы — граф питал к ним страсть. Как и Рыська. Кобыла как-то умела сама выбираться и заходить обратно в конюшню, поэтому за истреблением посадок ее ни разу никто не ловил, кроме меня.

Я поднялась наверх и постучалась в комнату Романа.

— Кого там принесло в ночи? — бурчал он, распахивая дверь.

Парень был небрит, в одних трусах, и очень недоволен, но потом увидел на мне кровавые пятна и без разговоров завел в комнату.

— Что случилось? — спросил, снимая с меня одежду и осматривая живот.

Я рассказала все, как было, показала куклу, умолчав, откуда она у меня.

— Вот это магия! Не думаю, что на такое и Сигурд способен. Она заговорена таким способом, что должна была принять любой удар на себя. На ней что, твои волосы? С ума сойти! Маг, сотворивший колдовство, должно быть, учился в закрытых храмах на юге.

Не стала расстраивать Романа, что сие изобретение принадлежит шестилетней девочке.

— Кровотечение может открыться?

На моем животе красовался порозовевший шрам, который Роман излечил за несколько секунд прикосновением. На голову он просто подул, и преследовавшая меня легкая боль испарилась.

— Не думаю. Но судя по тому, что я вижу на кукле, Удары были смертельными. Кто на тебя напал?

Я промолчала, желая лично разобраться с милым братишкой Аназис. Роман, заметив мою кровожадную улыбочку, от дальнейших расспросов воздержался.

— Ты живешь один? — поинтересовалась, оглядев три пустующие койки.

— Я один ночью не у сельских красоток. Считаю неправильным обещать на них жениться, затаскивать на сеновал, а потом сбегать утром.

— Не думала, что ты такой моралист. Но за это тебя и люблю.

— Я тоже люблю тебя, сестренка. Только уберись отсюда на рассвете, не знаю, как объяснять парням твое присутствие в моей комнате.

В сон клонило невероятно. Я растянулась на свободной кровати, она была жесткой и неудобной, но я чувствовала, что засну на ней куда крепче, чем на перинах во дворце.

По привычке проснулась с первыми лучами солнца. Около постели лежала спортивная форма, которую каким-то чудом достал Роман. Сам он спал на боку, явив утреннему светилу рыжую волосатую ногу. Я оделась, бережно собрала испорченные вещи и окровавленную куклу и успела покинуть мужское общежитие до того, как начали просыпаться остальные представители сильной половины человечества. Оставив тряпье в конюшне, побежала на тренировку.

Я уже заканчивала растяжку, когда в зал вошли Эльдар и Ниньо. Он улыбался, светя лысиной, она была мрачнее тучи. Увидев меня, магиня вскрикнула, а тренер заржал:

— Я ж говорил, она не померла. У нее любимое развлечение — мертвой прикидываться. Ох, дорогая, ты мне будешь должна... — И хлопнул грозу академии по пятой точке.

Ниньо, оставив его поползновения без внимания, подлетела ко мне.

— Что произошло? Тебя не нашли во дворце. Император объявил о поисках, сказал, ты любила помогать беднякам в трущобах. Стража обнаружила твой окровавленный плащ.

Было неприятно осознать, что за мной, оказывается, следили. И еще неприятнее, что я этого не заметила. С другой стороны, никто не догадывался об истинных причинах моих частых визитов в трущобы, и это хорошо.

— Упала с лошади, потеряла плащ. Вернулась в академию, чтоб Роман меня подлатал, там же и уснула, — врала, не моргнув глазом.

Эльдар ржал, Ниньо покрывалась пятнами от бешенства.

— В следующий раз не падайте, — гаркнула она и вылетела из зала.

Во время завтрака я встретила почти со всеми своими друзьями. Как оказалось, никто из тех, кто хоть немного знал меня, ни на секунду не поверили в мою кончину. Самар протянул: «Ага, Маримар в трущобах воришки убили, а я повелитель драконов». Укр пожал плечами и спросил, почему не сказала, что ударилась, он бы помог, Алексис буркнула, что я могла бы и в женское общежитие прийти. Даже Снежа намекнула, что я должна больше ей доверять, раз уж мы в будущем напарницы. Я же, как ни странно, полностью Доверяла только Роману. Он меня ни разу не подводил, хотя и казался самой ненадежной личностью в моем окружении.

Мы еще поглощали завтрак, когда Снежа не выдержала:

— Чем таким противным от тебя пахнет в последнее время? — Девушка сморщилась. — Будто ведро сладкой туалетной воды на себя вылила.

Ребята тоже принялись. Алексис покачала головой:

— Да не пахнет от нее ничем. Фиалками если только. Ты когда мне скажешь название своего шампуня?

— Нет, пахнет, будто смешали мед, розы, специи, сладкие пирожные, все это подержали три дня и обмазали Маримар с головы до ног.

— А я не чувствую, — сказал Укр, сидящий ко мне ближе всех.

— Снежа, а ты, как и Роах, сладкое не очень любишь? — спросила девушку.

— Терпеть не могу. У нас вся семья такая. Хотя Роах иногда ест, у него расход энергии большой, а углеводы лучший способ для ее восполнения. — Снежа передернулась, как при мысли о горькой микстуре.

— У принца очень сладкий парфюм, им вся моя комната пропахла, — призналась я, и расспросы повернули в сторону моей личной жизни.

Я была несказанно рада сменить тему, надеясь, что Снежа не знает о своей способности, как и брат, вынюхивать ведьм. Роах, кажется, не понимал, отчего его так воротит от принца. Или благородно молчал. Если Снежа узнает, чем я занимаюсь в свободное время, не уверена, что она удержит язык за зубами. Не хотелось бы закончить свою жизнь на костре.

После занятий брела по коридорам, оттягивая момент возвращения во дворец, и меня внезапно осенила идея. Я побежала в кабинет к графу и, не стучась, влетела в двери.

— Котенок, у меня много работы. — Он с тоской во взоре выглянул из-за кипы бумаг.

— Я хочу вернуться и жить в академии, — заявила с порога. — Меня вчера пытались убить.

— Закрой дверь и расскажи подробно.

Интерес к бумагам испарился, граф пристально смотрел на меня.

— Не буду ничего рассказывать, я не знаю, как глубоко ты связан клятвой с императором.

У меня таились сомнения, уж не Теренис ли все затеял?

— Благоразумно, — заметил Роах. — Я подготовлю еще три комнаты в женском общежитии для тебя и твоих... фрейлин. Ты знаешь, кто стоит за покушением?

— Знаю.

— Сделай вид, что не имеешь понятия. Лучше извести весь змеиный клубок, чем только одну из змей. Но ты права, во дворце пока опасно. Напиши письмо Тавру, скажи, что обстоятельства вынуждают тебя вернуться в академию. Напомни, что он должен быть осторожен. Он поймет. Где он пропадает, ты знаешь?

— Знаю. Но тоже не скажу.

— С каждым днем становишься все умнее. Постарайся собрать доказательства и предъявить Теренису до свадьбы с Аназис. Только так ты сможешь удержать врагов вдали от трона.

Я улыбнулась. Роах догадался. Понял, что за нападением стоит клан Черного ветра.

— Собери свои вещи, но во дворец одна не езд. Возьми с собой двух подруг. Ведите себя как ни в чем не бывало, но уберитесь оттуда так скоро, как будет возможно.

Кивнув, поспешила исполнить его приказ. Хороший такой приказ, возвращающий меня в стены любимой академии. Не сказать, что мне не нравилась роскошь и прекрасная еда во дворце, скорее не нравилась постоянно грозившая опасность.

Снежа была в восторге от возможности посетить дворец, Алексис ее энтузиазма не разделяла.

— Не люблю я весь этот мрамор и позолоту, хоть бы постеснялись деньги налогоплательщиков растрачивать на роскошь.

Я была солидарна с кузиной, но вслух этого не сказала. Мы оказались при дворе в рекордное время, там нас встретила Аназис со своей сворой. Они скользили по паркету из красного дерева, словно десяток разноцветных экзотических птичек, затянутые в корсеты, все с модными нынче высокими прическами, украшенными невянущими цветами. Эти дамы сами полагали себя украшением дворца.

— Вы вчера не вернулись ночевать, — бросила мне Аназис, а ее подружки гаденько захихикали.

Я стряхнула грязь с сапог, ощущая себя серой мышью по сравнению с их великолепием.

— Упала с лошади, повредила колено.

Аназис произнесла явно заготовленную фразу:

— И помчались в академию, чтобы граф коленку поцеловал. Стоило принцу сделать шаг со двора... Хотя чего еще можно ожидать от Танцующей леди.

Дамы засмеялись, полная негодования Алексис сделала шаг вперед, следом за ней Снежа.

— Будь вы мужчиной, я бы вызвала вас на дуэль! — воскликнула моя кузина, и в ее глазах вспыхнул огонь.

— Как вы смеете говорить гадости о моем брате! — Снежа любила Роаха, как бы они ни ругались и ни спорили.

— С каких это пор при дворе привечают клан Ледяного ветра? Вы должны сидеть в своих ледяных замках и есть снежки. Или какое там у вас национальное блюдо? — Экспромт не самая сильная сторона Аназис, на этот раз шутка не удалась, даже фрейлины улыбались как-то натянуто.

Снежа взбесилась:

— Значит, как поколениями проливать за императорский род свою кровь, так мы хороши, а как ступить во дворец — прочь?!

В глазах девушки стояли слезы. Я вдруг увидела в ней девочку, мечтающую о балах и красивых платьях, аристократку, понимающую, что она ничуть не хуже и не менее прекрасна, чем все остальные, но вынужденную оставаться в пределах своей родины только потому, что император счел ее род недостойным.

Внезапная ли симпатия к Снеже, моя ли измотанность заставила меня сделать то, о чем я могла сильно пожалеть впоследствии. Подняв руку, начала вытягивать воду из воздуха вокруг Аназис и ее свиты. Цветы в их волосах завяли, глаза покраснели, кожа на лицах моментально зашелушилась. Дамы закричали, закашлялись, одна из подружек Аназис упала на колени. Я же смотрела на это, испытывая какое-то мрачное удовольствие.

Невеста Терениса взмахнула рукой в попытке создать ветер, но у нее ничего не вышло, воздух не желал подчиниться, без частиц воды он был мертвым. В воздухе всегда есть влага, только мы не замечаем, насколько важна эта его составляющая.

Женщины уже хрипели на полу, а я улыбалась, вытягивая жизнь. Слышала голос Алексис, но не понимала, что она от меня требует, охваченная упоением властью, возможностью сделать с этими напыщенными курицами все что захочу, а ведь сначала думала только испортить им прически.

В чувство меня вернула боль — кузина схватила мою руку, обжигая.

— Остановись уже! Ты их убьешь!

Я прекратила пытку, сердце бешено стучало. Откуда во мне такая жестокость? Или причина в недавнем покушении на меня?

Тяжело дыша, женщины поднялись с колен. Пересохшие губы кровоточили, волосы висели соломой. Я уставилась на свои руки. Что было бы, если бы не вмешалась Алексис? Снежа встретить не собиралась, она смотрела на меня с уважением и... страхом.

— Я не хотела, — прошептала.

Неужели сила пыталась захватить меня, как Ану? И ведь потеряй я контроль, боцник меня остановить не сможет. Сделала несколько глубоких вдохов.

— Я обо всем скажу Теренису! Он тебя казнит, — визжала нам в спину Аназис.

Обернулась, посмотрела на нее так холодно, как мог бы Роах.

— Скажи. А я расскажу ему кое-что о тебе и твоём брате.

Аназис осталась стоять, где стояла, беспомощно лоя ртом воздух. Но теперь не от того, что было нечем дышать. Теперь она боялась.

Я поспешила за вещами и буквально выбросила из шкафа все вариации академической формы и несколько скромных, но красивых

платьев.

— Нам нужно поговорить о том, что произошло, — не вытерпела кузина. Есть у нас с ней общая черта — мы обе не выносим несправедливость и тут же о ней заявляем. — Ты могла их убить.

— Я все держала под контролем, — солгала ей. — У них только кожа будет шелушиться, да губы потрескаются на неделю, ни один бальзам не спасет.

— А по мне, даже если б и убила, поделом им, — пробурчала Снежа, методично собиравшая мои книги и украшения.

— Я не отрицаю, что они вели себя мерзко, но, Мари, я видела взгляд умирающих. Отец нередко таскал меня по местам, где девушке бывать не следует. Эти женщины видели в тебе свою смерть.

«А одна из этих женщин и ее семья едва не стали причиной моей смерти», — размышляя, коснулась куклы, которая была спрятана у меня за поясом. Пусть она утратила магические свойства, мне не хотелось с ней расставаться.

— Не собиралась я никого убивать, — легкомысленно махнула рукой, но, судя по напряженному лицу, Алексис мне не поверила. — Но спасибо за критику. — Я смягчила голос, и кузина подарила мне улыбку.

Она была честной и беспристрастной, не боялась возражать кому бы то ни было. Вот таких людей не хватает империи.

Мы уже собирались уходить, когда дверь настежь распахнулась. Я напряглась, но худшее мое опасение не оправдалось. В спальню вошел вовсе не пылающий праведным гневом император, это был Тавр.

— Я примчался, как только узнал. Что случилось? — Он подлетел ко мне, не обращая внимания на девушек, нежно взял мое лицо в ладони.

— Расскажу позже, но пока я должна переехать в академию.

Тавр только вернулся из своего похода, его руки были холодными, на плечи накинут плащ, подбитый мехом горностая. Принц оглянулся на Алексис и позеленевшую Снежу. Кузина расцвела яркой искренней улыбкой, а Снежа... Северянку стошнило прямо на прекрасный ворсистый ковер в моей спальне.

— Про... простите! — воскликнула девушка, сделала неловкий реверанс и выбежала из комнаты, зажимая нос рукой.

Значит, Снежа все-таки не знала о способностях своего клана чують магию ведьм. Мне было жалко девушку, считающую, что она опозорилась перед наследным принцем, но раскрывать ей правду я не спешила.

* * *

Как же приятно жить, осознавая, что в академии ты в безопасности! Просыпалась отдохнувшей. Упоенно живая, передвигалась без страха, без опаски. Смеялась с друзьями, изматывала себя на тренировках, а потом в комнате делала домашние задания с Алексис и Снежей. Встречалась с Тавром, и мы ужинали в трущобах с Гораной и девочками. Когда возвращалась после наших посиделок, Снежа зажимала нос и кричала, чтобы я немедленно приняла душ. Мне нравилась такая жизнь, но я понимала, что мои так называемые каникулы долго не продлятся. Так и случилось.

Вернувшись с занятий, увидела лежащее на моем столе письмо, написанное Тавром.

Дорогая Мари, я понимаю, что тебе невыносима мысль о возвращении во дворец. Но отец собирает знать на ежегодный бал-маскарад, и мы обязаны там присутствовать. В эту субботу в семь вечера в императорских садах. Оставайся неузнанной до полуночи, от этого многое зависит. Меня ты узнаешь по алым перчаткам.

Я знала о бале только по слухам. Когда-то языческий праздник середины зимы, смерти природы, по словам Гораны, теперь превратился в веселый карнавал. Я бы с куда большим удовольствием до седьмого пота тренировалась с Эльдаром или увертывалась от атак Ниньо, чем строила из себя невесть кого.

А еще я совершенно не представляла, что мне надеть. Роак предоставил бы платье и маску, а Тавр оставил мучительный выбор наряда за мной. И не только моего наряда! Я понимала, что необходимо провести в сады моих «фрейлин», чтобы иметь уши и глаза в рядах придворных. Да и пару кулаков на случай, если

родственники Аназис снова попытаются обеспечить мне скоропалительную кончину.

Но кто может помочь с выбором платья? Тяжело вздохнула. К Фири лучше не обращаться, если он создаст для меня платье, тут же похвастается придворным очередным шедевром. А мне хотелось остаться неузнанной.

Размышляла я, устроившись в своей светлой маленькой комнатке. Все ее убранство состояло из удобной узкой кровати, простого деревянного шкафа, письменного стола и полок для книг. Окна выходили на учебный корпус и небольшой парк, где когда-то на меня напали трое студентов, посчитавших, что я недостаточно хороша для академии. Казалось, это случилось в прошлой жизни.

В дверь постучали. Я уже знала, кто за ней стоит, и, поднимаясь с кровати, пригласила войти.

Шара зашла в комнату, улыбнулась. Девушки беспрекословно выполняли приказы, держа со мной дистанцию и не пытаясь стать подругами.

— Поступила информация о маскараде. Вы желаете туда отправиться? — Она так и продолжала обращаться ко мне на «вы», как я ни пыталась ее отучить.

— Не желаю, но придется. Это бал-маскарад, но, боюсь, даже маска меня не скроет.

— Покрасьте волосы, временно измените цвет глаз, и вас не узнают.

Предложение прозвучало, как что-то обыденное, но я не представляла, как претворить его в жизнь. Ладно, волосы покрасить, хотя с моей от природы темной шевелюрой это довольно проблематично, но изменить радужки?.. Шара, увидев удивление во взгляде, поспешно пояснила:

— Восточные женщины часто придают волосам разные оттенки, чтобы удерживать внимание мужчин и отвлечь их от поиска других жен. А цвет глаз я помогу изменить.

Она смотрела на меня темно-кариими очами, потом моргнула, и они стали голубыми, затем темно-зелеными.

— Как ты это делаешь? — Никогда не слышала, чтобы кто-то мог менять внешность по желанию.

— Моя пра-прабабка была ведьмой. Из ее способностей только эту я и унаследовала.

Признаваться в таком было опасно, но Шара выглядела невозмутимой, уверенная, что жрицы и послушницы храма неприкосновенны. — Принц занимается ведьмовством, я это сразу поняла. Но у нас на Востоке нет предубеждений против ведьм. Когда Черный лес сгорел, многие обладательницы сил и знаний отправились в наши края. Лечили, принимали роды, помогли побороть проказу.

Мир казался все интересней и интересней. Ясно, что не все, жившие в Черном лесу, погибли, но куда они подевались? Любопытно, а знает ли Тавр, сколь многие из его народа уцелели, прячась в провинциях империи? Удивительная магия, которой можно учиться, передавать из поколения в поколение, с ее помощью совершенствовать медицину.

— Я достану краску и закажу платья для всех нас. А ты сможешь купить маски?

Шара улыбнулась, заблестевшие глаза выдали интерес к происходящему, но быстро взяла себя в руки, вернувшись к образу стражницы.

В назначенный день мы стояли у входа в сады, теряясь в толпе ряженных придворных. Мои волосы спадали на спину густой темно-алой копной. Мы пытались покрасить их в рыжий, но что-то пошло не так, и они походили на свежую кровь. Глаза стали цвета красного дерева, такой встречается иногда у южанок и считается признаком благородного происхождения. Чтобы их изменить, Шара трудилась около часа, океан никак не желал скрываться. «Ваше высочество, постарайтесь не использовать магию, иначе мои слабые чары спадут». Мне досталась кошачья маска, Шара была совой, Лилиан — волчицей, еще с нами были лань и цапля. Решив, что у нас должно быть что-то общее, чтобы легко можно было отыскать друг друга, нарядились в подобия мужских камзолов, ничуть не скрывающих женственность фигур. Не пользуясь своим положением, терпеливо ожидала, чтобы меня пропустили внутрь наряду с остальными придворными. Это было весьма интересное сборище. Дамы, очевидно, любили этот маскарад и вырядились кто во что горазд. Кто-то покрыл кожу золотыми блестками, некоторые оделись в старинные платья с пышными кринолинами и столь утянутой талией, что впору задаться вопросом,

как в этих платьях дышать. Маски потрясали разнообразием — нимфы, духи стихий, звери и птицы. Наряды и маски были инкрустированы драгоценными камнями, золотым и серебряным кружевом. Мужчины особой фантазией не отличались, я заметила нескольких журавлей, древних правителей, парочку служителей храма Четырех стихий и одного прокаженного, обряженного в безобразные лохмотья. Люди обходили его стороной, даже понимая, что это лишь костюм. Роаха и принца не заметила, хотя напряженно оглядывалась в поисках мужчины с алыми перчатками. Возможно, Тавр уже внутри. Ко мне подбежал юноша в костюме лисы, в котором я безошибочно узнала Романа. Он бурчал под нос: «Ни одного знакомого лица, кругом сплошной лес» и выглядел очень недовольным.

Наконец настала наша очередь. Мы цепочкой спустились по увитым розами ступеням, стараясь не глядеть на сборище на поляне. Придворные смеялись, неузнанные, чувствовали себя свободными. Мои хранительницы растворились в толпе, выслушивая, выглядывая и собирая для меня информацию.

Император, не пожелавший скрываться под маской, восседал на троне, Аназис крутилась рядом. Ее платье было украшено павлиньими перьями, в ушах звенели серьги-колокольчики.

Теренис тяжело поднялся, и все придворные замерли, как послушные псы.

— Рад приветствовать своих верных слуг на этом празднике. По правилам маскарада ровно в полночь все должны снять маски. Я надеюсь как можно скорее увидеть своего дорогого сына и его прекрасную невесту Мари.

Последние слова императора прозвучали угрожающе. Первым желанием было подойти к трону и разоблачить себя, но что-то заставило меня не шелохнуться. Странное чувство, что стоит подождать с раскрытием личности. И еще это предостережение в письме принца... Куда он подевался со своими алыми перчатками?

Заиграла музыка, однако никто не спешил танцевать. Все чинно скользили по мраморным плитам, уложенным в танцевальной зоне, чтобы дамы не увязали в траве каблуками. Люди улыбались незнакомцам в масках, выискивая друзей по повадкам и жестам. Я занялась тем же самым, пытаюсь найти жениха, но он как сквозь землю

провалился. Даже по силуэтам мужчин, не обращая внимания на руки, видела, что не он.

Опустилась на лавочку и вздохнула. Ножны на бедрах, к которым крепились кинжалы, натирали кожу под платьем. Я смотрела на великолепие цветов, деревьев и танцующих фонтанов и вспомнила нашу первую встречу с принцем. Тогда я едва не задохнулась, пораженная красотой его лица. Потом мое падение в лабиринте и наш поцелуй. Сердце сладко заныло. Мне в тот миг хотелось узнать, каково это, касаться губами такого совершенного лица. Каждый совместный день был испытанием на прочность моей силы воли. Тавр не пытался сломать, как Роах, он искушал, словно мифический змей, предлагал мне запретное. А граф был несокрушимой стеной, казался не способным на подлость, был откровенным в своих чувствах и эмоциях, которых у него прибавилось за последнее время. Он не переносил Тавра, делая ставку на Терениса-младшего. К сожалению, тот оказался ненадежным и сбежал покорять моря. Роах был верен императору и, несмотря на контракт, не презирал его, готовый незамедлительно выполнять любой безумный приказ. Драконий контракт. Самая жестокая вещь, которую один человек может сотворить с другим. И из-за этого контракта я не могу полностью ему доверять. Вновь тяжело вздохнула.

А Тавр... Он познакомил меня со своей семьей, тем самым вложив в руки ключи от жизней — его, Гораны, девочек — уверенный, что я никогда не причиню им вреда. Это подкупало. Как принц относился к своему отцу? Любил ли его? Ненавидел? Я знала, что принц любил мать и стремился вернуть наследие ведьм в мир. Видела, что он искренне стремится к власти. Но зачем? Чтобы исправить несправедливость или стать причиной еще большей несправедливости? Тавр никогда не рассказывал о своих планах после того, как примет бразды правления.

Мне бы сейчас танцевать и смеяться, а не думать о тайнах, покушениях и загадочных мужчинах. Но, как говорит Горана, каждому в жизни выпадает та доля, с которой он может справиться. Ни больше ни меньше. Я тоже так считала. Я найду неопровержимые доказательства измены клана Черного ветра, ведь что, если не измена, покушение на убийство? Сейчас-то понятно, что Аназис ничего о нем не знала, иначе бы не стала рассыпаться глупыми пошлыми

шуточками, она была бы шокирована. Но ее реакция на мою угрозу рассказать Теренису о ней и ее брате давала повод думать, что они скрывают от императора куда больше, чем кажется на первый взгляд.

Разозлившись на свою неспособность справиться с врагами, громко фыркнула. Прелестная златовласая дама, величественно проплывавшая мимо, кинула на меня взгляд из-под густо накрашенных ресниц, улыбнулась каким-то своим мыслям и присела рядом. Проговорив глубоким контральто «У вас изумительный цвет волос», дама коснулась лежащих на плече локонов. Я еле сдержалась, чтобы не дернуться, — терпеть не могу, когда трогают незнакомцы, и, скрывая неприязнь, выдавила улыбку.

— Спасибо за комплимент. Ваше платье просто восхитительно.

На самом деле в незнакомке было поразительно все — рост, осанка, узкая талия и большая грудь, скрытая кружевным воротом алого платья, закрывающего плечи и руки и плавно переходящего в... перчатки! Теперь уже я взяла ее за руку, словно люблюсь тканью.

— И ваши алые перчатки! Один знакомый обещал надеть на маскарад такие же!

Наши пальцы переплелись. Тавр снял с лица золотую маску. Оказалось, на нем был парик, а макияж придал лицу необыкновенную чувственность. Он улыбнулся, и я поразились, как не узнала его раньше. Женское платье кого угодно собьет с толку.

— Наконец-то я тебя нашел! — проговорил он своим обычным низким голосом, от которого по спине побежал стройный отряд мурашек. — Как ты смогла изменить цвет глаз?

— Одна из моих стражниц несет в себе кровь ведьм, она помогла, — сказала без утайки.

— Шара? — Я кивнула. — У меня возникало ощущение, что она понимает куда больше, чем желает показать. Мари, тебе удалось одурачить всех?

— Думаю, меня не узнали.

— Прекрасно. — Тавр надел маску и элегантно забросил ногу на ногу, когда мимо прошествовал небольшой отряд королевской стражи, будто ищущих кого-то. — Отец пригласил на сегодняшней вечер предсказательницу. Она обещала поведать о великом правителе, что будет присутствовать на сегодняшнем вечере. Мари, я думаю, она будет говорить о тебе.

— Ты же сам сказал — о правителе, не правительнице. Возможно, речь пойдет о тебе. Это нас с тобой ищет стража?

Тавр кивнул.

— Есть у нас с отцом уговор, которому с моего детства мы следуем каждый год... — Принц задумался о чем-то своем, но затем перевел свои ясные глаза на меня. — Как бы то ни было, император жаждет, чтобы предсказание было о нем, почти верит в это. Искра совести, которую пробудила в нем болезнь, погасла. Отец грезит о величии, сколько себя помню.

Я вся подобралась, оправила лацканы мужского костюма. То, что принц нарядился женщиной, а я мужчиной, забавляло.

— Не понимаю его... Находит молодую невесту, когда его час уже близок, ищет каких-то предсказательниц...

В отличие от меня Тавр своего отца понимал прекрасно.

— Моя дорогая Мари, о чем может мечтать умирающий?

— Чтобы пожить дольше... — предположила, чувствуя себя неловко под взглядом золотистых глаз.

— Человек мечтает о бессмертии. Официальным наследником отец меня сделал до того, как понял — он может попытаться жить вечно.

— Никто не может жить вечно.

На мой взгляд, лучшее, что было в Теренисе, — это вероятность его скорой смерти. Я понимала, что думать так — отвратительно, но император принес горе многим семьям, и было бы неплохо, чтобы этот старый жук наконец помер. Словно осуждая мои мысли, птицы в императорских садах умолкли.

— Маги земли могут, что мешает отцу найти собственный путь к бессмертию? Он пытался вымолить секрет долголетия у Сигурда, когда тот отказал, начал искать преемника. А сейчас отец снова похож на себя, каким был пять, десять лет назад. Он ведет себя так, будто собирается жить вечно, и это как-то связано с кланом Черного ветра.

Теренис и вправду изменился после того, как объявил о своей помолвке. Скоропалительная женитьба на птичке-Аназис — следствие последней страсти или продуманный шаг? Клан Черного ветра мог потребовать принять женщину в семью в обмен на секрет бессмертия. Могло быть так, что Артур напал на меня по приказу императора?

Припомнив его слова в ту ночь в конюшне, решила, что нет. Он действовал своевольно.

— Ведьмы знают секрет вечной жизни?

Тавр пожал плечами и ничего не ответил. Мы сидели в тенистом уголке сада и молчали, оба погружившись в мысли. Я заприметила девушку в маске волчицы, с оглядкой пересекавшую дорогу, помахала ей, и она, несказанно обрадовавшись, поспешила к нам. Тавра Лилиан не узнала, пока он не снял маску и не улыбнулся очаровательно, отчего щеки девушки покрылись румянцем. Этого еще не хватало...

— Вас везде ищут. — Лилиан поспешно перевела взгляд на меня. — Всех брюнеток вашего телосложения просили снять маски. Шара осталась караулить возле трона, оказалось, император попросил вас найти и несказанно обрадовался, что в садах вас нет. То же самое с вами, ваше высочество. После того как стражники заверили его величество, что вас найти не удалось, он, безмерно довольный, велел привести предсказательницу за пятнадцать минут до полуночи.

Мы с Тавром переглянулись. Через какой-то жалкий час мы узнаем пророчество о великом правителе. И в том, что ведьма заговорит о Теренисе, я очень сомневалась.

В назначенное время мы вернулись на поляну перед дворцом. Я с удивлением отметила, что ни мама, ни отец так и не появились на балу. Видимо, после отравления Багровой лилией матушка потеряла интерес к придворной жизни. Сделав мысленную пометку, что надо бы навестить родителей, я продолжала оглядываться в поисках Роаха.

— Ты знаешь, где граф? — спросила Тавра.

— Одного меня тебе недостаточно? — прозвучал ответ из-под кружевного веера.

Впервые услышав собственнические нотки, я переплела наши пальцы, пытаясь показать, как он мне небезразличен. Но Тавр, облаченный в женское платье, будто дал наконец выход капризной стороне своей натуры.

— Сколько еще раз он должен тебя предать, прежде чем ты поймешь, что я — тот, кто предначертан тебе судьбой?

Мне не нравилось говорить о чувствах. Очень не нравилось. Ну вот совсем. Потому что я понимала — чувства есть и к принцу, и к графу. От вида одного спирало дыхание, от другого подкашивались колени. За одним хотелось бежать на край мира, для другого я бы мир

построила. Но мне восемнадцать! У меня самая эмоциональная фаза в жизни, и, если начну обращать внимание на свои чувства, я в них утону. Поэтому сказала максимально отстраненным тоном:

— Мы — одна команда, нравится тебе это или нет. И мне надо знать, где находится граф, чтобы понять, какую роль он выполняет в данный момент.

— Какую бы роль он ни выполнял, он делает это для империи. У Роаха есть единственная любовь в жизни, и это не ты, — прозвучало жестко, как пощечина.

Я отпустила руку принца. Если ему хочется язвить, пусть делает это без меня. Тавр, почувствовав изменившееся настроение, примирительно произнес:

— Прости. Но меня ужасно злит, что ты думаешь о нем чаще, чем обо мне. И то, что вернулась в академию, к нему... Меня это убивает.

Принц вдруг показался мне моложе своих лет, а может, дело в магических огнях, что рассеивали свет над темной поляной. Но ответить было нечего. Я не собиралась покидать академию, во всяком случае пока. Там куда безопасней.

По стихающим шепоткам придворных поняла, что показался император. Он уходил куда-то во дворец вместе со смеющейся Аназис, поддерживая свою репутацию дамского угодника. Я не видела его за макушками придворных, только слышала — мы с Тавром стояли далеко от первых рядов. Раздался дребезжащий голос Терениса:

— Давным-давно в это время года, в этот особенный день ведьмы предсказывали судьбы великих. Сегодня во дворец пришла одна из оставшихся предсказательниц с Черных островов и попросила дозволения рассказать о великом правителе, который будет на сегодняшнем празднике.

По толпе прокатился ропот, люди вертели головами в поисках предсказательницы. Дар у ведьм с Черных островов столь велик, что их было невозможно поймать, они всегда на несколько шагов опережали своих преследователей. Что же заставило эту явиться во Дворец, понимая, что здесь ее поджидает море опасностей? От любопытства я переминалась с ноги на ногу. Тавр, стоявший рядом, украдкой сжал мою руку. Живительно, но толпа перед нами начала расходиться, а мы с Тавром, влекомые любопытством, вышли вперед. Теперь я могла разглядеть ведьму, взиравшую на Терениса с усмешкой

в черных глазах. По бокам от нее стояли два стражника, вцепившиеся в оружие с таким отчаянием, будто перед ними стоял исполинских размеров монстр, а не хрупкая пожилая женщина. Черная, как сажа, кожа, седые волосы, фигура, закутанная в разноцветные шали... Это была та же старушка, что предсказала мне судьбу в день восемнадцатилетия. Хитро подмигнув той части толпы, где стояли мы с принцем, она проговорила:

— *Трое следуют неотступно...*

Я закатила глаза — где-то уже слышала это. Тавр крепче сжал руку, позабыв, что сегодня он — женщина. Ведьма меж тем продолжала, слова звучали хрипло, словно разрывали ее горло:

Ее сердце растаяло, стало доступно,
Истинная императрица,
Она правительница, она же жрица.
Каждый влюблен, каждый желает,
Каждый интриги плетет, замышляет.
Клинком одного усмирит,
Второго любовью,
Третьего смертью его
И собственной кровью.

Ведьма произнесла пророчество перед ошарашенной, ничего не понявшей толпой. В мое же сознание слова вьелись, словно высеченные в камне. Клинком я уже усмирила одного из следовавших за мной — это был Ану. Когда он был поглощен силой элементаля, именно мои клинки с соком боцника спасли город от неминуемой гибели. Рядом со мной остались Тавр и граф. Согласно пророчеству я убью одного из них... Или как иначе объяснить «третьего смертью его и собственной кровью»? Руки мелко затряслись, из глаза скатилась слезинка. Я не хотела никого убивать. Это невозможно.

Над императорскими садами прогремел гром. На улице зима, а в садах из-за магического полога никогда не идет дождь, растения поливаются вручную из колодцев. Но вот первая капля упала в фонтан, я различила ее очертания, словно время на мгновение остановилось.

Придворные, протягивая руки в попытке поймать необычно крупные капли, с удивлением таращились на свои ладони.

— Твои глаза, — прошептал Тавр, — они снова синие.

Это было уже неважно. Скоро полночь, и мы снимем маски.

Ведьма обратилась к недоумевающему Теренису:

— Ты ведь хотел услышать пророчество о себе, старый император? Так вот оно. Тебе не удастся обмануть смерть. Ее шаги уже слышны за твоей спиной. В жизни каждого из нас есть начало, расцвет и конец. Твоя, как и моя, близится к концу. Ты умрешь, а память о тебе исчезнет.

Женщина расхохоталась, Теренис же был в ярости. Аназис, к ее чести, попыталась обнять и успокоить взбесившегося монарха, он грубо ее оттолкнул. Старик снова пошел на поводу у собственного тщеславия, пригласив врага в дом. То, что случилось дальше, я еще долго видела в кошмарах.

Глаза императора покраснели — он творил магию крови. Ведьма встретила с ним взглядом — из ее ушей и уголков глаз текла кровь, но она смеялась. Смеялась, когда кровь брызнула изо рта, и даже когда она упала безвольной куклой со стремительно сереющей кожей, улыбка не пропала с ее лица.

— Выйдите вперед, Мари, Тавр. — Внимательные глаза безошибочно разглядели нас в толпе.

Принц, перестав притворяться, стащил с головы парик, отбросил радужный веер. Я сняла маску и распрямила плечи. Если император планирует проделать с нами то же, что с ведьмой, по крайней мере умру с достоинством. Хотя нет, я вообще умирать не собираюсь.

Принц поклонился, улыбнулся — женщины покраснели, мужчины смущенно отвернулись, полные смешанных чувств. Тавр вел себя так, словно не видел только что совершенного убийства, словно тело женщины стража не вынесла всего минуту назад.

— Ты не смог найти нас, отец. Я каждый год дурачу тебя на маскараде.

— В этот раз твоя маскировка превзошла все ожидания, сын. Когда я вижу тебя в этом платье, вспоминаю, как же ты похож на мать. Она была самой прекрасной женщиной в мире.

Теренис словно растерял весь свой гнев, в глазах мелькали обрывки прошлого. Аназис выглядела так, словно проглотила шпагу,

ей были неприятны слова о самой прекрасной женщине. Я начинала думать, что на женское платье выбор пал не просто так.

— Окрасить волосы, Мари, было умно. И готов поклясться — еще несколько мгновений назад твои глаза были карими.

— Это освещение такое, ваше величество.

Но император не верил, он смотрел на меня как на соперника, словно мы были одного с ним возраста и равные по влиянию. Мне это даже польстило, пока он не спросил:

— Кто эти трое, Мари? И почему ведьма назвала тебя жрицей? Они есть только у ведьм.

Придворные задержали дыхание.

И что мне ему ответить? Теренис и половины не знал обо мне и принце, а если бы узнал — сомневаюсь, что отцовская любовь спасла бы принца от костра, меня отношение Терениса не спасет точно. Император уже не раз давал понять, что не является моим фанатом. Показалось, что мозг вот-вот закипит. Я не знала, что делать, переводя взгляд с императора на торжествующую Аназис.

«Котенок, повторай мои слова и улыбайся, Теренис поверит тебе», — раздался шепот около уха. Граф! Он был здесь и поддерживал меня. Только Роах умел столь безупречно отправлять слова по ветру. Я еле сдержалась, чтобы не завертеть головой. Следуя совету не слышимого никем кроме меня помощника, произнесла вслух вслед за ним:

— Разве имеет значение, что говорила эта сумасшедшая? Настоящая ведьма никогда бы не явилась на ваш праздник, зная, что ее ждет смерть. Да и кто посмел бы предположить, что о вашем правлении не останется замечательной памяти?

Мне казалось, будто все придворные слышат бешеное биение моего сердца. Несколько секунд император смотрел на меня испытующим взглядом, затем морщинистый рот скривился от смеха.

— И вправду! Умей она предсказывать будущее, не пришла бы сюда. Прекрасный маскарад, мои дорогие. Уговор, как и всегда, Тавр. Я отвечу согласием на любую твою просьбу. Ты хочешь попросить о чем-то прямо сейчас?

Тавр кивнул, немало удивив Терениса. Придворные зашептались, им было интересно, что же попросит У отца наследный принц. Меня и

саму это изрядно позабавило, я-то думала, он замаскировался, опасаясь пророчества ведьмы, а оказалось...

Тавр говорил неспешно, чтобы было услышано каждое слово:

— Я хочу стать полноправным владельцем всей территории Великой пустыни, отныне и навсегда. И хочу сам определять право наследования этой территории.

Теренис замер на минуту в раздумьях, а затем начал хохотать, и его смех неловко подхватили придворные. Превратишься тут в напыщенного петуха, когда на тебя постоянно смотрят как на полубога и выполняют все твои прихоти.

— Зачем тебе бескрайний кусок проклятой мертвой земли?

— Потому что он бескрайний, — уклончиво ответил Тавр.

Скажи он, что существует вероятность возрождения леса, Теренис никогда бы не уступил ему пустыню. Теперь Тавр мог бы распоряжаться своей землей, как пожелает, тем самым развязав руки нам с Романом.

— Я подготовлю все документы, завтра вступишь во владение. Выигранный кусок бесплодной почвы так себе развлечение, герцог Великой пустыни. — Император смотрел на сына, будто стремясь прочесть его мысли, хотя сомневаюсь, что это возможно. Потом отвел глаза и объявил: — Разоблачаемся, дамы и господа, и танцуем!

Придворные скидывали маски. Увидев Артура в костюме черного стража, хищно улыбнулась ему и подмигнула. Он избегал моего взгляда, гадая, как я смогла спастись, — он же собственными глазами видел, что я истекала кровью. Глядя на надменное лицо брата Аназис, я размышляла, что же их семья пообещала императору, коли он предполагал полную защиту его интересов и смел нагло смотреть мне в глаза. Тавр не позволил мне обвинить Артура в нападении, напоминая, что, прежде чем пытаться обвинить клан Черного ветра в измене, нужно собрать весомые доказательства.

Наблюдая за избавляющимся от масок и костюмов дворянством, выискивала графа. Когда «прокаженный» выпрямился в полный рост, я уже догадалась, кто скрывается под лохмотьями. Сбросив ветхую одежду, Роах остался в своем обычном военном мундире и направился к нам широкими уверенными шагами.

— Замечательный костюм, Тавр. Признаться, я сам едва ли тебя узнал бы.

Теперь я замечала, как Роах задерживает дыхание, чтобы не почувствовать запах ведьм.

— Идея облачиться в прокаженного тоже была великолепна, — ответил комплиментом принц.

— Люди подсознательно избегают старых, больных и уродливых. Их не запоминают, проходят мимо.

Мне все не удавалось понять, к чему ведется эта вежливая беседа, пока внимательно не посмотрела на Роаха. В глазах графа стоял холод, я чувствовала, как нас окружает звуконепроницаемый коконом, — проходящие мимо услышат лишь диалог о костюмах.

— Больше никогда не прибегай к магии ведьм на публике! — строго выговорил мне граф после того, как завершил колдовство. — Изменение цвета радужки — опасная и глупая идея. Ты ей в этом помог? — перекинулся он на принца.

Тот покачал головой, но примирительно произнес:

— Какая разница? Этот маленький трюк не был раскрыт.

— Ты знаешь, как пристально следят за Маримар. Не смей подвергать ее опасности. Теперь о клане Черного ветра. Я говорю то, что говорю, потому что обязан защищать императора любой ценой, а ему угрожает опасность.

Этой фразой Роах играючи обходил договор. Когда постоянно живешь с подобной клятвой, быстро находишь обходные пути. Так было, когда граф запретил мне сообщать о своем даре. Он догадывался, но пока я так бездумно не открылась ему, мог долго лгать самому себе, что его догадки беспочвенны.

— Императора заверили, будто существует способ продлить годы его жизни. Он уже активно пьет снадобье, которое дает ему молодая невеста, и утверждает, что с каждым днем чувствует себя все лучше.

Роаху не нравилось говорить это Тавру, но, как бы ни недолюбливал он принца, тот казался ему лучшей альтернативой на престоле, чем Аназис и ее родственники.

— Они подарили отцу надежду. Поэтому он так изменился... Ты сможешь достать образец снадобья?

— Смогу, но что ты собираешься с ним делать?

Значит, у Роаха есть доступ ко всем аспектам жизни Терениса, чего нельзя сказать о Тавре.

— Отнесу эксперту. Я знаю травника, который сможет разобрать снадобье на компоненты и определить, угрожает ли он здоровью отца.

По взгляду Роаха было видно, что он в курсе, какому «травнику» Тавр понесет зелье. Неужели принц с графом играли в ту же молчаливую игру, которой пытался научить меня Роах? Возможно, он все это время знал, что принц занимается ведьмовством. Но почему молчал? Почему подбивал меня следить за ним? Вдруг меня осенило: маг буквально носом чувствовал способности принца, но не имел доказательств, чтобы обвинить его! Еще несколько месяцев назад он тратил уйму времени на то, чтобы обвинить Тавра и всеми возможными способами отодвинуть его от престола. Но теперь все изменилось. Теренис-младший сбежал, и полагаться больше не на кого. И Тавр перестал таиться столь усердно. Вот только возле умирающего всегда собираются стервятники, и никто не ожидал, что клан Черного ветра окажется так близко к трону.

— Относи своему эксперту. О результатах сообщи.

К защитному положу начала приглядываться одна из фрейлин Аназис, и граф немедленно опустил его, как ни в чем не бывало продолжая разговор:

— Маримар, ты не забыла, что на следующей неделе свадьба твоих братьев и Киары?

Едва не хлопнула себя по лбу. А ведь эта свадьба была самым крупным скандалом в империи за последние сто лет. О времена, о нравы! Подумать только, женщина брала себе сразу двух мужей! Но Киаре это могло сойти с рук, поскольку она богата и к тому же являлась незаконнорожденной дочерью императора, а Римусу и Ромусу всегда было наплевать на общественную мораль, с ней у братьев вообще были проблемы. Близнецы все делили на двоих, и хотя меня иногда ужасали их повадки, пропустить свадьбу родных братьев я не могла, тем более что Киару они любили искренне. Из всех земель только один храм Четырех стихий согласился провести свадебную церемонию. Меня злила подобная несправедливость, ведь мужчины часто брали себе не по одной жене, заводили младших жен, узаконенных содержанок, и служители храма радостно их венчали. Вспомнилось, что и Роах когда-то пытался выкупить меня из школы Танцующих леди, чтобы взять младшей женой.

— Тавр, ты раньше не желал быть свидетелем на Церемонии, не передумал?

Киара оставалась сводной сестрой принца, и они неплохо ладили, даже устраивали временами семейные ужины, но Тавр наотрез отказался присутствовать на свадьбе.

— Я не поощряю поступок сестры. Она могла жить с ними обоими, не переводя отношения на официальный уровень, — заметил принц.

Он был сильно пропитан ядом двора. «Делай, что вздумается, но так, чтобы об этом никто не узнал». Роах подобным моралистом не был.

— Значит, поедем вдвоем. Тавр, позволишь сопроводить твою невесту на свадьбу ее братьев? — спросил граф с усмешкой, зная, что принц ему не откажет. Не при мне.

— Конечно. Я прошу тебя сопровождать мою невесту. В последнее время улицы стали небезопасны, — нарочито громко ответил принц, давая понять невидимым слушателям, что он знает о покушении на меня.

Роах кивнул и направился к императору. Тавра увела необъятных размеров пожилая дама, в которой я узнала Эмму — главную сплетницу города. Смеясь, она похвалила платье принца, но я-то знала, что завтра же будет пущен слух о любви Тавра к женской одежде. Ко мне тут же подошли Лилиан и Шара. Стражницы никогда не оставляли меня одну, если только я не просила об этом. Мы пошли к столу с закусками, навстречу выплыла Аназис со стайкой своих фрейлин, среди которых я узнала тех, кто, как предполагалось, должны служить мне. Правда, девушек больше интересовало, как прыгнуть в постель к принцу, поэтому я отослала их, и они нашли свои места подле Аназис.

Столы ломились от всевозможных закусок с рыбой, мясом, черной и красной икрой. Я забрасывала в рот маленькие изящные корзиночки с той скоростью, с которой могла жевать. Как там говорила Снежа про Роаха — «расход энергии большой». Мой, очевидно, тоже был немалым.

— Духи стихий, она ест как дикарка! — вздохнула Аназис, беря одну корзиночку и делая крохотный укус.

Я прекрасно знала, как полагается есть леди, и безупречно владела правилами этикета за столом, но мне было абсолютно плевать

на них во время приступов голода.

— Магия воды отнимает много сил, — снизошла до объяснений Лилиан, по характеру не столь агрессивная, как Шара.

— Это ты о дождике, который прошел в садах и попортил дамам прически? — Я продолжала молча жевать. — А вы слышали, как она ворковала с Тавром и Роахом? Так и не определилась, бедняжка, с кем из них хочет быть. Но что поделать, вся эта семейка порочна до мозга костей.

Я съела и выслушала достаточно, так что решила наконец ответить:

— Какие у тебя проблемы, Аназис?

Смотрела на разодетую в перья женщину, на ее фарфоровую белую кожу, густые темные волосы и понимала — она несчастна. Было ли это знание вызвано моими занятиями с Гораной или тем, что я выросла, оставалось вопросом. Женщина удивленно моргнула, не понимая вопроса, и я повторила:

— Тебе не нравится, что мой жених красив и молод? Или что обо мне заботится верховный главнокомандующий армии? Или то, что я обладаю редчайшим даром? Скажи, Аназис, что вызывает в тебе такую сильную ненависть и зависть, что ты мчишься с другого конца поляны, лишь бы пустить очередную нелепую шпильку в мой адрес?

Любой ее ответ подтвердил бы мои слова. Я ожидала, что Аназис скажет что-нибудь гнусное или задерет нос, как подобает аристократке высокого происхождения. Но она... расплакалась.

Крупные слезы полились из ее больших глаз раньше, чем я осознала это. Невеста императора спешно прикрыла лицо веером и поспешила во дворец, велев своим фрейлинам веселиться и оставить ее одну. Торопливое бегство лишь подтвердило: Аназис несчастна, а мои вопросы вынудили ее задуматься о глубине своего горя. Она долгое время оставалась фавориткой императора, старика со скверным характером, не любящего никого, кроме себя. Была игрушкой в руках клана, вынужденная поступать по указу семьи. Я уже и забыла, как благородные фамилии привыкли распоряжаться своими дочерьми. Нас буквально продавали ради выгодного союза, и счастливый брак в империи был такой же редкостью, как маги воды или драконы.

ГЛАВА 13

Храм Четырех стихий, в котором венчались мои родственники, стоял вдали от города на холме, окруженном вековыми дубами. Как и полагалось, он был построен из серого с белым камня, имел округлые стены и пять входов — соответственно способностям, которыми обладал верующий. Раньше я попадала в святилище через узкую дверь для тех, кто магией не обладал, сегодня же прошла в украшенный серебряными фигурками вход для магов воды. Этот храм был беден и имел столь неудачное расположение, что верующие почти не посещали его. Поэтому главный служитель придумал хитрый план, чтобы выжить. За оговоренную сумму он женил кого угодно: сбежавших с конюхами дочерей аристократов, желающих взять четвертую жену в обход закона, и даже женщину, решившуюся на брак с двумя мужчинами одновременно. Однако этот неприлично полный мужчина имел собственный моральный кодекс и никогда не венчал людей, если это было против их воли.

— Готова ли ты, Киара, дочь императора Терениса, наследница земель на юге империи от Черных островов до Южных гор, взять в мужья Римуса и Ромуса, Магов из клана Синего огня, наследников имения в столице, и любить их, как мать-земля, чью силу ты носишь в своей крови?

— Готова.

В пламени многочисленных свечей рыжие волосы Киары переливались как кровь. Глаза ее светились искренним счастьем, когда она стояла между моих братьев, одетых в одинаковые черные костюмы и держащих ее за правую и левую руки.

— Готов ли ты, Римус из клана Синего огня, даровать тепло и оберегать жену от напастей, как положено магу огня и верному мужу?

— Готов.

— Готов ли ты, Ромус из клана Синего огня, быть ветром в крыльях своей возлюбленной, верным и любящим мужем, порывистым ураганом для ее врагов?

— Готов.

— Если есть тот, кто считает, что этот союз противен духам стихий, противен природе, пусть говорит сейчас или молчит вечность.

Из четверых гостей, присутствовавших на свадьбе, никто не имел ничего против венчания братьев и Киары. Ее мама, красивая дама в годах, с гордой улыбкой смотрела на дочь. Со слов Киары я знала, что та была сквиром, родственники долго принижали ее, пока она не нашла выход из положения, соблазнив Терениса и родив ему первую и единственную дочь. Киаре достались способности родственников по линии матери в полной мере, она стала сильной магией земли. Моя родительница сидела рядом с ней на холодной каменной скамье, поджав губы. Ей не очень нравился поступок братьев, но Киара была богата и выводила матушку на новый уровень, поэтому та вела себя на людях, словно полностью поддерживала выбор сыновей и выступала за равноправие в отношениях полов. После объявления подобной позиции мама стала желанным гостем во всех столичных салонах, а большего ей для счастья и не нужно. Я чувствовала радость и своеобразную гордость за братьев, которые оказались достаточно сильны, чтобы поведать всему миру о том, кто они такие. Мне было немного стыдно за отца, ведь он так и не смог принять своих сыновей. Отец был человеком старых правил, а в клане Синего огня не существовало супружеских измен. «Одна женщина на всю жизнь для одного мужчины», — твердил он нам в детстве нерушимый закон клана. Роак эмоций не испытывал, выглядел погруженным в собственные мысли и немного замороженным. Когда-то Киара пыталась женить его на себе, но это было в прошлом. Они даже начали неплохо ладить.

— Перед духами четырех стихий я объявляю сей союз заключенным и священным.

После того как тучный служитель храма закончил свою речь, молодые обменялись кольцами, и каждый из братьев поцеловал Киару. Женщина выглядела изумительно в белом с алыми цветами платье. Поскольку это был не первый ее брак, она не могла выходить замуж в чисто белом платье. Я на минуту представила, как сама пойду к алтарю по серым плитам скромного храма. Откуда-то сверху через цветное стекло польется свет, гостей тоже будет немного, лишь самые близкие. Меня выведет под руку отец и передаст... Я не могла представить себе жениха. Не сейчас.

Подошла к новоиспеченным супругам и подарила четыре свечи, по традиции переплетенные в одну. В них было сложное заклинание магов огня, чтобы свеча никогда не сгорела. Роах преподнес детские серебряные ложечки, намекая, что надеется на скорое прибавление в семействе, моя мама — три высоких бокала Для вина, а мать Киары — собственноручно вышитое постельное белье. Киара строго-настрого запретила дарить дорогие подарки, поскольку считала: то, что мы пришли на свадьбу, минуя общественное мнение, уже является доказательством нашей дружбы и любви. После церемонии мы отправились в дом Киары в столице. В роскошном особняке подали ужин, но никто не стремился задерживаться. По тому, как мои братья смотрели на Киару, было видно, их еда и вовсе не интересует.

— Хочешь полетать? — тихо спросил меня Роах.

Мои глаза тут же загорелись. Я обожала магию графа.

— Киара, Римус, Ромус, — поочередно кивнул им Роах, — спасибо за прекрасный вечер, но я обещал Тавру, что его невеста окажется дома не позже полуночи.

— Как это предусмотрительно, граф! — восхищенно проворковала моя матушка.

Роах оставался ее любимчиком, несмотря на то, что позволял себе орать на нее и не считал необходимым следовать всем правилам этикета.

— Я понимаю. Доброй ночи и спасибо еще раз за то, что пришли. Я сегодня видела своих настоящих друзей, — с легкой грустью в голосе произнесла Киара.

Я могла ее понять: судя по количеству еды, гостей явно ожидалось куда больше.

— Главное не количество, а качество, — подбодрив ее, я шмыгнула вслед за графом.

На подъездной дорожке, где горели фонари, а прислуга в ливреях открывала двери, граф решил устроить взлетную площадку. Он раскрыл объятия, и я в них прыгнула. Роах на сей раз взлетал медленно, чтобы не заморозить меня в ночном зимнем небе. Я была завернута в теплую шубку из меха белого кролика — не самый подходящий наряд для императрицы, но кроликов-то и так съедят, а убивать соболей и лисиц мне было жалко. Когда Тавр узнал, почему я отказываюсь носить соболей, он долго смеялся и сказал, что я

прирожденная ведьма. Вот опять. Один мужчина меня обнимает, а думаю о другом. Может, и была права Аназис, и мы с братьями похожи сильнее, чем я думала.

Прозрачный прохладный воздух приятно трепал распустившиеся волосы. Роах поднялся еще выше над столицей и спросил:

— Готова?

Я кивнула, и он, разжав объятия, позволил мне свободно падать вниз. Я летела спиной к земле, смотрела в ночное небо и думала, как же прекрасна и быстротечна жизнь, когда Роах приостановил падение и словно огромной невидимой рукой потянуть меня вверх.

— Еще, — просила я, — еще!

— Ты первый человек, которому нравится лететь вниз с огромной высоты. Почему, котенок?

На мгновение задумалась. Для кого-то подобное могло показаться совершенной пыткой, лететь вниз и не знать, разобьешься ты или выживешь. Но как ни странно, я полностью доверяла графу в вопросе своей безопасности и получала истинное наслаждение от ощущения свободного падения.

— Когда я лечу вниз, все лишние мысли уходят из головы. Остается только свобода. Будто я полностью становлюсь собой.

Мы уже прилетели на территорию академии. Снег, выпавший на тонкий лед озера, создавал диковинные узоры, деревья причудливо изгибали ветви, сейчас они казались мертвыми, но я знала, скоро их снова покроет нежная зеленая листва. Редкие студенты прогуливались по протоптанным дорожкам. Как и полагается в субботу, почти все слегка навеселе и неумело пытаются это скрыть. Сигурд пробовал запретить пьянство в академии, но ничего не вышло. Когда ректором стал Роах, он снял запрет на алкоголь, аргументируя тем, что студенты как пили, так и продолжают пить. Однако тех, кто совершал бредовые выходки, наказывал по всей строгости.

Граф снова отпустил меня вниз, я падала и смеялась. Он проделал этот фокус еще четырежды, и каждый раз мое сердце сладостно замирало, голова становилась ясной, а звезды, казалось, светили все ярче. Я всегда была такой, ощущение опасности заставляло меня острее чувствовать. Возможно, причиной были слова тренера Лево в первый год моего обучения боевым искусствам. Тогда мне было четырнадцать. Он сломал мне ребро, пытаясь научить защищаться от

удара ногой, я упала и заплакала от боли и не могла подняться, полная жалости к себе. Он присел рядом на корточки, изящно, невзирая на свой большой вес, и сказал:

— Ты выбираешь, кем тебе стать. Безопасный путь предполагает, что ты убираешься с ринга, возвращаешься в школу Танцующих леди и становишься красивым дополнением к любому пожелавшему тебя мужчине. А он может оказаться куда толще и безобразнее меня. Опасный путь иной. Ты стираешь ладони до кровавых мозолей, учишься бороться с самыми отпетыми негодьями, забываешь, что такое «не могу», «устала», «больно». Ты строишь свою личность, воспринимаешь каждый удар судьбы как приключение. Это гораздо сложнее, но в конце концов твоя жизнь будет такой, как пожелаешь ты, а не такой, какой ее хотели видеть другие.

Тогда я перестала плакать и встала. Потом научилась спокойно выносить оскорбления, боль. Научилась не прятать голову в песок и любить опасность.

На поляне уже собралась небольшая толпа зевак, заинтересованная, чем занимается ректор академии с будущей императрицей, и граф снова потянул меня вверх.

— Прежде чем мы спустимся, хочу кое-что тебе сказать. — Он поднял мой подбородок, так, чтобы я смотрела ему в глаза. — Я точно видел твои карие радужки на празднике. Видели их и другие. Ты не можешь быть в безопасности, пока играешь с опасной магией ведьм. У клана Черного ветра не получилось убить тебя, и они предпримут иные попытки избавиться от помехи. Будь осторожна и не доверяй принцу. Он выйдет сухим из воды, а тебя она поглотит.

— Тебе тоже доверять нельзя, — взглянула с вызовом, — Тавр хотя бы меня ни разу не обидел.

— Он никого не обидел, только люди вокруг него умирают, — гневно прошипел граф, но затем тон его смягчился. Роах поднес руку к моему лицу, нежно погладил по щеке, кожа его была теплой. — Я не прошу себе, если с тобой что-нибудь случится. Я ведь тебя...

С земли послышались пронзительный свист и крики. Зеваки собрались в настоящую толпу, возглавляемую Эльдаром, это он и свистел. Роах вздохнул и медленно опустил меня к ним по воздуху. Ко мне со всех ног ринулись друзья, Укр был бледен как смерть, у Алексис заплаканные глаза.

— Что с тобой делал этот изверг? Я видела, как ты летала то вверх, то вниз, как йо-йо на веревочке.

Пожала плечами, придумывая ответ. Он показался мне гениальным, заодно и репутацию ректору поправлю, а то его бояться как-то перестали. Наклонила голову, чтобы волосы закрыли лицо, и предательская улыбка меня не выдала.

— Домашнее задание по факультативу не сделала. Вот он меня и... наказал.

Даже Эльдар, который не раз придумывал зверские отработки для провинившихся, вздрогнул. Положил мне руку на плечо, принимая сдержанные хихиканья за всхлипы.

— Ты это... держись. А если поговорить захочется, приходи к нам с Ниньо.

Я кивнула и побрела в сторону общежития, попросив, чтобы меня оставили одну. Студенты разошлись, обсуждая новости. Никто не застрахован от гнева ректора, раз уж будущую императрицу подвесили в воздухе и болтали туда-сюда добрых полчаса. Готова поклясться, успеваемость заметно улучшится.

Снег падал крупными хлопьями. Неторопливо размышляла, легко управляя невесомыми снежинками. Как бы я ни огрызалась на графа, его слова запали мне в душу, и стало весьма погано. Я не была уверена, что Тавр сможет меня защитить, Роах и подавно. Клан Черного ветра меня пугал, придворная жизнь не нравилась. Император, который с каждым днем вел себя все более безумно, не нравился вдвойне. «Вот бы он умер...» — мелькнула мысль, но тут же была отброшена в дальний уголок сознания. Не хватало еще об убийстве задумываться.

Выход из ситуации — превосходство: когда ты во много раз сильнее соперников, появляется призрачный шанс выжить. Необходимо овладеть магией воды и желательно магией ведьм. Спрятавшись за женским корпусом в тени вечнозеленых деревьев, чтобы быть подальше от любопытных глаз, сбросила на землю шубку и принялась за упражнения. Может быть, если я буду достаточно сильна, смогу защитить себя и близких. Снежинки отрывались от земли и кружили вокруг меня в безумном танце, складывались в разные узоры, но ни один из них не походил на оружие. Я пыталась создавать непроницаемые стены, мечи, копья, наконец, передо мной

зависли десять водяных кинжалов. Я мысленно оттачивала их лезвия и один за другим пускала в могучее дерево впереди. Первые три превратились в лужи, как только коснулись поверхности ствола. Четвертый отколол кусочек коры, будто я его ногтем расковыряла. «Ты не должна думать о них, как о воде. Раз они превратились в кинжалы, ими же должны и остаться», — раздался голос в голове, и сладкая тоска разлилась в душе.

— Чак-чо, — прошептала одними губами, оглядываясь в поисках зверя-покровителя.

Он отделился от тени деревьев, не заставив себя ждать.

«Я же обещал быть рядом». — Зверь подставил голову, я почесала его за ухом, как обычного кота. Громкое урчание подтвердило, что я сделала правильно.

— Я думала, ты привязан к водоемам.

«Не больше, чем ты. Просто там комфортнее», — сообщил кот с человеческим взглядом. Шкура его была необыкновенно теплой. Как бы мне ни хотелось Целую вечность чесать его за ушком, спросила, оглядываясь и надеясь, что никто нас не заметил:

— Почему ты здесь?

«Я тебе нужен. И я соскучился». — «Я тоже», — сказала я зверю мысленно.

— А почему раньше не приходил?

«Я пришел, этого достаточно».

Пока училась создавать водяные кинжалы, чак-чо находился рядом и одобрительно заурчал, когда спустя сотню попыток наконец удалось загнать один из них в ствол по рукоять. И кому нужны уроки императора, когда рядом есть такой могущественный покровитель?

«Ты должна много есть. Приду на закате на следующей неделе».

Время пребывания в сознании заканчивалось, глаза зверя теряли человеческое выражение, с каждой минутой становясь все более дикими. Длинный хвост заходил ходуном, уши вздрагивали от каждого шороха. В конце концов чак-чо убежал в лес, напоследок прижавшись к моему боку и едва не сбив с ног своей лаской.

Как-то после очередного занятия с Гораной я осознала, что не в состоянии запомнить все, что она говорит. Тавр убеждал, что возможности памяти безграничны, только нужно больше стараться и не стесняться переспрашивать. Я же нашла гениальный в своей простоте выход: после каждого занятия записывала новый материал в потрепанную темно-синюю тетрадь и прятала ее между кроватью и стеной. С ритуалом восстановления Черного леса продвигались мы медленно, информация о потоках жизни в природе, равновесии, как следствие — и способе снятия проклятия с земли воспринималась с трудом. Когда же я приносила конспекты Роману и передавала ему то, что объясняла Горана, парень понимал каждое слово. Он явно догадывался, откуда берутся мои знания, но благоразумно молчал. Тавр носился с «богатством» которые отдала ему Горана, — семенами диковинных кустарников и трав, желудями черных дубов.

В академии Роах поражался внезапно появившейся дисциплине студентов — прекратились пьянство и драки, при появлении графа в пределах видимости все вытягивались по стойке смирно, страшась, что он отправит кого-нибудь «полетать».

Ночи меж тем становились все короче, а дни — длиннее, напоминая, что приближается весеннее равноденствие, а с ним и проведение ритуала.

Чак-чо регулярно появлялся на закате и занимался со мной часа по два, после чего уносился ловить птиц и белок, теряя способность к речи и сознательным действиям. Память зверю тоже изменяла, и он превращался в подобие собаки — неизменно преданной, но не самой умной. Мы продолжали тренироваться за нашим общежитием, и я достигла больших успехов по сравнению с тем временем, когда со мной занимался император. Лишь магия крови оставалась недоступной — то ли чак-чо не желал делиться знаниями, то ли не мог.

Это оставалось для меня загадкой до одного прекрасного дня. Закат в тот вечер был нежно-розовым, в воздухе пахло свежестью как намек на скорое пробуждение природы. Я вновь спросила о магии крови, и чак-чо, раздраженно виляя хвостом, ответил: «Эта магия появляется одновременно со смертью частички Души. Император владеет ей так хорошо, потому что его душа давно омертвела».

Умерщвлять собственную душу и становиться похожей на старика не хотелось. Жить студенткой академии мне нравилась гораздо

больше, чем выполнять обязанности императрицы. Куда приятней и проще справляться с экзаменами, чем со зваными вечерами, изучение истории казалось важнее познаний в дворцовом этикете. Аназис быстро оправилась от нанесенного на маскараде удара и при каждой возможности упражнялась в остроумии. У меня не было ни сил, ни желания парировать ее нападки. Казалось, растрачивая на нее свое время и энергию, я только доставляю ей удовольствие. Император избегал меня как чумной и, скорее всего, выискивал лазейки в нашем с ним Кровавом договоре, чтобы от меня избавиться. И если отыщет, то лучшее, что меня ждет, — ссылка на окраину империи, а о худшем и думать не хотелось.

Однажды, идя из библиотеки с полными руками свитков по магии воды, которые еще не успела изучить, в темном коридоре недалеко от покоев Терениса я встретила Артура. В скудном свете витражных окон он казался бледным как смерть и неимоверно худым. Он что-то пил из маленькой бутылочки, делая столь судорожные глотки, словно от них зависела его жизнь. Подойдя вплотную, даже заметила, как дернулся кадык на тощей шее. И что за гадость он пьет?

— У тебя мои кольца, — произнесла, воинственно глядя братцу Аназис в глаза.

Почему-то от мысли, что подарок Роаха в руках у этого мерзавца, хотелось крушить все вокруг.

— Понятия не имею, о чем ты, — заплетающимся языком едва вымолвил тот.

— О трех кольцах. С голубым, зеленым и красным камнями. Отдай. Или я сама отыщу.

К моему удивлению, Артур, пошарив в карманах, вытащил украшения на свет.

— Ты об этих? — В его руке камни оставались мертвы, они не переливались, как на моей.

— Отдай мне, — приказала, используя магию голоса.

Артур расхохотался.

— Я позаботился и купил себе кусочек кожи чак-чо. Отлично помогает против вашей магии. — Сунул кольца обратно в карман и ослабил, глядя мне в лицо.

Я же вздохнула и осторожно опустила свитки на пол.

Если Артур думал, что магия голоса — единственное, что могу ему противопоставить, он сильно ошибался. Не стесняясь испортить аристократический нос, я прибегла к лучшему, самому эффективному и одобренному Эльдаром способу получить желаемое — мордобоем. Первый удар пришелся в челюсть, второй в глаз. Ради лучшего результата ударила Артура коленом в живот.

— Больно, — всхлипнул он, согнувшись пополам.

— А мне не было больно, когда ты меня в живот ножом пырнул? — спросила, обрушив на голову противника серию ударов.

Дар у Артура был паршивейший — для того чтобы пользоваться магией, ему приходилось... свистеть. Разбив ему лицо и выбив пару передних зубов, я позаботилась, чтобы он был не в состоянии свистеть еще несколько месяцев. До тех пор, пока придворный лекарь не поставит ему фарфоровые зубы. Говорят, жевать ими очень неудобно.

Мужчина наконец рухнул на пол. Спокойно обшарив его карманы, выудила свои кольца, прихватила и флакон, из которого он пил.

— Еще пожалеешь, — прошипел он слабым голосом, сплевывая на пол густую кровь.

— Тебе никто не поверит. Ты аристократ, наверняка прошедший военную подготовку, а я маленькая слабая Девушка с такими же маленькими и слабыми ручками и ножками. — Слабенькой ножкой я и саданула в бок напоследок. Было не жалко. Ни капельки.

Подобрав свитки, коридор покидала, радостно насвистывая. И почему я так долго слушалась Роаха и Тавра и ничего не предпринимала? Давно бы вернула свои кольца, а заодно показала бы клану Черного ветра, что в отличие от Артура я вовсе не беззуба.

Возвращаясь в академию в приподнятом настроении, по пути в комнату столкнулась со Снежей. То ли из-за угроз брата, то ли из-за нашей постоянной совместной работы девушка стала относиться ко мне теплее.

— Ты вся цветешь. — Она оценивающе оглядела меня с ног до головы. — Встречалась с принцем?

Как же всех интересовали подробности моей личной жизни! И как объяснить, что личной жизни у меня почти нет? Были, конечно, поцелуи украдкой, объятия, от которых можно растаять, слова... Но того, о чем перешептывались девчонки, бросая любопытные и завистливые взгляды, не было. Не до свадьбы.

— Нет, отлупила одного гада.

Никому другому я бы не призналась, но Снежа, хоть и выглядела изнеженной аристократкой, силу уважала. Я недавно стала свидетельницей тому, как северянка подвесила в воздухе вверх ногами парня, который слишком настойчиво навязывался с ухаживаниями, и долго разъясняла, как именно он должен с ней обращаться.

— И правильно. Маримар, прости меня, что плохо к тебе относилась. Ты оказалась прекрасным человеком, хоть и изрядно изводишь моего брата и убежала от него к принцу... Ну чем Роах так плох? — Снежа явно готовилась к разговору не один день, и сейчас, сжав руки в кулаки, выпалила все на одном дыхании.

Она была очаровательна в своей наивности. Удивительно, как девица благородного происхождения могла считать, что мы имеем право выбора? Леди отдают замуж за деловых партнеров, за титулованных особ, за аристократов с сильной кровью и способностями. Брак — это сделка, сложная, требующая огромных усилий с обеих сторон.

— Я никого не выбирала, Снежа. Граф сам привез меня к императору, как только узнал о способностях к магии воды. Он не мог поступить иначе, а я не могла отказаться от предложения Терениса выйти замуж за его сына.

Девушка удивленно заморгала, она была не осведомлена об этой части наших отношений, считала, что Роах предложил мне стать его единственной женой, потому что любил меня, но не знала обо всех интригах, что происходят в наших жизнях.

— Значит, ты не любишь Тавра? Все говорят, что он красавец, но я чувствую... душок. Будто внутри у него что-то испортилось.

Задумалась над ее вопросом. Когда я видела принца, колени подгибались, а сердце билось так сильно, что норовило вырваться из груди. Когда он целовал меня, земля уходила из-под ног. Мысль о том, что он может быть с другой девушкой, заставляла желудок сжиматься от боли, и навряд ли дело было в возможной язве. Но... была ли это любовь? Слишком часто я видела, как «влюблялись» девушки из школы Танцующих леди, через две недели снова «влюбляясь» в кого-то другого. Видела, как они плакали из-за разбитых сердец и поруганной чести. И даже видела, как одна из девушек выбросилась из окна, — ее возлюбленный, поиграв с ней, ухал из города, а она

осталась без чести и будущего. Говорят, что любить — значит ставить чьи-то интересы выше своих собственных. Я же продолжала оставаться верной себе, разве это не признак того, что сердце мое из камня?

Как обычно, не найдя ответа на вопрос, предпочла сменить тему разговора.

— Ты разобралась с определением способностей магов по нанесенному ущербу? Я совсем запуталась со следами магов воздуха. Может, поможешь?

Снеже нравилось ощущать превосходство, поэтому она забыла о допросе и принялась с упоением рассказывать о способах вычисления преступника — мага воздуха.

ГЛАВА 14

Коллекция вещей, которую не стоило видеть моим врагам, медленно множилась. К тетради с конспектами по магии ведьм и окровавленной кукле с моими волосами прибавился медный браслет с выведенными на нем символами. Неприметное украшение несло в себе чары, призванные помочь с концентрацией внимания. Горана учила меня использовать память иначе:

— Представь, что в твоей голове есть дом, крепость, город. Ты должна мысленно складывать туда все, чему я тебя обучаю. Это — словно картотека, разъясняющая, что где лежит в твоей личной библиотеке. Каждый поворот коридора должен вести тебя к потоку определенной информации, каждая малейшая деталь — к выученному факту. Все знания, что я тебе даю, остаются в твоей голове, тебе нужно научиться правильно их отыскивать.

Закатив глаза, пыталась представить этот дом и соотнести его с обширным материалом, которым делилась со мной ведьма. Выходил кривенький, ничем не примечательный крохотный сарайчик. Я обреченно вздохнула, но продолжила мысленное строительство. Тавр показывал маленьким ведьмам фокусы, заставляя предметы летать, будто их подкидывал невидимый жонглер.

— Не отвлекайся! — строго приказала Горана, нарядившаяся в длинное льняное платье, среди множества юбок которого таились спрятанные снадобья.

Я почувствовала себя совсем глупо. Закатившиеся глаза, бессмысленное выражение лица, разве что слюна с уголка рта не стекает. Ан нет... стекает. А до нашего ритуала по восстановлению Черного леса остались считанные дни! Роман был как на иголках, с каждым днем все более оттачивал свое мастерство. Весна вступала в свои права медленно, но благодаря усилиям моего рыжего друга на территории академии было значительно зеленее, чем в округе. Однако вырастить дерево на живой и плодородной почве — совсем не то, что сделать то же самое на проклятой земле.

— Может, вы меня научите поглощать взглядом волю людей? Или строить иллюзии?

— Ты и так можешь поглощать чужую волю благодаря способностям мага воды. А магии иллюзий невозможно научиться без овладения своей памятью. Мари, — я, как обычно, вздрогнула, слышать свое сокращенное имя было все так же непривычно, — то, чему я тебя учу, неимоверно важно. Именно память всегда помогала мне выпутываться из сложнейших жизненных ситуаций.

Горана никогда не рассказывала о своей жизни. Можно подумать, она всегда жила под присмотром принца в доме среди трущоб. Но так быть не могло. Мне стало любопытно.

— Каких именно?

Женщина улыбнулась. Несмотря на возраст, она была еще красива, седые пряди в золотых волосах ничуть ее не портили.

— Когда я была молода, путешествовала с бродячим цирком. Показывала трюки с маленькими собачками, они так нравились детям! Всегда старательно запоминая лица зрителей на трибунах, я узнала мужчин — охотников за ведьмами. Они приходили раз, другой, третий... Удостоверившись, что я ведьма, произвели облаву в цирке, вот только меня там уже не оказалось. Память бесценна, Маримар. И да, я поняла, что полное имя нравится тебе больше. А ты заметил, Тавр? — Принц покачал головой. Он всегда звал меня «Мари», не обращая внимания на мою реакцию. — Мужчины не отличаются проницательностью. Именно поэтому они не могут в полной мере овладеть нашей магией, — пояснила Горана.

— Зато я хорош в травах, — гордо изрек принц.

Вспомнила о снадобье, которое забрала у Артура. Я напрочь забыла о нем в ожидании подходящего момента, чтобы показать жениху, но Тавр вечно лишал меня мыслей и планов одним своим поцелуем. Порывшись в карманах юбки, извлекла черный флакон из дорогого тончайшего стекла.

— Ты знаешь, что это? — протянула склянку принцу.

Тавр вытащил изящную пробку и поднес к носу.

— Жидкость пахнет точь-в-точь как та, что граф позаимствовал у отца. Где ты ее взяла?

Я кратко рассказала, опустив подробности, каким именно образом я забрала у Артура пузырек. По ухмылке Тавра поняла, что он догадался. Артур долго красовался с лиловым от синяков лицом, объясняя свой внешний вид падением с лошади на охоте.

Горана слушала настороженно, быстрым взглядом приказав девочкам покинуть комнату. Они неохотно ушли, недовольные тем, что взрослые опять обсуждают что-то без них.

— Я смог определить основные составляющие, — тем временем продолжал Тавр, — они вполне безобидны и представляют собой настойку из трав, способствующих хорошему самочувствию и крепкому сну. Но главный компонент остался для меня загадкой.

— Ты видела, что он делал с флаконом? — Горана не отрываясь смотрела на черный пузырек, будто в нем была спрятана ядовитая змея.

— Пил из него, привалившись к стене. И выглядел счастливым, как люди, употребляющие опиаты. — Благодаря любви Тавра к сладостям, которые по странному стечению обстоятельств находились лишь в опиумной курительне, я насмотрелась на употребляющих различные наркотики.

Горана с нечеловеческой скоростью подлетела к принцу и выхватила пузырек. Капнула содержимое на язык, тут же сплюнула, словно в рот попал яд, и выругалась на неизвестном мне языке. Мы с принцем выжидающе уставились на женщину.

— Что там? — спросила я Горану, принявшуюся мерить комнату шагами.

Тавр терпеливо ждал, когда тетка расскажет нам о содержимом склянки.

— Жизнь, — произнесла ведьма. — Чужая жизнь, похищенная во время темного ритуала. — Тавр выглядел потрясенным, я же не могла понять, о чем она говорит. — Некоторых из представительниц нашего рода и впрямь стоило уничтожить. — Горана с ненавистью посмотрела на склянку, что вдруг стала выглядеть зловеще. — И я надеялась, что последних из них умертвил клан Ледяного ветра.

Я окончательно перестала понимать ее. Я-то думала, что все ведьмы — безобидные хранительницы древних знаний, пострадавшие от рук жестоких и жадных до власти магов стихий. Словно прочитав мои мысли, женщина сказала:

— Не все из нас следуют законам природы. Среди нас всегда существовали представительницы темных искусств, нарушавшие течение жизни и смерти, воскрешавшие мертвых и отбиравшие жизнь.

То, что вы видите перед собой, — украденная жизнь мага-стихийника, сжиженная и преподнесенная как лекарство от всех болезней.

— Она может продлить жизнь другому?

— Это издевательство над природой может позволить использующему его жить почти вечно, к тому же оно усиливает способности мага, делая из пустышки настоящий талант. Более того, если провести ритуал правильно, можно забрать способности у одного мага и передать их другому.

Горана уставилась на Тавра, тот отвернулся.

— Вы хотите сказать, что каждый такой флакончик — чья-то жизнь? — Теперь я понимала, почему Горана смотрела на склянку со страхом и отвращением.

— Да. Из мага вытягивают его способности, а с ними уходит душа. Он остается жить, но жизнь эта подобна агонии. Воля, страсти, желания — все исчезает. Остается только оболочка, хотя и она не особенно долговечна. Из одного человека можно вытянуть достаточно сил, чтобы создать три-четыре подобных склянки, но разве это важно? Жизнь есть жизнь.

Действительно не важно. Человек не должен умирать насильственной смертью, чтобы жил другой. Метка на запястье горела огнем, словно богиня, в которую я не верила, разделяла мое негодование.

— Ты знаешь, как давно и часто твой отец пьет это?

— Примерно два месяца, он выпивает один флакон в неделю.

Возможно, уже четыре жизни оборвались потому, что император хотел жить вечно. И сколько еще умрут?

— Он был так болен, по моим расчетам, пламя его жизни уже должно было угаснуть, — задумчиво протянула Горана.

Она не скрывала, что страстно жаждала смерти Терениса. Но пламя не гасло, наоборот, с каждым днем старый император чувствовал себя все лучше. Он закончил все дела с подготовкой свадьбы, которая должна была состояться, как только распустятся первые цветы. Знал ли Теренис, что пьет, или думал, что Аназис дает ему настойку из трав?

— Надо убить императора, — раздался чей-то голос.

Лишь по воцарившейся тишине поняла, что мой. Я произнесла вслух страшные слова, за которые уже полагалась смертная казнь. Тавр

смотрел на меня так, будто у меня выросла вторая голова. Неудивительно. Теренис все же приходился ему отцом. Не успела я пожалеть о вылетевших словах, как голова принца опустилась. Медленно, словно против его воли. Но он соглашался. Горана подняла ладони, точно останавливая нас.

— Нужно найти ведьму, совершающую ритуал и готовящую зелье. Как только Теренис перестанет его пить, нить его жизни оборвется. Природа всегда забирает свое, — заявила она с уверенностью.

Возможно, Горана права. Как много богатых стариков готовы заплатить любую сумму, чтобы продлить свою жизнь? Страшно представить, сколько невинных людей погибло.

— Есть предположения, где она находит жертв? — Принц равнодушно убрал флакон в нагрудный карман.

— Чтобы изготовить это снадобье, нужны стихийные маги.

— Но они не принадлежат к знатному роду, иначе аристократы уже подняли бы панику.

Я терялась в догадках, но осознавала — промедление стоит жизни многих людей. Мысленно составила список врагов: император, Артур и представители клана Черного ветра, неизвестная ведьма, поставляющая им зелья. Проще всего было добраться до Артура и вынудить его открыть имя ведьмы. Озвучила мысли, и Тавр, к моему удивлению, сказал:

— Нужно привлечь Роаха. Он контролирует военных, знает методы допроса.

Горана зашипела как кошка, не соглашаясь, ее племянник зашипел в ответ. На границе сознания мелькнула отстраненная мысль: если мы с принцем все-таки поженимся, семейка у нас будет оригинальная.

— Что бы ты о них ни думала, клан Ледяного ветра умеет выслеживать ведьм. И я уверен, граф давно знает обо мне, а возможно, и о тебе. И ничего не доложил отцу, — уверенно продолжил Тавр.

Горана все еще гневно сверкала золотистыми глазами.

— Граф точно знает, он сам мне сказал — встряла, вспоминая наш разговор в воздухе. — Он считает клан Черного ветра большей угрозой империи, чем ведьм.

— Пусти лису в курятник, и она не успокоится, пока не изорвет всех кур, — обреченно буркнула Горана.

— Роах под контролем. — Принц многозначительно посмотрел на меня, затем заглянул ей в глаза, словно что-то сообщая без слов. — Он остановит охоту, как только я прикажу, поверь мне, тетя.

Она кивнула, хотя всем видом красноречиво говорила, что против подобного разворота событий. Для меня же не было ничего более важного, чем остановить убийства. И если Теренис не хочет уходить в вечность по своей воле, нужно ему помочь.

* * *

День весеннего равноденствия близился, и как бы мне ни хотелось погрузиться в расследование о таинственных флаконах с содержащейся в них украденной жизнью, ритуал по возрождению Черного леса откладывать было нельзя. Тем более что Тавр поговорил с Роахом, и тот взялся за дело с фанатизмом и настойчивостью, будто сама его кровь призывала к охоте. Граф создал специальное подразделение, которое изучало пропажу магов-стихийников за последнее время, взял под контроль все столичные рынки, отслеживая поставку трав, надобных для зелья, а также организовал слежку за Артуром и членами его семьи. Естественно, ни император, ни клан Черного ветра не знали о новой охоте на ведьм. Роах хотел поймать виновницу и собрать улики, чтобы затем обвинить клан Черного ветра в измене короне. При таком раскладе Теренис-старший выходил сухим из воды, вот только мы знали, что стоит императору прекратить пить зелье, он умрет.

Спустя пять дней пути мы приближались к сердцу Великой пустыни. Роман, выглядевший больным из-за отсутствия жизни вокруг, Тавр — несший часть семян и все время что-то бормочущий им, словно те могли ответить, и я, пытавшаяся показать больше энтузиазма, чем испытывала на самом деле. Изнутри сковывал страх неудачи, и я всеми силами гнала его. Когда-то посреди Черного леса находилось огромное озеро — самое глубокое во всей империи, полное чистой пресной воды, а сейчас представлявшее уходящий вглубь кратер. Смотреть вниз было жутковато — дна не разглядеть. Тавр сказал, что вода ушла, когда умерли деревья.

Первым открытием стало то, что Великая пустыня — серая. Иссохшая земля, мертвые деревья, ни единой живой травинки. Особой жары не чувствовалось, температура воздуха напоминала столичную, отчего все происходящее казалось еще более неправильным. Ни птичьего пения, ни стрекота насекомых... проклятая земля скорбно приветствовала нас в своих чертогах. Даже на Востоке, где пустынные земли — норма, повсюду встречается жизнь: на камнях греются быстрые ящерицы, растут кактусы, нет-нет и появится ручей, возле которого разросся зеленый оазис. Здесь же за три дня пути мы не увидели ничего живого. Нас преследовало ощущение смерти, даже небо над головами казалось серым, больным. Мертвым.

— У меня от этого места мурашки по коже, — произнес Роман, оглядывая однообразный ландшафт; как и все маги земли, он не выносил отсутствия растительности, — будто земля молит об освобождении.

— Так оно и есть, — вздохнул Тавр.

Он и в пустыне не терял присущего ему изящества. Серая пыль, налипшая на кожу, выглядела словно пудра, трещинки на губах привлекали внимание к их совершенной форме. К слову, потерять изящество было просто. Лошадей нам пришлось сменить на более выносливых, но вовсе не грациозных мулов. Им было нипочем долгое пребывание без еды и воды, чего нельзя сказать о моей Рыське, которая даже границу пустыни отказалась пересекать.

— Начнем ритуал отсюда, — возвестил Тавр, едва мы оказались у края кратера. Я взяла медную монету и бросила ее вниз, звука падения мы так и не услышали. Очень глубоко. — Маримар, ты чувствуешь подземные воды?

Никогда ранее я не пыталась услышать реки, что текли под землей, но это оказалось просто. Словно невидимой рукой коснулась бескрайнего бушующего потока.

— Вода здесь, — сказала уверенно. — Она никуда не ушла, просто скрылась под землю, будто избегая осквернения.

— Твои глаза так прекрасны, когда ты творишь магию. — Принц подошел ко мне и нежно поцеловал в щеку.

Роман скривился, он терпеть не мог проявления друзьями нежных чувств.

— Сладкая парочка, нас ждет очень неприятный ритуал, мне, между прочим, придется кровь из вен выпустить, так что прекратите пытаться меня своими телячьими нежностями.

Обсуждая ритуал воскрешения земли, сошлись на том, что без жертвы не обойтись. Роман, недолго думая, решил принести в жертву себя, уверяя, что потеря нескольких литров крови его не убьет. Моя задача заключалась в том, чтобы смешать кровь Романа с дождем и пролить над пустыней, освобождая ее от проклятия и возвращая почве плодородность. Тавр в это время должен был ветром разносить семена трав и деревьев, делая какие-то ведьминские фокусы.

Я не понимала, как работает их магия, поэтому сосредоточилась на своей. Огромные тучи собрались над пустыней и безжизненным озером, закрыв собой солнце. Магия никогда не давалась мне так легко, как в этот день. Возможно, дело было в браслете Гораны, который я надела, или в том, что силы природы знали: то, что мы собираемся сделать — правильно. Я полностью слилась с стихией, волосы разметались по плечам, глаза горели синим огнем. На землю упала первая капля воды.

— Маримар, неловко тебя об этом просить, но не могла бы ты вскрыть мне вены? — вырвал меня из транса Роман.

Проморгалась, чтобы разглядеть его. Парень протягивал нож и улыбался, будто просил почистить ему яблоко. Мои глаза расширились от ужаса, хотела было переложить это дело на Тавра, но босой принц бродил по краю опустевшего озера, сильным голосом напевая мотивы на неизвестном мне языке, и, казалось, ничего не слышал и не видел.

— Ну пожалуйста, — протянул Роман, — я сам боюсь.

Сдерживая тошноту, сделала неловкий надрез, но он тут же затянулся.

— Режь глубоко, я переживу.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Я зажмурилась и полоснула его по венам со всей силы, из правой руки полилась кровь. После одобрительного кивка проткнула левую. К горлу снова подкатила тошнота, одно дело ранить кого-то в бою и совсем другое — сделать это без кровавого угара. Роман понял мое состояние, поэтому даже не поморщился, улыбался, будто ему совсем

не больно. Друг замер, раскинув руки в стороны, шепча слова заклинаний и позволяя крови щедрым потоком пролиться на землю.

— Начинай! — приказал.

Взгляд его стал ярче, кожа начала зеленеть — Роман погружался в собственную силу. Я посмотрела в небо и одними губами прошептала: «Пора». Кровь элементаля изменила направление и теперь летела вверх, в небеса, казалось, будто окрашивая их в ярко-фиолетовый цвет. В старое дерево ударила молния, сбивая омертвелую обожженную кору. Молнии начали бить в землю, уничтожая старое проклятие, со всех сторон доносились раскаты грома. Испуганные животные мычали, пытаясь скрыться за мертвой ивой, тянущей скрюченные ветви к опустевшему водоему.

— Режь еще! — Роман едва перекрикивал воцарившийся ад.

Порезы на руках затянулись, пришлось взять нож и снова резать вены, давясь слезами. Роман стойко терпел, но, когда я коснулась его ладоней, они тряслись. Кровь — нет, сама жизнь мага земли — взлетала к небесам. Облака распухли, обещая пролиться на землю. Молнии били вокруг, ослепляя, Тавра не было видно за этими вспышками. Ослабевший Роман упал на колени, на сей раз раны затягивались медленнее. Небо все тяжелело, ветер грозил сдуть нас прямо в кратер. Наконец тучи, не выдержав количества скопившейся в них живой влаги, разорвались и пролились над Великой пустыней плотным дождем.

Я придерживала Романа, чувствуя, что парень вот-вот рухнет.

— Маримар, этого недостаточно, — прошептал он, когда кровь перестала лететь к небесам, затянувшиеся порезы алели свежими шрамами на запястьях.

Смогла разобрать его слова только потому, что смотрела на губы.

— Больше не стану тебя резать. Ты можешь умереть, — крикнула, потому что слова заглушал шум ливня — вокруг начался потоп, какие описывались в древних легендах, вода стояла стеной, я не могла разглядеть хоть что-то в двух метрах от себя.

— Я не умру, клянусь тебе. — Роман взял меня за руку, направляя стилет.

Я помнила, что Сигурд еще не до конца передал ему свою силу, и хотя парень стоял в шаге от бессмертия, все же мог умереть. Но в глазах его была полная уверенность в действиях, и я поверила. Сжала

челюсти и нанесла порезы на светлую кожу запястий. Кровь вновь полетела к небесам, и я бы восхищалась красотой происходящего и свободой дикой стихии, если бы не боялась за друга.

Дождь набрал полную силу, теперь, вытяни я ладонь перед собой, не разглядела бы собственных пальцев. Дышать и то было сложно, поэтому остатками своих сил я приказала потоку хоть немного обойти нас с другом, чтобы водой не снесло в озеро. Роман покачнулся и рухнул в серую грязь, которой стал мир. Опустившись рядом, положила его голову себе на колени и прикрывала от дождя его лицо. В груди невыносимо тянуло от одной лишь мысли, что Тавр бродил по краю обрыва, когда началась буря. Его вполне могло смыть в кратер. Чувствуя, что больше не управляю дождем и понятия не имею, как его остановить, закрыла глаза. Если бы знала, каким страшным окажется ритуал, дважды подумала бы, соглашаться ли на его проведение. Горана твердила о каких-то потоках и энергии жизни, но все, что я сейчас видела вокруг, было хаосом. В голове прозвучала точно не моя мысль: «Из хаоса рождается порядок».

— Поскорее бы он родился, — зло прошептала я.

Не люблю, когда лезут с мудрыми высказываниями, пусть даже боги. В том, что слова, периодически раздающиеся в моей голове, принадлежат богине, я уже не сомневалась.

Время остановилось, я гладила друга по мокрым волосам, прислушиваясь к слабому дыханию и приговаривая, что все будет хорошо. А нить его дыхания обрывалась. Что там делают лекари при кровопотере? На пальце поблескивало зеленое кольцо с небольшим запасом магии земли. Активировала его, направив на друга, и, мысленно благодаря графа за подарок, наблюдала, как магия перетекает в Романа.

Что еще сделать, не знала. Кровь — это жидкость, правильно? Я посмотрела на друга, пытаюсь почувствовать, как она циркулирует в его теле. Наконец удалось. Плохо дело, крови было слишком мало. Другой человек уже бы умер, Роман держался за счет своей магии и магии кольца. Да когда же прекратится этот чертов дождь?! Взглянула на небеса в попытке успокоить дождь, те разразились громом, словно стихия не желала подчиняться моим приказам. Даже подняться с колен казалось опасным. Дождь шел стеной, снося все на своем пути. Если отпущу Романа хоть на секунду, он тут же захлебнется в воде.

Оставалось сидеть и не двигаться, шепча под нос проклятья вперемешку с молитвами.

Я уже превратилась в замершую статую, не чувствующую холода, когда гром стих, прекратили сверкать молнии, а дождь начал успокаиваться.

— Тавр! — крикнула, срывая голос и боясь оставить Романа одного. — Та-а-авр!

Голос звучал все громче, значит, дождь точно утих. Я уже сипела, шея болела от верчения головой. Жениха нигде не было видно. Вокруг валялось множество мертвых деревьев, поваленных ветром, одно из них могло его придавить. Почему мы были так самонадеянны, почему не взяли с собой больше людей?

В панике сжала кольцо с голубым камнем, вызывая графа. Взвалив на себя Романа, оттащила к валунам, за которыми прятались наши чудом уцелевшие мулы. Звери уже не орали от страха, они мелко тряслись и вращали безумными глазами. Друг даже не застонал, когда я не слишком нежно прислонила его к камню. В одной из кожаных сумок, прикрепленных к спинам мулов, я обнаружила почти сухое одеяло и укутала им Романа, стянув с него вымокшую одежду. Со штанами пришлось повозиться, потому что, даже обессиленный и замерзший, он не давал мне их стянуть.

— Потом будешь беспокоиться о своей добродетели, — бурчала, борясь с мокрым нижним бельем.

— Теперь должна будешь на мне жениться, — произнес он одними губами и отключился, довольный своей шуткой.

Устроив Романа и убедившись, что он не замерзнет, бросилась на поиски своего жениха. Оглядевшись, не поверила своим глазам. Пустыня больше не была серой. Мои туфли были испачканы густым вязким черноземом. Я прикоснулась к почве и даже не имея способностей к магии земли почувствовала, что она полна жизни.

Сорванным голосом вновь позвала принца. Его не было видно, зато кругом просыпалась жизнь. Земля прямо на глазах покрывалась травой, некоторые высохшие деревья, простирившие к небесам безжизненные ветви, попадали, но с других облетела мертвая кора, и ветви наливались силой. Лес оживал, и пусть требовалось время, чтобы он вернулся к прежнему великолепию, уже никто не посмел бы назвать это место пустыней.

Дальше деревья, к моему удивлению, росли ровными рядами, и меж их стволов я увидела босого перепачканного принца. Солнце, выглянувшее из-за поредевших туч, играло на его золотистых волосах, распрямившихся от тяжести воды и рассыпавшихся по голым плечам. Тавр стоял, раскинув руки, и выглядел таким счастливым, будто получил лучший подарок в жизни. Счастье красит людей, и, невзирая на тревогу за Романа, сердце мое сладко сжалось при виде самого красивого мужчины на земле.

— Мари... мар, — протянул он, заметив меня, только когда я подошла вплотную, — у нас получилось! Получилось!

Принц схватил меня на руки и принялся покрывать лицо поцелуями. Погладила его теплую кожу и, как бы ни хотелось прижаться ближе, мягко оттолкнула.

— Роман пострадал. Нужно ему помочь.

Улыбка не исчезла с лица принца, и огоньки в золотых глазах никуда не пропали, но он взял меня за руку и сказал:

— Веди. — Тавр словно скользил по земле, полностью растворяясь в природе. — Посмотри, — с улыбкой указал на озеро, полное чистой искрящейся воды. Как я не заметила это раньше? — Мы сделали это. Мы оживили Черный лес.

Я шла, оглядываясь и понимая, что даже если больше ничего выдающегося в своей жизни я не совершу, этого чуда достаточно, чтобы понимать: прожила ее не зря.

Мы опустились на колени возле Романа. Он похолодел еще сильнее и почти не дышал. Тавр коснулся его шеи, посчитал пульс.

— Он умрет, — заявил без какого-либо выражения в голосе, — от потери крови умирают легко, это будет как сон.

Тавр погладил Романа по голове, будто не человека, а жертвенную корову.

— Не умрет, — зашипела на принца. Как он мог говорить такие вещи, при этом спокойно подставляя лицо солнцу и наслаждаясь видом зеленой поросли? — Ты знаешь какие-нибудь травы, отвары, магию, чтобы помочь ему?

— После небольшого кровотечения помогают листья и плоды земляники. Но ты его не спасешь, Маримар. Такое сильное проклятие нельзя снять без жертвы. Я надеялся, мы сможем этого избежать, но, видимо, земля берет свое.

Тавр, казалось, совсем отрешился от мира. Говорил со мной, но не видел меня и словно двигался под какую-то слышимую только им музыку. До меня вдруг дошло: он с самого начала знал, чем это может обернуться для Романа. Знал и ничего мне не сказал, потому что чертов лес — единственное, что его интересовало. Я приблизилась к холодному Роману, обняла его и молила о помощи. Духи стихий, не дайте мне потерять друга.

Холодный ветер коснулся моей щеки, вытирая скатившуюся из уголка глаз слезинку. Я подняла голову, понимая, что подмога уже здесь. Граф приземлился на зеленой поляне, своей силой вымораживая молодую траву, побеги покрылись инеем.

Увидев меня, Роах подлетел со словами:

— Что произошло? Как я могу помочь?

Голос звучал холодно, слова звенели льдинками. Вот он во плоти, тот порядок, что должен рождаться из хаоса. Тавр ничуть не удивился появлению графа, Хотя, судя по его состоянию, он был опьянен магией и не на многое сейчас способен.

— Никак. Юноша умирает, — произнес он.

Граф с закаменевшим лицом прикоснулся к Роману, покачал головой. Я пояснила:

— Он потерял слишком много крови. И мне кажется, само это место вытягивает из него жизнь.

Роах вдаваться в подробности не стал, это был человек, на которого можно положиться. Даже в отставке он не просто так оставался фактическим главнокомандующим армии, мыслил молниеносно.

— Кольцо с магией огня все еще не использовано?

Протянула кольцо с алым камнем. Роах активировал его, соединил со своей магией и создал вокруг Романа циркуляцию теплого ветра.

— Чтобы не переохладился в дороге. Я заберу его и отнесу к Сигурду. Будем верить, что старик сможет его исцелить.

Не тратя времени на слова, граф поцеловал меня в лоб холодными губами, поднял в воздух кокон из теплого ветра с Романом внутри и исчез вместе с ним. Я еще долго пялилась на посветлевшее небо, надеясь, что все будет хорошо.

ГЛАВА 15

В академии был объявлен трехдневный траур. На окнах висели черные шторы, уроки были отмены, преподаватели ходили как в воду опущенные. Бессмертный, по слухам, Сигурд, бывший ректор академии, сильнейший в империи маг земли, умер. Ему было триста один год. Бывшего элементалю хоронили в закрытом гробу, ведь он обратился в прах после того, как передал свои силы Роману. Об этом знали только мы с Роахом и мой рыжий друг, подавленный смертью своего наставника.

— Он сказал, что Великую пустыню нельзя возродить без жертвы, а поскольку он ее проклял в молодости, сам этой жертвой и должен стать.

В полночь мы вдвоем сидели в пустом обеденном зале. Когда я вернулась, загнав Рыську до пены, застала Романа уже полностью здоровым, даже румяным, впрочем, щеки его покраснели, скорее, от количества выпитой настойки горького корня. Роах распорядился похоронами, подписывая кипу бумаг, и не взглянул на меня, когда я с ним поздоровалась, влетев в его кабинет с расспросами о друге. Тавр так и остался в бывшей пустыне, обходя свои новые владения. Он выглядел немного помешавшимся от счастья, когда мы прощались, но я была уверена, рассудок вернется к нему очень скоро. Я запомнила реакцию принца на возможную смерть Романа. Оставалось гадать, будь я на месте друга, Тавр тоже флегматично махнул бы рукой и пожелал мне доброго пути в забвение?

— Сигурд все сделал правильно, он должен был передать тебе свои силы, так или иначе. То, что он сотворил по приказу императора, мучило его всю жизнь. По крайней мере он умер, осознавая, что проклятие с Черного леса снято, — говорила я, опускаясь на скамейку рядом с другом.

Мне хотелось обнять его и разрыдаться, но момент был неподходящий. Все в академии давно спали, расстроенные страшной новостью. Сигурд был легендой, представить академию Пяти дорог без него казалось невозможным.

— Ты права. Но меня гнетет то, что, когда граф принес меня Сигурду, я думал лишь о собственной шкуре. Каким-то образом понимал, что придется сделать старику, чтобы меня спасти, и все мысли в голове бились в одном ключе: только бы он это сделал. Я слишком люблю жизнь.

Роман опрокинул еще одну стопку горького корня. Любой бы уже рухнул после половины бутылки напитка, но элементарь даже опьянеть не успел. На столе были разбросаны орехи, крошки хлеба, подсыхал шмат обглоданной ветчины. При виде еды рот наполнился слюной. Вспомнила, что у графа в кабинете видела огромный торт, который он неохотно поедал, чтобы восстановить силы.

— Поэтому Сигурд тебя и выбрал. Ты любишь жизнь, значит, будешь жить. Не вини себя. Если кто и виноват, то это я. Я помогла в организации ритуала.

— Ты видела, как сейчас выглядит пустыня?

— Больше ее так не назовешь. Земля стала черной, плодородной, некоторые деревья ожили, повсюду разрастается трава.

— Значит, все было не зря. Тавр, кстати, придурок. Я слышал, как он меня похоронил. — Опрокинув еще одну стопку, Роман посмотрел на меня зелеными глазами, которые в темноте казались цвета летней травы. — Не выходи за него, Маримар. Помнишь мое предложение о замужестве, давно, когда за тобой бегал граф в попытках сделать младшей женой? Это не шутка. Если тебе будет нужна защита, я ее предоставлю. У меня хватит сил, чтобы постоять за нас, а у моей семьи — влияния, чтобы противостоять даже императорскому дому. Ты — мой друг и никогда меня не бросала. И я тебя не брошу.

Я порывисто обняла Романа, пытаясь выразить всю благодарность и тепло, которое испытывала к нему, прекрасно понимая, что слова эти вызваны не любовью и романтическими чувствами, а дружбой, которая зачастую куда важнее любви. Я не могла рассказать ему о договоре с императором. И даже не будь договора, я бы следовала пути, который считаю правильным.

— Твоя... хранительница скоро появится, как и обещала. Ты готов к встрече?

Роман улыбнулся, появилось ощущение, что в пасмурный день выглянуло солнце и разогнало облака.

— Да. Пусть у женщины моей мечты есть рога и хвост, но она прекрасна.

Я улыбнулась в ответ, желудок предательски заурчал.

— Если не возражаешь, пойду к ректору. Уверена, у него еще остался торт.

На самом деле я хотела поблагодарить графа за то, что он сделал. Если бы не он, Роман бы погиб.

Путешествие по темным коридорам академии могло напугать кого угодно, но не меня. Студенты любили рассказывать друг другу страшилки о призраках и тварях, обитающих в ночи, но я знала: самые страшные создания — те, что едят с тобой за одним столом, улыбаются, а затем вонзают нож в спину. Однако, налетев на проявившегося из ниоткуда графа, я вскрикнула.

— Маримар... Как раз тебя искал. — Роах выглядел уставшим, расстроенным и очень злым.

— А я вас. — Решила выбрать официальный тон обращения. В горле застряли тысячи слов благодарности, но все, что я смогла выдать из себя: — У вас еще остался торт?

— Ты есть хочешь? Бедный котенок... — Роах мигом растерял всю свою злость, привел меня в кабинет, пригласил усесться в удобное кресло.

Торт оказался съеденным наполовину. Граф отрезал мне большой кусок, а сам поспешил за чайником и фарфоровыми чашками. Когда он вернулся, я уже все слопала. Чай — горячий, ароматный, с кусочками цитрусов — согревал изнутри, после своей безумной скачки я впервые осознала, как же измождена.

— Спасибо. Я имею в виду за все. Если бы не вы, Роман бы погиб.

Роах кивнул, слабо улыбнувшись.

— Маг земли передает свою силу наследнику и умирает. Сигурд зажил на этом свете и тяготился вечной жизнью. Поэтому то, что случилось, естественно. А теперь, котенок, поведай, как вы вообще оказались в этой ситуации?

Я рассказала, опустив детали про ведьм. Понимала, что Роах, скорее всего, взбесится, но он только покачал головой, отпивая глоток из своей фарфоровой чашечки с тонкими стенками.

— Если бы ты мне рассказала, помог бы. Я еще лет пять назад заметил, что пустыня разрастается, она грозила поглотить окружающие

деревушки, и кто знает, быть может, со временем весь континент. Опасаясь, обратился к Теренису с прошением о снятии проклятия. Он так и не ответил.

Эта новость стала для меня открытием. Если бы пустыня разрослась, она поглотила бы самые плодородные земли империи, обрекая жителей на голод.

— Теренис — плохой правитель, — не скрывая мыслей, заявила графу.

Тот коротко кивнул, не желая развивать тему.

— Хочешь, принесу еще чего-нибудь? По опыту знаю, сколько сил отнимает магия.

Я не смогла отказаться. Вызванный ритуалом голод еще не отступил, а по пути в академию я почти не останавливалась. Роах ушел за продуктами, а я свернулась в широком кресле, решив прикрыть глаза всего лишь на минутку.

Проснувшись в своей комнате в женском общежитии. Граф накрыл меня одеялом, сняв обувь и грязные чулки. Из-за последнего я густо покраснела, хотя, стоит признать, спать в чулках ужасно неудобно. На столе лежали свежие фрукты, орехи, вареные яйца и записка:

Никуда не торопись. Отдохни и хорошо поешь. Я слетаю и узнаю, как там Тавр.

Твой Р.

Первым делом я смела еду, затем набрала полную ванну теплой воды. Смыв усталость и грязь, взяла тетрадь, в которой записывала уроки Гораны, и вывела несколько раз «У нас получилось!».

Раздался стук в дверь. Я выглянула, чтобы с удивлением обнаружить на пороге Самара. Другой сквир, Из знатного рода клана Серебряной воды, почти все члены которого погибли при загадочном пожаре, стоял, сминая в руках чертежи.

— Маримар, можно войти?

Я бросила взгляд на мусор на столе и неприбранную кровать, потом на парня, не отличавшегося опрятностью, и решила, что меня не станут попрекать беспорядком.

— Что-то случилось? — спросила друга, давно отделившегося от нашей компании.

Теперь все свое время он проводил с невестой, младшей сестрой Романа. Эта парочка ходила по обсерваториям, посещала лекции академии наук. Самар был очень одаренным инженером. Когда-то и я думала, что магия совсем не важна в нашей жизни, что будущее за наукой. Сейчас же понимала, что отказ от магии невозможен, потому что она буквально пронзает нашу реальность.

— Я закончил чертежи корабля, который сможет идти без сил магов ветра и воздуха. Когда я показал его в академии наук, эти старые снобы подняли меня на смех. — Самар поправил очки, так он делал всегда, когда нервничал. — Можно, я покажу их тебе?

Кивнула, уже понимая, куда повернется разговор. Показывая чертежи, друг пытался добиться финансирования проекта. Парень расстелил листы на столе, придавив их пустыми тарелками и чашками. Он долго рассказывал о предполагаемом устройстве корабля, о возможной скорости благодаря паровому двигателю. Звучало интересно, а главное, проект мог решить основную проблему мореплавания — нехватку магов ветра.

— Если ты сможешь организовать встречу с принцем, я буду благодарен, — завершил речь Самар.

— Но почему бы не попросить денег у отца Романа? Он торговец, ему будет интересно, если кто-то создаст быстрые суда.

— Я и так слишком многим обязан Родрику Золотому. Хоть чего-то я должен достичь без его помощи.

Рожденный сквиром, клейменный позором крови, Самар потерял право распоряжаться состоянием семьи, и после пожара, в котором погиб весь клан Серебряной воды, все его имущество отошло короне. Если бы Родрик не взял Самара и не воспитал как собственного сына, неизвестно, что произошло бы с этим талантливейшим парнем.

— Я поговорю с Тавром, в ближайшее время организую для вас встречу. Большого обещать не могу. — Не люблю давать обещаний, которые не в силах выполнить.

— О большем я и не прошу. Спасибо! — Парень пожал мне руку, как мужчине.

Это было приятно. А о Сигурде и трауре Самар не вспомнил, потому что всегда находился в своем собственном мире. В мире, где

только он и Марина. Глядя на эту пару понимала — так выглядит настоящая любовь. Они понимают и уважают друг друга, принимают недостатки и готовы бороться за свою половину. В Марину тыкали пальцами, когда узнавали, что она собирается связать свою жизнь со сквиром, но девушка проходила мимо злопыхателей с высоко поднятой головой. Друзья Самара зачастую удивлялись, что он выбрал себе в спутницы такую некрасивую девушку, и парень всем советовал купить очки — в его глазах Марина была прекрасна.

Осталось встретиться с Тавром. Мне многое хотелось ему сказать.

Принц явился в академию через день. Я заметила его из окна комнаты и попросила пришедших за советом Шару и Лилиан, которым никак не удавалось овладеть искусством тактики, покинуть меня. Собрав тетради и пожелав мне хорошего дня, девушки удалились. Лилиан уходила неохотно, пожирая Тавра взглядом.

Принц похудел, осунулся. Я не могла не заметить, с каким трудом он спешил с лошади, будто болело все тело. Набросила плащ и вышла ему навстречу.

— Здравствуй, моя прекрасная невеста. — Улыбаясь, жених распахнул объятия.

Под красивыми глазами залегли тени, кожа не сияла золотом, как обычно. Он выглядел больным.

— Что с тобой случилось? — После увиденного уже не могла на него злиться.

Принц перешагнул лужу, растекшуюся на брусчатке, поднялся на три ступеньки, чтобы смотреть мне в глаза. Сказал тихо, не желая быть подслушанным:

— Тот ритуал не мог пройти без последствий. Я потерял несколько лет жизни, оставив их в Черном лесу. — Прозвучало так, будто его жизнь ничего не значила.

— Но ты выглядел совершенно здоровым, когда я покидала лес.

Мне ненавистна была сама мысль, что Тавр мог так пострадать. По жестам было видно, что он испытывает боль.

— В тот момент ты была обеспокоена здоровьем своего рыжего друга.

Вцепившись в алую ткань его плаща, спросила как могла строго:

— Ты знал, что Роман может умереть? Говори правду.

Принц улыбнулся, повел носом, вдыхая мой запах.

— Фиалки... Ты не заметила, что животных осталось только два? Я зарезал своего мула, думал, этой жертвы будет достаточно. Оказалось, что это не так.

Я вспомнила черного зверя с белым пятнышком на шее, то, как Тавр с мрачным видом гладил его между ушами, когда мы въезжали в пустыню. Пока я собиралась с мыслями, принц продолжил:

— Мари, ты не чувствуешь этот мир так, как я. Пока что не чувствуешь. Великая пустыня была язвой в мире природы, болезнью. И эта болезнь разрасталась. — Я вспомнила слова Роаха, что территория пустыни начала расти. — И когда ты сообщила, что будущий элементаль земли желает вылечить болезнь, ухватился за эту возможность. Не буду лгать, я не пожалел бы ни его, ни своей жизни, чтобы возродить Черный лес. И... Можешь меня ненавидеть, но я бы поступил так же еще раз.

— Почему не сказал мне? — спросила гневно, осознавая, что прощаю, сердце сжималось от жалости, когда я видела Тавра в таком состоянии.

— Разве ты позволила бы Роману участвовать в ритуале, зная, что он может пострадать? А мне бы позволила? — Я покачала головой. — В любом случае, Мари, тебе ничего не угрожало. Твоя сила разрушала проклятье, освобождала землю, чтобы мы могли вдохнуть в нее жизнь.

Тавр прикоснулся к моей щеке, пальцы были холодными.

— Пойдем, напою тебя чаем, — буркнула. — Только не считай, что я тебя простила.

— Готов вымалывать прощения всю нашу совместную жизнь. — В голосе идущего за мной принца почудилась улыбка. — Ты удивительная, Мари. Скоро я стану очень счастливым мужем.

Я оглянулась через плечо, наши взгляды встретились. Прежде чем я придумала, что ответить Тавру, он стремительно приблизился ко мне в полумраке коридора и нежно поцеловал. Руки обняли меня за талию, нежно легли на спину. Жених шептал всякие глупости, прерывая поцелуй, а потом возобновляя его с новой силой. В этот момент я с ненавистью к себе осознала, что люблю его.

Следующие несколько недель прошли под лозунгом «Маримар — тряпка». Я как дурочка улыбалась цветам и подаркам от принца. Тавр, все еще плохо чувствовавший себя после ритуала, вел себя еще более обходительно, чем обычно. Он часто приезжал в академию, вытягивался на моей кровати и просто наблюдал, как я делаю домашнее задание или читаю. Роман простил его, лишь увидев, в каком тот состоянии, даже взялся лечить принца от истощения, которое стало причиной болезни. На мой вопрос, почему он его простил, Роман ответил: «Он не пытался подвергнуть нас тому, на что бы не пошел сам. И, Маримар, я умею чувствовать жизненную силу. Тавр потерял гораздо больше меня».

Я стала брать принца с собой на уроки с чак-чо. Отчасти потому, что было любопытно, как зверь на него отреагирует. В первый раз животное нервничало, но все же показалось, а потом даже позволяло принцу чесать себя, пока я отработывала упражнения.

Чак-чо учил меня созидательной магии, учил чувствовать воду в почве, растениях, воздухе, но не для того, чтобы пользоваться ей, не для того, чтобы вытягивать влагу из почвы, как учил Теренис. «Твои предшественники слишком концентрировались на том, чтобы овладеть боевыми заклинаниями, в то время как истинная мощь кроется в понимании природы вещей», — раздавались слова у меня в голове.

Весна полностью вступила в свои права, солнышко припекало с каждым днем все сильнее. Тавр раздобыл где-то ведро с водой и поливал пересыхающую кожу зверя. Он первым заметил, что чак-чо не хватает влаги. Морда моего хранителя была полна блаженства, когда за его ушами текли струйки теплой воды. «Напоминает о ванне», — подумал чак-чо так громко, что мы с Тавром оба услышали его.

— Ты когда-то принимал теплую ванну? — спросила, отвлекаясь от задания.

«Очень давно. В другой жизни». Зверь нервно дернул хвостом, не желая вспоминать о тех временах. Мои догадки о том, что чак-чо когда-то был человеком, подтвердились.

Два часа тренировки подошли к концу. Мне хотелось спросить кое-что у зверя, но для этого надо было остаться наедине. Взглядом попросила Тавра уйти. Он понял и прошептал одними губами: «Не забывай, что нас сегодня ожидают во дворце». Принц скрылся из вида, и я спросила:

— Почему ты тогда сказал опасаться Роаха?

«Элементаль воздуха?» — Чак-чо не очень хорошо признавал имена, считая, что их значение сильно преувеличено.

— Да. Это он.

«Если будет рядом, он перечеркнет твою судьбу. Ты должна править. Твое предназначение — стать великим правителем», — с этими словами зверь скрылся из виду. Я ничего не поняла из предупреждения, поэтому решила обдумать его позже.

От мысли о возвращении во дворец, пусть даже на простой ужин, каждый раз сводило внутренности. Нужно было натягивать вычурные платья, улыбаться тем, кто за спиной распускает о тебе мерзкие сплетни. Принц в этом гадюшнике чувствовал себя вполне сносно и подбадривал, что со временем я привыкну, а затем буду вольна сама назначать придворных. А я не была уверена, что это время настанет. Роах никак не мог выйти на след ведьмы. Где-то умирали стихийные маги, а мы были бессильны.

После того как новость о воскрешении пустыни долетела до двора, мы с принцем стали желанными приглашенными на любое событие. Роман тоже не успевал отбиваться от карточек и писем «влюбленных» девушек, которых интересовала выгодная партия с сильным магом. Он и раньше был нарасхват, и только врожденное упрямство спасало его от женитьбы. Он и в военную академию убежал, чтобы не жениться.

Тавр сделал мне красивую прическу, вплетя в волосы цветки фиалок, помог подобрать удобное фиолетовое платье без лишних деталей. Мои «фрейлины» следовали за нами — девушки ни на секунду не позволяли себе забыть о долге, каким бы настойчивым вниманием ни окружали их молодые люди. Из украшений на мне были аметистовые серьги и три кольца, что не раз спасали меня в сложных ситуациях. Пусть и с временно потухшими камнями, они всегда были на моих пальцах: как бы Тавр ни просил, я никогда не снимала подарков графа.

Мы прибыли во дворец, опоздав на пять минут, и сразу отправились в императорские сады — больше всего Теренис любил есть на природе. Вышли на поляну, где ужинало Солнце нашей империи, и почувствовали себя во вражьем стане.

— Кажется, нам здесь не очень рады, — шепнул Тавр на ухо.

Клан Черного ветра был почти в полном составе. Светлокожие, черноволосые, с глазами-омутами. По левую руку от императора сидел Роах, и я почувствовала, как отступает тревога. Граф, казалось, был полностью поглощен красивой родственницей Аназис, девушка улыбалась и краснела под его взглядом. Ревность кольнула, но я подавила ее усилием воли. Определилась уже со своими чувствами и мешать графу не имею права. Чтобы успокоиться, прижалась к принцу.

— Наконец-то, сын мой! — Теренис, с легкостью поднявшись с места, обнял Тавра. Император пребывал в прекрасном расположении духа. Казалось, он стал выше, сильнее, будто стряхнул с себя лет десять. — Мари! Я уже отчаялся увидеть тебя при дворе. Возвращайся домой.

«Как-нибудь никогда», — мелькнуло в голове, и я порадовалась, что чтение мыслей не входит в число способностей магов.

— Как только разберусь со своими делами в академии.

— Роах! Неужто Мари отстающая студентка? Поделись с нами.

Семейство Черного ветра вперилось в нас жадными взглядами.

— Напротив. Многообещающая. — Граф обратился скорее ко мне, чем к приглашенным.

Мы уселись на свои места, я уже нацелилась на ножку фазана, когда Теренис спросил с издевкой:

— Покажешь что-нибудь, Мари? — В глазах императора горело превосходство.

Он выглядел хорошо, болезнь отступила. Старик выпрямился, встряхнулся, словно сбрасывая с плеч годы, и я заметила золотистые пряди в седых волосах. Аназис рядом просто сияла. Ей нравилась перспектива омоложения жениха. Интересно, знает ли она о цене его молодости?

— Что именно вы хотите увидеть? — вежливо поинтересовалась, уже понимая, что спокойно поесть не удастся.

— Магию воды. Помнишь, мы отрабатывали с тобой создание водяных кинжалов? Преуспела ли ты в этом упражнении? Ведь прошло более месяца.

Я улыбнулась. Конечно, Теренис ожидал провала. Он прекратил тренировки и был уверен, что я не справлюсь. Не вставая из-за стола, обратила взгляд на пожилого мужчину с безобразной черной бородой,

которую не мешало бы подровнять. Премило ему улыбнувшись, спросила:

— Вы не будете против поучаствовать в испытании?

Мужчина надулся в раздумьях, став похожим на огромную жабу. Но, проследив за реакцией Терениса — а тот был уверен, что ничего не выйдет, — благосклонно кивнул.

— Мне встать, чтобы вам было удобнее?

— Нет. Просто не двигайтесь секунд пять. — И с улыбкой отпила из высокого бокала.

Как только взгляды присутствующих обратились на мужчину, я сконцентрировалась, заставив его вино выбраться из чаши и принять форму острого клинка. Жертва эксперимента не успела испугаться, как лезвие приблизилось к лицу и укоротило бороду вдвое. Результат показался мне не слишком аккуратным, поэтому я превратила клинок в бритву и немного подровняла с краев. Вот так-то лучше, мужчины с неопрятными бородами никому не нравятся.

За столом воцарилась тишина, единственным звуком был скрип моего ножа о тарелку, когда я все же попыталась отрезать кусочек от фазаньей ножки. Аплодировать начал Тавр, к нему присоединился граф, затем робкие хлопки остальных. Лишь одна пара рук не поднялась в воздух, император буравил меня взглядом.

— Как ты этому научилась?

Чтобы не вызывать излишнее раздражение, посмотрела на него с восхищением.

— У меня был хороший учитель.

Хорошим учителем был чак-чо, научивший меня гораздо большим вещам, чем Теренис. Но императору не стоило знать о наших уроках со зверем-покровителем. Старик, как всегда, охотно проглотил лесть, и остаток ужина прошел спокойно. Вечером Тавр проводил меня в академию, поцеловал на прощание коротким касанием губ и произнес с неподдельной тревогой:

— Мари, умоляю, спрячь свои когти. Притворись слабой и больше не провоцируй отца. Я не хочу тебя потерять.

Погладила принца по щеке, чтобы он успокоился. Сейчас-то я уже поняла, какую ошибку допустила. Теренис ненавидел соперников, всю жизнь уничтожал возможных претендентов на свое место. Старик был

полновластным правителем, сильнейшим магом воды в империи, а тут какая-то девчонка пытается оспорить его право на господство.

— Больше не буду рисковать, обещаю.

Твердо решила придерживаться своего обещания, с тяжестью на сердце осознавая, что, возможно, уже нанесла непоправимый вред своей глупой бравадой.

ГЛАВА 16

Весна в нашем краю всегда наступала стремительно: молодая зеленая листва покрыла деревья, в лесах растаял последний снег, согреваемый нежным солнышком, звери проснулись и вылезли из своих нор, а многочисленные коты, гуляющие по столице, затянули любовные серенады. Студенты тоже пребывали в романтическом настроении. Учиться никому не хотелось, меж тем второе полугодие подходило к концу, и нас ждали экзамены. Почти все преподаватели поставили мне высший балл без сдачи экзамена, никто не желал как-то обидеть мага воды. Только Эльдар уверил, что будет гонять меня по рингу, пока не рухну, да Ниньо пообещала никому не давать послаблений. Мне они и не нужны были, я была готова к экзамену по теории магии огня. Мы с Алексис неплохо тренировались все полугодие. Кузина засматривалась на Романа, но он пребывал в мечтах о золотой оленихе. Та пока не появилась, но парень терпеливо ждал и готовил планы по завоеванию прекрасного создания. Каким-то шестым чувством я осознавала, что его идея обречена на провал — золотая олениха никогда не была человеком и не хотела им становиться, а Роман этого не понимал.

Тавр заявил, что временно не стоит видеться с Гораной, — он слишком боялся за мою безопасность, ожидая за каждым углом невидимого шпиона. Принц был рядом каждый вечер, обучая меня травничеству под предлогом свиданий на охоте. Оказывается, травами можно было лечить недуги, с которыми не справлялась магия земли. В одну из таких поездок Тавр рассказывал мне не о лечебных, а об иных средствах.

— Если ты измельчишь этот корень и будешь наносить на кожу дважды в неделю, она станет ровной, следы усталости пропадут, исчезнут крохотные изъяны. А вот эта трава обеспечивает приток мужской силы. — Он сорвал несколько листочков, по форме похожих на огурец, и убрал в сумку. Я покраснела. — Ты не представляешь, на что идут придворные мужчины, чтобы заполучить это снадобье.

— Ты продаешь его во дворце? — Мои глаза округлились. Думала, магия ведьм — табу.

— Не я сам и не продаю. За меня это делают другие. А я благодаря этим травам манипулирую советниками отца. Только в последнее время меня вытеснил клан Черного ветра, — добавил принц с недовольством.

Он, как и я, пользовался всеми своими способностями по максимуму, чтобы получить желаемое.

— И ради чего манипулировать?

Тавр улыбнулся:

— Сейчас пытаюсь добиться, чтобы незамужние женщины могли обрести независимость в их работе. Чтобы дать им возможность распоряжаться наследством. Разрешения на разводы.

— Зачем тебе это?

Я не очень хорошо понимала, как работает императорский совет. Помнила, что там заседает девятка представителей благородных семейств. Все мужчины. Окончательное решение все равно принимает император, но совет имеет влияние.

Тавр продолжил вдохновенно, с сияющими глазами:

— Половина империи живет в рабстве. Я говорю о женщинах. С тех пор как почти все ведьмы были уничтожены, женщинам из простых семейств некуда обращаться за помощью. Да и благородные — рабыни своих кланов. — Хотела спросить, отчего Тавра так беспокоят их судьбы, как он сам ответил: — Я сын своей матери. И у меня есть обязательства перед ней.

За мысли, за доброту, которой Тавр, казалось, стеснялся, готова была расцеловать его. Что тут же и сделала. Поцелуй вышел неловким, потому что пришлось встать на цыпочки, чтобы дотянуться до его шелковистых губ. Отстраниться принц не дал, окружив ароматом своей кожи, пряных трав и специй. Он целовал так, что я теряла себя, растворяясь его тепле и нежности. Когда мы отстранились друг от друга, выпалила первую пришедшую на ум фразу, чтобы заполнить неловкую паузу:

— Мой друг создал чертежи корабля, который не нуждается в магах воздуха, чтобы идти против течения. Ты не мог бы с ним встретиться?

— Конечно, встречусь. Ради тебя я сделаю что угодно.

Улыбнулась и снова прижалась к Тавру. Я точно знала, что мы сможем быть счастливы вместе.

С экзамена по магии огня я выходила, пританцовывая от радости. Долгий труд окупился, Ниньо даже позволила себе скупую улыбку, когда мы с Алексис продемонстрировали итоги нашей совместной работы. Кузина создала три амулета, которые я смогла высвободить и поразить цели. А затем мы показали уход от различных атак мага огня, где я выступила чрезвычайно шустрым подопытным кроликом.

Чьи-то руки схватили меня, чтобы затащить в темную нишу, пропахшую влажным камнем. В мужчине, который трясся, словно от озноба, и выглядел несколько безумно, с удивлением узнала Роаха и смотрела на него выпученными глазами. Он зажал мне рот сильной рукой, обжигая губы холодом, и быстро зашептал, прикрыв веки, будто слова предназначались не мне, а к кому-то другому:

— Император подозревает Маримар в занятиях ведьмовством. Он просил меня проверить будущую императрицу. Найти улики ее связи с ведьмами. Уверен, я не единственный, посланный следить. Чтобы выжить, Маримар следует выполнить условия Кровавого договора и выйти замуж за принца в ближайшем храме. Сделать это как можно скорее и бежать. Я случайно забыл деньги и ценные бумаги в своем кабинете. — Произнеся все это, Роах распахнул глаза.

Льдистый взгляд заставил мое сердце замереть, в нем не было нежности, лишь глубокая печаль и бесконечное желание обладать. Он освободил мой рот, только руку мгновенно сменили губы. Граф целовал меня против воли, кусая губы и с каким-то отчаянием вдавливая в стену. Со стыдом осознала, что отвечаю на поцелуй, хватая его короткие светлые волосы, обнимая широкие плечи.

Роах отстранился, глухо зарычал и вытолкнул меня из ниши в коридор, растрепанную, с покрасневшими от поцелуя губами, переполненную чувством вины.

Поспешив в свою комнату, закрыла дверь и опустилась на кровать. Роах не мог лгать. Он бы не стал этого делать. Как всегда в минуты опасности, голова прояснилась. Он прав. Единственное, что связывало меня по рукам и ногам, — Кровавый договор и его обязательное условие — выйти замуж за принца. Когда мы с Тавром поженимся, я стану свободна. Очевидно, что Теренис с удовольствием сожжет меня на костре, если подтвердится, что я ведьма. Не просто так он приказал

собрать улики. Учитывая, сколько магов поплатились только за то, что обладали способностями к управлению стихией воды, мне нужно было бежать, и как можно скорее. Вечером мы должны были встретиться с принцем и отправиться на привычную «охоту». Что ж, изменим маршрут и поедem в храм, где венчались Римус с Ромусом и Киара. А затем я сбегу. Сначала смогу скрыться в доме Гораны. Вот только Роах ошибался, надеясь, что я возьму деньги и навсегда покину столицу. Выполнив условия договора, я приложу руку к тому, чтобы жизнь императора окончилась очень быстро. И тогда вернусь ко двору и к принцу.

Теперь понятно, как Роах обходил условия контракта: говорил с закрытыми глазами, будто беседуя сам с собой, я же вроде как случайный слушатель. Если клан Ледяного ветра поколениями играл в эту игру, правила Роах выучил. Однако ему нельзя знать, где я буду скрываться, неизвестно, как много он должен сообщать Теренису. И этим поцелуем граф прощался со мной, понимая, что, возможно, больше никогда меня не увидит. Как столь холодный человек может целовать с таким жаром? Коснулась губ, они все еще горели, тело словно молнии пронзали.

Но я не имела права думать о Роахе и продолжала размышлять, мечась по комнате, словно загнанный зверь. Если внезапно пропаду, то подвергну опасности Тавра и всех своих близких. Девушек из храма Кровавой богини могут взять под стражу, а то и пытаться станут, чтобы выдали моего местоположение. А родители...

Решение пришло с холодной ясностью. Лучше, если меня посчитают мертвой. Никто не подумает о пропаже, если решат, что я мертва. Теренис не узнает, что мы с принцем поженились, и будет уверен, что меня в любом случае уничтожила Кровавая клятва. Нужно поговорить с принцем, у него в арсенале есть несколько фокусов, которые заставят всех поверить в мою безвременную кончину. Схватив со стола лист бумаги и пишущее перо, писала предсмертную записку, даже не пытаюсь привести в порядок сумбурные мысли:

«Прошу никого не винить в моей смерти. Я осознала, что не смогу вынести свалившуюся на меня ответственность, я недостаточно хороша, чтобы быть императрицей, чтобы нести в себе силу стихии воды. Я ненавижу жизнь при дворе,

ненавижу аристократов и понимаю, что не смогу жить на этой ярмарке лицемерия и тщеславия. Именно поэтому я уйду в лес и вскрою вены. Прости меня, Тавр».

Решив, что получилось вполне пристойно, сложила письмо пополам, оставила в центре стола и принялась спешно собираться. Многого брать нельзя. В старую сумку кинула украшения, пару платьев, нижнее белье. Полезла за кровать в поисках тетради с записями уроков Гораны, и мое сердце пропустило удар.

Тетради на месте не оказалось. Поискала взглядом куклу, что подарила мне маленькая ведьма. Место на книжной полке, где она восседала, тоже опустело. В дверь настойчиво постучали. Наверное, Алексис. Ищет меня, чтобы поделиться результатами экзамена.

— Я занята, минутку, — крикнула, продолжая перерывать комнату в надежде, что просто положила тетрадь в другое место.

В дверь забарабанили с новой силой.

— Откройте дверь! Именем императора Терениса! — Мужской голос по ту сторону был незнаком.

Выглянула в окно. Выпрыгнуть со второго этажа — плевое дело. Сумка уже висела на плече, но за ту секунду, что я провозилась со шпингалетом на раме, дверь выбили, и на пороге возникли двое мужчин.

— Мари из клана Синего огня, вы обвиняетесь в занятии ведьмовством. Попытка побега будет расценена как признание вины и подвергнет вашу семью и близких допросу и заключению в темницу. — Высокий седой мужчина с крупными чертами лица говорил со спокойным достоинством, будто повторял эту речь не в первый раз.

Я замерла перед открытым окном, не в силах пуститься в бега. Поздно. Теперь уже слишком поздно. Позволила сковать руки за спиной и изъять оружие. Кольца они тоже сняли, как и браслет, болтавшийся на запястье. Я корила себя за то, что надела его на экзамен. Седые брови старшего из стражников поползли вверх — узнал символы на браслете.

— Мне очень жаль, — сказал он с тяжелым вздохом. — Вы будете доставлены во дворец. Император желает самостоятельно допросить

вас. Не делайте глупостей, вас уже ничто не спасет, но ваша семья еще может обойтись малой кровью.

Послушно шла между мужчинами. «Фрейлины» во всеоружии выскочили в коридор, но я приказала им отступить.

— Что происходит? — Шара стояла, замотанная в полотенце и с мечом, скорее всего, принимала ванну, когда меня сковали.

— Найдите принца или Роаха. Они должны вас защитить. — О себе я уже не думала.

Пока была на экзамене, кто-то обыскал комнату. И это был не Роах, значит, Теренис доверял графу меньше, чем мы рассчитывали. Шедший позади стражник грубо толкнул меня в спину. Мы пересекли территорию академии, направляясь к воротам, у которых стояла зарешеченная карета, полагавшаяся преступникам из благородных.

— Какого... ее увозят! — сыпля отборными ругательствами, из учебного корпуса выбежал Роман.

Седой стражник со вздохом повторил:

— Мари из клана Синего огня обвиняется в занятиях ведьмовством. Она отправляется во дворец, где император решит ее дальнейшую судьбу.

— Я еду с ней. Не позволю, чтобы ее судили без свидетелей!

Роман преградил страже путь, мои конвоиры обнажили мечи. Друг позеленел, земля под ногами затряслась. К нам уже бежал Самар, поправляя очки и воинственно крича на ходу:

— По закону 347 о судебной процедуре не допускается наказания без суда, следствия и свидетелей. Роман, сын Родрика Золотого, имеет право выступить как защитник обвиняемой или свидетель, этот закон не в силах нарушить никто, даже император.

Опешившая охрана уставилась на моих друзей, посмевших встать у них на пути, переводя взгляд с одного на другого. А между тем и другие студенты выскочили из корпуса академии. Почти все были представителями благородных фамилий и как один вопили:

— Произвол!

— Отстаньте от нашей Маримар!

— Император не имеет права!

Со многими из них я ни разу в жизни не разговаривала, иных и вовсе считала врагами, но студенты вышли вперед, к ним подтягивались преподаватели.

— Это акт неповиновения приказу императора! — скрипел седой страж.

— Видимо, старикан совсем спятил, раз пытается сжечь Маримар на костре. Дураку известно, ведьм в империи не осталось, — раздался голос Эльдара.

Молча взмолилась, чтобы его кто-нибудь утихомирил, — подобные слова могли привести к казни на плахе. Да и все они рисковали. Я сделала шаг вперед — стража, испугавшись воинственно настроенной толпы, перестала меня удерживать.

— Друзья! — воскликнула, ощущая, что каждое слово будет иметь вес, невзирая на то, что я не собиралась использовать магию голоса. — Не волнуйтесь за меня. Это недопонимание разрешится, и уже вечером я вернусь в академию. Я не дам причинить себе вред без суда и следствия. Роман, Самар — согласитесь ли вы выступить свидетелями защиты?

Парни кивнули. Толпа осталась стоять. По коже прошелся холодный ветер, и рядом со мной приземлился граф.

— Расходимся! — приказал он.

Мы переглянулись, во взглядах сквозила одинаковая тревога. Если о сегодняшнем событии станет известно, Теренис может обвинить в измене всех присутствующих, и ректор не сможет их защитить.

Студенты послушались, Роман отошел от стражей и встал рядом со мной, к нам присоединился Самар. Роах возглавлял процессию. Под конвоем направляясь во дворец, осознала, что друзья подарили мне возможность побороться за свою жизнь.

* * *

Теренис восседал на троне, рядом пристроилась Аназис в пышном голубом платье. Церемония их бракосочетания была назначена на следующую неделю. Помимо них, Тавра и Артура в зале находились стража и палач, а это означало, что император не намеревался тратить время на справедливый суд. Глаза принца были расширены от ужаса. Возможно ли, что Теренис собирался выдвинуть обвинения и сыну? В широкие окна лился алый свет закатного солнца. Я смотрела перед

собой и задавалась вопросом: как могла моя ошибка привести к столь чудовищным событиям?

— Казнить, — ровным голосом произнес Теренис.

Он не стал задавать вопросов, будучи уверенным в своей правоте относительно меня.

Стражники сделали шаг вперед, но путь им преградили Роман и Роах.

— Мы требуем суда! — возвестил мой рыжий друг.

— Я суд! Я власть! — взревел Теренис, поднимаясь с трона.

По сравнению с тем, когда я видела его в последний раз, император стал еще прямее и шире в плечах.

— Даже вы не имеете права не дать обвиняемому оправдаться. — Самар смотрел ему в глаза стальным взглядом из-под очков.

— Кто ты? — Теренис изучающе оглядывал друга, казалось, увидев в нем нечто знакомое, и это нечто ему не нравилось.

— Я — сын Адриана из клана Серебряной воды, — он специально не назвал своего имени.

— Думал, вы все погибли.

— Не все. — Парень говорил ровно, спокойно. Самар впервые не сутулился, а выпрямился во весь свой немалый рост. Худой, жилистый, казалось, ветром можно сдуть, но в этой фигуре виднелась недюжинная мощь. Клан Серебряной воды был вторым после императорского, раньше поговаривали, что Адриан может спокойно сместить Терениса, если пожелает.

Император улыбнулся, затем приказал Артуру:

— Принеси доказательства. Кстати, одно из них и сейчас находится у нее на руке.

Стражник снял мой браслет и преподнес Теренису. Тот повертел вещь в руке и передал Аназис. Она взяла браслет с опаской, словно тот был ядовитой змеей. Старик глядел на нас ясным взглядом и выглядел так, будто ему было немногим за пятьдесят. Морщины разгладились, полголовы вновь стала золотой, выросли и недостающие волосы, закрыв проплешины.

Артур принес вещи, найденные у меня в комнате. Перед Теренисом оказалась окровавленная кукла, пропавшая из комнаты, и записи.

— Эти предметы принадлежат Мари из клана Синего огня, — заявил Артур с осознанием собственного превосходства.

Император открыл тетрадь и зачитал вслух:

— «Сегодня мы изучали движение энергии для воскрешения Черного леса. Энергии жизни, смерти и изменения должны вести непрерывный танец. В пустыне царит только смерть, и все благодаря императорской фамилии. Считается, что магия уходит из семей, приложивших руку к проклятию...» Ты будешь отрицать, что записи принадлежат твоему перу?

Нет. Я действительно прибегла к магии ведьм, чтобы вернуть к жизни Черный лес.

Лгать было бесполезно. Мой почерк весьма узнаваем, оставалось только радоваться, что в тетради нет ничьих имен. Теренис с улыбкой хлопнул в ладоши.

— Если она сделала это ради империи, мы можем обратиться к прецеденту, произошедшему в столице сто семьдесят лет назад, когда маг прибег к ведьмовству, чтобы спасти жизнь императора, и был оправдан, — вновь заговорил Самар.

Перевела на него округлившиеся глаза, парень пожал плечами и шепнул:

— Юриспруденция — мое хобби.

Теренис нахмурился, палач со скучающим видом уставился в окно.

Тавр шагнул вперед.

— Отец, отпусти Мари. Она никому не причинила вреда.

Я заметила, как принц пытается поймать взгляд отца, а глаза его превращаются в золотые озера. Он сильно рисковал, применяя свою магию здесь и сейчас.

— Замолчи, — приказал Теренис, стараясь не смотреть на сына. — Она не могла сама овладеть магией воды. Я заподозрил неладное, когда она продемонстрировала свои возросшие способности. Невозможно всего за полгода обучения постичь магию клинков.

Император отвернулся, увидел Роаха и просиял. Сиял он до тех пор, пока граф не сделал шаг в мою сторону.

— Ваше величество, нецелесообразно уничтожать последнего мага воды в империи помимо вас.

— Я решаю, что целесообразно, а что нет! — Роах опустил голову в коротком поклоне, а Теренис продолжил: — Ты чувствуешь? Говори правду. Ты чувствуешь от нее запах ведьм?

Граф молчал. Теренис повторил вопрос, используя магию голоса, и Роах выдавил сквозь сжатые зубы:

— Да. От нее пахнет ведьмами.

Аназис торжествующе рассмеялась, император нахмурился и перевел взгляд на сына. Тавр смотрел на него с вызовом, ожидая обвинений. Их не последовало.

Комната наполнялась алым светом, мне нравились такие закаты, неплохая погода для последнего дня жизни.

— Черный лес был воскрешен более месяца назад. Почему же от нее до сих пор пахнет магией?

— Ваше высочество...

— Отец! — принц и граф заговорили в унисон, но Теренис заорал:

— Молчать! Мари из клана Синего огня, за свое преступление ты приговариваешься к смертной казни через сожжение на костре! Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Стража схватила меня за руки, палач оживился. В зале поднялся ледяной ветер, отбросив от меня стражу.

— Я не позволю. — И граф встал передо мной.

— Роах, нет! Ты подвергнешь опасности всю свою семью, — вскрикнула я.

Тавр тоже приблизился ко мне и обнажил оружие.

— Прости, отец.

Артур выхватил меч, Роман с характерной для него лисьей улыбкой встал впереди нас.

— Хоть бы ты помер, сморчок старый, — пожелал он.

Аназис от такой наглости притворно лишилась чувств, а старик рассмеялся.

— Жаль. Вы все одно сплошное разочарование.

Он взмахнул рукой, водяной хлыст, появившийся в его ладони, обвился вокруг шеи Романа, раздался звук ломающихся позвонков. Друг рухнул на пол, недвижимый, мертвый. Я закричала, магия императора распалась, только тот не растерялся.

— Сын мой, давно надо было так сделать.

В воздухе просвистел кинжал, направленный в живот Тавру. Принц повалился на землю, руками зажимая кровавый цветок, распускающийся на его белой рубашке.

— Я твой единственный сын, — прошептал он.

Теренис пожал плечами.

— Тебя это не убьет. Позже вызову лекаря. Может быть.

Роах решительно загородил меня собой, пытаюсь заключить императора в кокон из воздуха. Он не мог нанести прямой вред, но надеялся создать между нами непреодолимую преграду.

— Прекрати! — приказал Теренис, и граф замер, не в силах пошевелиться. — Отойди от нее и смотри. Смотри внимательно. И ты смотри, Тавр. Запоминай, что происходит, когда проявляют непослушание.

Роах непослушными ногами отошел в сторону и уставился на нас, в глазах его стояли слезы. Мы думали, что Теренис эксцентричен, тщеславен, что он — эгоист до мозга костей, но не ожидали, что еще и безумен.

Император направился ко мне, глаза его наливались кровью. Я встала в стойку, но большинство заклинаний предполагало использование рук, мои же были сцеплены за спиной.

Силой мысли создавая водный клинок, почувствовала, как закипает кровь в венах. Боль была такой, что я закричала, чувствуя во рту вкус собственной крови, ослепнув и оглохнув от боли. Кричала, не слыша своего голоса, который далеко за пределами тронного зала заставлял придворных в страхе бежать прочь.

Внезапно сквозь пелену страданий на меня нахлынуло чувство умиротворения и спокойствия, словно кто-то родной был рядом.

Пришла в себя, стоя на коленях. Видимо, Теренис отвлекся, потерял концентрацию. Чьи-то руки прикоснулись ко мне, наполняя самой жизнью, и зрение прояснилось. Первое, что я увидела, — нагло улыбающаяся рыжая морда.

— Я же говорил, что бессмертен.

Друг, потирая шею, побежал на помощь Тавру, который бормотал что-то сквозь зубы, а я уставилась на Терениса и чак-чо.

«Ты опоздала на наше занятие», — раздался укоризненный голос зверя в моей голове, в то время как сам он обходил императора по кругу, то приближаясь, то отдаляясь от него.

Теренис рассмеялся.

— Наконец-то! — воскликнул он. — Наконец ты посчитал меня достойным и пришел ко мне!

Император протянул руку, но зверь отступил, нервно дергая хвостом, что не предвещало ничего хорошего.

— Маг обретет силу великую после того, как пройдет испытания суровые, — процитировал старик, он был счастлив как ребенок, получивший желаемое. Периодически бросал взгляды на истекающего кровью Тавра и явно подумывал о том, чтобы добить его.

«Ты не проходил испытания. Ты был испытанием».

Голос чак-чо был слышен не только мне. Все находившиеся в зале внимательно посмотрели на огромного черного зверя. Первой опомнилась Аназис:

— Теренис, беги! — закричала она, только было поздно.

Молнией метнувшись к императору, зверь перегрыз ему горло. Темно-алая кровь густым потоком полилась на мраморный пол. Затухающие глаза Терениса с удивлением уставились на пропитанный кровью золотой кафтан, затем на зверя с окровавленной мордой. Он умирал, осознавая, что ему никогда не было предназначено стать великим правителем.

— Ты! — кричала Аназис склонившемуся около Тавра Роману. — Ты элементарь! Помоги ему! Помоги своему императору. Артур! Это измена, их нужно взять под стражу.

Стражники, вставшие с пола, неловко подняли оружие. Одного взгляда Роаха хватило, чтобы они его опустили. Палач так вообще предпочел испариться в пылу схватки. Чак-чо подобрался ко мне, окровавленной мордой потерся о платье. Роах сделал шаг, и присутствующие как один с надеждой воззрились на него, но граф встал на одно колено перед Тавром и возвестил:

— Император умер! Да здравствует император!

Это была стандартная фраза признания нового монарха, правда, обычно старый не находился при этом рядом, испуская последние вздохи. И пусть принц был бледен и в руках целителя, он улыбнулся. Наши взгляды встретились, в его читались победный восторг и любовь. Слабо улыбнулась в ответ, повернулась к графу. Он только что потерял хозяина, но в его взгляде сквозило поражение, потому что он должен был вот-вот принять нового. И тогда я поняла, что должна

сделать. Подбежала к телу Терениса, чтобы беспардонно пошарить в его карманах. Ко мне кинулись стенающая Аназис и ее мерзкий братец, и я гаркнула:

— Не мешайте мне!

Руки все еще были сцеплены, но я смогла переместить их оковами вперед и на тонкой цепочке на шее Терениса нашла то, что искала — ключи от тайника с заветными договорами. Выбежала из зала, чувствуя, как несколько пар глаз провожают меня, и понеслась наверх, туда, где Теренис хранил Кровавые договоры, сковывающие поколения аристократии. Несколько стражников пытались преградить путь — еще бы, простоволосая, с окровавленными руками, сцепленными наручниками. Однако у них ничего не вышло, бесполезно спорить с магией голоса.

Заветный сундук, обитый позеленевшим металлом, открывала так быстро, как могла. Руки тряслись. Нужный договор лежал на самом виду.

— Я подарю тебе свободу, — шептала, тем же ключом нанося порезы на руку.

Хватило крохотной ранки, чтобы вызвать достаточно крови и залить ей весь текст договора императорской фамилии с кланом Ледяного ветра. Пергамент вспыхнул в руках, краски выцвели в мгновение ока. Но я не была уверена в успехе, пока не услышала смех. Громкий хохот, что сотрясал весь дворец. Бросила договор обратно в сундук, закрыла его, и тут же в кабинет влетел Роах. Его кожа приобрела синеватый оттенок, как обычно бывало, когда он находился во власти стихии.

— Ты освободила меня! — кричал он. Казалось, его разорвет на части от счастья. — Ты освободила весь клан!

Граф рухнул передо мной на колени и принялся целовать мои. Я только кивала, неловко касаясь его волос грязными от крови руками.

— Мари из клана Синего огня, я присягаю тебе на верность. Я буду твоим мечом, твоим щитом и твоей опорой. Я делаю это не по принуждению, а по любви.

Роах стремительно подхватил меня на руки и закружил в воздухе.

— Мне нужно возвращаться, — выдохнула, хотя очень не хотелось снова видеть тело Терениса. — Принц ждет меня.

Граф замер, словно вспомнив о чем-то неприятном.

— Тавр... — Роах поставил меня на пол. Поправил свой мундир и превратился в ледяную статую. — Если позволишь, я отведу тебя к нему. — В каждом его слове сквозила горечь. — Котенок, скажи честно. Ты любишь его? — Он взял мою руку и поднес к лицу, наслаждаясь прикосновением, его не смущали грязные пальцы, оставляющие следы на коже.

Меньше всего мне сейчас хотелось говорить о чувствах, но пришлось ответить:

— Если я понимаю, что такое любовь, то да.

— Тогда почему ты освободила меня? — Граф смотрел так, словно от ответа зависела его жизнь. — Почему оставила Тавра и побежала за договором?

— Ему ничего не угрожает, с ним Роман. А я не смогла бы спокойно жить, зная о несправедливости к тебе и клану Ледяного ветра.

Руки графа безвольно опустились.

— Несправедливость... В этой жизни чертовски много несправедливости. — Его глаза смотрели куда угодно, только не на меня. — Что ж, Маримар, позволь отвести тебя к жениху. А потом, если не возражаешь, я бы хотел полетать, как свободная птица, которой стал благодаря тебе.

Растянула губы в неискренней улыбке. Роах не казался счастливым. Он выглядел даже более несчастным, чем когда-либо. Мы вернулись в тронный зал, тело императора уже унесли, Тавр раздавал распоряжения, но как-то отстраненно, все еще не оправившись от шока. Физически он полностью исцелился, но души магия земли лечить не способна. Чак-чо вертелся у его ног, как домашний кот, вызывая восхищение придворных. Никого не смутило, что эта милая зверушка только что разорвала горло старому императору.

Чак-чо — зверь легендарный и неприкосновенный, единственный, для кого подобный поступок мог остаться безнаказанным. Нам говорил об этом библиотекарь, которого отыскал Самар и уговорил принести свод древних законов. А замашки помолодевшего императора в последнее время вызывали немало недовольства — одно дело, терпеть капризы умирающего, а другое — вдруг осознать, что умирать старик не собирается еще долго.

Аназис и Артур были временно взяты под стражу. Роах сказал, что допросит их, как только вернется с Севера, где он собирался отметить со своим кланом снятие трехсотлетнего рабства. В столице у графа было много дел, где-то все еще расхаживала ведьма, практиковавшая темную магию.

Роман убежал в академию поведать всем о случившемся. Держу пари, событие обрстет несколькими новыми деталями, но мой друг вполне заслужил свою порцию славы.

Тавр мягко обнял меня за талию, как обычно ни к чему не принуждая, а скорее заманивая в сети своим обаянием.

— Мы сделаем империю лучше. Вместе. Ты и я.

Я кивнула, обнимая его и погружаясь в аромат специй и свежих трав. Тавр держался за меня в окружающем нас хаосе, но мы-то уже знали, что из хаоса рождается порядок.

— Вместе. Ты и я, — повторила за ним.

Наша история только начинается.

Конец второй книги